

Георгий
Владимирович
ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Московское
ЦАРСТВО

История России

Георгий Вернадский
Московское царство

Вернадский Г. В.

Московское царство / Г. В. Вернадский — — (История России)

«Московское царство» – книга, завершающая «Историю России»

Г.В.Вернадского. Автор повествует о событиях отечественной истории от эпохи царствования Ивана Грозного до Смутного времени и восхождении на престол и утверждении династии Романовых. На основе обширного круга источников, читатель знакомится с определяющими тенденциями экономической, социально-политической и культурной жизни России этого периода.

Содержание

Георгий Вернадский	6
Глава I. ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	7
1. Ворота в Евразию: Россия и татары в XVI и XVII веках	7
I	7
II	8
III	11
IV	15
2. Начало царства: первый период реформ	17
I	17
II	20
III	25
IV	27
V	31
VI	33
VII	37
3. Кризис 1553 г. и второй период реформ	42
I	42
II	45
III	51
IV	54
V	57
4. Ливонская война и опричнина.	60
I	60
II	64
III	66
IV	69
V	72
VI	76
VII	79
VIII	84
IX	89
5. Последствия опричнины и конец Ливонской войны	92
I	92
II	98
III	103
IV	105
V	110
VI	111
6. Правление Бориса Годунова	116
I	116
II	121
III	124
IV	126
V	129
VI	133
VII	138

Конец ознакомительного фрагмента.

139

Георгий Вернадский
МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

Глава I. ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Ворота в Евразию: Россия и татары в XVI и XVII веках

I

Эпоха Ренессанса и Реформации в Европе – XV и XVI века – стала свидетельницей морских завоеваний Европы во всем мире.

Для России это означало начало ее сухопутного продвижения на юг и юго-восток – к Черному и Каспийскому морям – и в восточном направлении через Сибирь – к Тихому океану.

Европейские исследователи попытались обнаружить северо-восточный путь к Тихому океану в Северном Ледовитом океане вдоль побережья Северной России и Сибири. На этом направлении англичане открыли морской путь в Московию через Белое море в 1553 г. В противоположном направлении европейцы окружили Азию с юга и востока – из Аравии к Китаю и Японии.

В восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке обрела консолидацию Османская империя – третья сила в игре России и Европы.¹ Завоевательные войны Европы и России несли побежденным народам христианскую культуру, им противостояло османское правление, представляющее мусульманский мир, или, скорее, его основное исповедание – суннитскую ортодоксию. Персия (Иран) была бастионом шиитской деноминации ислама.

В мировой истории русское продвижение на восток через Сибирь имело геополитическую параллель в англосаксонском проникновении на запад через североамериканский континент. Оба Движения начались приблизительно в одно и то же время. Сибирское предприятие Ермака (1581-1584 гг.) осуществлялось одновременно с поселением сэра Вальтера Рали на острове Роанок (1584 г.). Джеймстаун в Вирджинии был основан в 1607 г., в то время как Томск в Сибири был основан в 1604 г.; Якутск был основан в 1632 г., т.е. за шесть лет до Нью Хейвена в Коннектикуте. К середине XVII века русские уже пересекли континент и достигли проливов, разделяющих Азию и Северную Америку, которые позднее получили имя Беринга.

Постоянный фактор в развитии русской истории вплоть до XVIII века – влияние степных народов на Россию – достиг зенита с монгольским завоеванием Руси в XIII столетии.

В течение столетия Русь – как Западная, так и Восточная – стала частью Монгольской империи, подчиненная в основном региональному вассальному ханству империи, известному как Золотая Орда. В Западной Руси монгольское владычество завершилось в 1349 г. и сменилось господством Литвы и Польши. Восточная Русь оставалась под властью Золотой Орды еще столетие.²

К середине XV века Золотая Орда была разделена на три отдельных государства: Казанское ханство (созданное в 1445г.), Крымское ханство (1449г.) и оставшуюся часть Золотой Орды, имевшую своим центром Сарай на Нижней Волге и известную как Большая Орда. К востоку от Волги в первой половине XV века появилось несколько других государств: Тюменское ханство в Западной Сибири, Ногайская орда, Казахское ханство (ранее именовавшееся Киргизским) и Узбекское ханство. Население каждого из них представляло собой смесь мон-

---

¹ 1. See W.E.D. Allen, *Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century* (London, Central Asian Research Center, 1963).

² 2. См. Монголы и Русь.

гольских правящих родов с местными тюркскими племенами, которые сами были смесью тюрков с тюркизированными иранцами.³

С падением Монгольской империи тюркский (татарский) элемент Золотой Орды вышел на передний план. Русские летописи и иные документы даже в монгольский период использовали термин «татары». Поэтому, как и в предыдущем томе «Россия в средние века», мы должны назвать правящий народ Золотой Орды и наследующих ей ханств «татарами», а не «монголами».⁴

Используя раздоры среди татар, великий князь московский Василий II около 1452г. фактически освободился от татарского сюзеренитета и прекратил выплату регулярной дани. Более того, ему удалось привлечь несколько групп татар в свои владения. И в 1480 г., в правление великого князя Ивана III, Москва стала юридически независимой.⁵

Угроза нападения со стороны татар, однако, не миновала. Даже после окончательного распада Золотой Орды (1502 г.) ее наследники, Казанское и Крымское ханства, были способны создать сильную армию. Крымские ханы с 1475 г. были вассалами турецкого султана, что в определенной мере ограничивало их власть, но в то же время обеспечивало им при необходимости поддержку могущественной Османской империи.

Татарские набеги беспокоили как Восточную Русь, так и южную часть Западной Руси, т.е. как Московию, так и Украину (последняя находилась в это время под властью Литвы и Польши).

Если бы великие князья московские и короли Польши (великие князья литовские) объединили свои силы, они могли бы устранить опасность, подчинив себе как Казань, так и Крым. Вместо этого правительства Восточной и Западной Руси враждовали друг с другом, и каждое искало поддержки у татар.

В последней четверти XV века Польша и Литва заключили союз с Золотой Ордой против Московии. Иван III ответил союзом с крымским ханом Менгли-Гиреем.

В правление Василия III (1505-1533 гг.) ханы Крыма перешли на польско-литовскую сторону и совершили множество опустошительных набегов на Русь.⁶

Казанские татары также постоянно доставляли Москве беспокойство. Как Иван III, так и Василий III пытались решить эту проблему, заключая соглашения с правящими казанскими ханами и с их помощью обеспечивая правление тех, кто был дружественен Москве. Эта политика была успешна лишь частично и непродолжительное время. Существовала сильная прокрымская и антимосковская партия среди влиятельных казанских вельмож, которая взяла дела в свои руки в конце 1530-х г. И набега казанских татар на Русь возобновились при сильной поддержке крымских ханов.

II

К середине XVI века для московских государственных деятелей стало ясно, что формальная политическая независимость Московии от татарских царей (как именовались на Руси ханы) не могла обеспечить и не обеспечила безопасность русских людей. Союз татар с Польшей угрожал самому существованию Московского государства.

Не только правительство, но и народ в целом понимали, что следует предпринять эффективные усилия, чтобы установить контроль над татарскими ханствами. Как Иван III, так и Василий III попытались сделать казанских ханов вассалами великого князя московского. Эти

---

³ Ibid, pp.290-292.

⁴ Cf. Id., p.256, n.38.

⁵ Россия в средние века.

⁶ Id., p.153.

попытки провалились. Московским правителям оставалось лишь раз и навсегда завоевать Казань. Это было сделано в правление сына Василия III Ивана IV (ставшего царем в 1547 г.).

В 1552 г. Казань была взята штурмом, и ханство было включено в «царство Московское и всея Руси». Четырьмя годами позже к Москве было присоединено Астраханское ханство.

Весь бассейн Волга находился теперь в руках русских. На соседние народы и племена эти завоевания произвели колоссальное впечатление. Многие кабардинские князья на Северном Кавказе дали клятву верности русскому царю. В Ногайской орде, которая контролировала территорию между Нижней Волгой и Аральским морем, взял власть род, дружественно настроенный к русским. В 1555 г. в Москве появились посланники сибирского хана Ядигара, чтобы выразить готовность их властителя стать вассалом царя Ивана IV.

На реализацию огромного потенциала русской победы потребовалось много времени. Хотя степная зона была разделена на две части русским завоеванием Казани и Астрахани, борьба России со степными народами не была завершена. Крымские татары продолжали контролировать русские пограничные земли в течении всего XVII века (Крым был аннексирован Россией лишь в 1783 г., при Екатерине II). Однако при рассмотрении произошедшего в целом, события 1550-х гг. оказались главным поворотным пунктом в русско-татарских отношениях. Они заложили основание Русской евразийской империи. На новой фазе политического объединения Евразии московские цари выступили в роли наследников Чингисхана, только монголы в свое время начали свое нашествие на Русь с востока и двигались на запад, русская же экспансия шла в противоположном направлении, с запада на восток.

С геополитической точки зрения русское царство базировалось на восстановлении политического единства территории Монгольской империи. Только на этот раз центром объединения была Москва, а не Каракорум. По словам князя Трубецкого, Российская империя может быть названа наследием Чингисхана.⁷

В продолжительном процессе строительства своего государства русские полагались не только на вооруженную силу. Когда им приходилось защищаться или не было иного пути достижения целей, они сражались, но искали и другие способы добиться своего – пытались, например, привлечь на свою сторону татар и иные восточные народы и племена, заполучить их правителей в качестве вассалов или же пригласить их на царскую службу.

Эта политика периодически терпела неудачи и приносила обратные ожидаемым результаты, но по своей сути она оказалась весьма дальновидной. Это не распространилось только на крымских татар (поддерживаемых Турцией). Отчаянная борьба с ними продолжалась на протяжении всего XVII столетия. После распада Золотой Орды оставался только один независимый татарский властитель, поэтому меньшие ханы и вельможи с достаточной легкостью приносили клятву верности русскому царю.

В большинстве ханств этого периода хан не был автократическим правителем. Он зависел от могущественных аристократических родов. Москва старалась установить дружбу с влиятельными родами, чтобы привлечь их на свою сторону и создать в ханствах, где правители были настроены по отношению к России агрессивно, прорусскую партию. Эффективным побудительным мотивом часто становились богатые подарки (в большинстве своем меха) потенциальным друзьям среди татарских вельмож.

В некоторых из многоплеменных ханств, подобных Казанскому и Сибирскому, татары составляли высший слой, правящий местными племенами угро-финского или иного этнического происхождения. Для этих подчиненных племен не имело большого значения, должны ли они платить ясак (дань, обычно мехами) татарскому хану монгольского происхождения (потомку Чингисхана) или же царю.

---

⁷ 7. I.R./кн.Николай Трубецкой/ Наследие Чингисхана. Berlin, 1925. См. Монголы и Русь.

Золотая Орда была первоначально известна как Белая Орда. В качестве наследника хана этой орды московский правитель стал теперь «белым ханом» или «Белым царем» для своих татарских и монгольских вассалов.⁸

Эти вассальные ханы, мурзы (князья) и народы, подобные ногайцам (и позднее калмыкам), которые принимая царский сюзеренитет оставались в своих прежних владениях на периферии Московии, всегда оказывались последовательными и надежными союзниками, но все они в то или иное время в значительной мере поддерживали русских. Наиболее верными периферийными вассалами царя были кабардинцы на Северном Кавказе.

Что же касается татар, то наибольшую помощь Москве оказывали те, что поселились в самой Московии. Они в конце концов стали органической частью того, что мы можем назвать российским содружеством.

Наиболее важной из этих татарских групп была группа, находившаяся под предводительством сына хана Улуг-Махаммеда, Касима, называемого русскими царевичем (сыном хана). В конце 1452 г. или в начале 1453 г. великий князь Василий II Московский даровал ему город Городец-на-Оке, который стал столицей нового ханства под опекой Москвы – ханства Касимова (именовавшегося русскими Касимовским царством).⁹ Другие татарские князья, перешедшие на московскую сторону, также получили в качестве владений или бенефициев города вокруг Москвы.

После завоевания Казани казанские татары и подчиненные им народы, подобные башкирам, чувашам и черемисам (мари), стали подданными царя либо (некоторые, после временного сопротивления) пошли к нему на службу. Князья (мурзы) в каждом случае получали статус русских дворян. Они составляли другой важный элемент татарских (и связанных с ними) служилых людей.

Царь не вмешивался в религиозные верования татарских (и позднее калмыцких) вассалов и подданных. Русским казалось естественным, что восточные народы должны унаследовать свою собственную веру – будь то ислам или буддизм. Характерное заявление относительно собственной политики терпимости по отношению к исламу было сделано царем Иваном IV турецкому султану в 1570 г.

«Наш государь, – сказал его посланник И.П. Новосильцев, – не враг ислама. Его вассал царь Саин-Булат правит в Касимове; царевич Кай-була – в Юрьеве; Ибак – в Сурожском стане; ногайские князья – в Романове. Все они свободно воздают дань Мухаммеду в своих мечетях».¹⁰

В этих словах мы ощущаем осознание царем Иваном IV евразийской природы его империи.

Кроме вассальной зависимости, другим путем поступления татар на царскую службу было самостоятельное перемещение их в Московию. В большинстве подобных случаев вновь прибывший охотно переходил в русскую православную веру и, если он принадлежал к дворянству, был принят согласно его положению. Его потомки быстро принимали русские традиции и образ жизни.

Согласно вычислениям Н.П. Загоскина, 156 русских дворянских семей были татарского или иного восточного происхождения.¹¹ Среди них выделялись в XVI и XVII столетиях Вельяминовы-Зерновы, Сабуровы и Годуновы.

По московскому порядку, татарские цари и царевичи занимали высокое положение и обладали преимуществом в дворцовых ритуалах, вне зависимости от того, оставались ли они

---

⁸ 8. См. Монголы и Русь.

⁹ 9. Id., pp. 331-332. Относительно предков Касима см. с. 431.

¹⁰ 10. Вельяминов-Зернов, 2, 1.

¹¹ 11. Монголы и Русь.

мусульманами или крестились. После крещения они могли даже претендовать на московский трон.

В 1573 г. вышеупомянутый Саин-Булат, царь Касимова, решил принять христианство (получив при этом имя Симеона) и поэтому должен был уйти с трона Касимова. Два года спустя Иван IV назвал Симеона великим князем московским, а себя – его вассалом в качестве удельного князя. Симеон носил титул царя (как бывший царь Касимова). Решение Ивана IV изменилось в 1576г.; он вновь принял трон московский и сделал царя Симеона великим князем тверским.

В ситуации с царем Симеоном в Московии характерно, что впоследствии, после смерти царя Федора в 1598 г., он был одним из кандидатов на трон. Правда, занял его тогда Борис Годунов (русский боярин татарского происхождения).

Рассмотрев все это, есть много оснований утверждать, что татары, став частью русского государства и общества, принимали активное участие в создании Русской евразийской империи.

К середине XVII века система мусульманских татарских анклавов в Московии исчерпала себя. В конце августа 1653 г. тогдашний царевич Касимова Сеид Бурган (сын царя Арслана) перешел в христианство, возможно при некотором давлении со стороны царя Алексея и патриарха Никона. Он получил христианское имя Василий. В противовес прежней традиции он продолжал возглавлять ханство Касимова, хотя большинство его подданных оставались мусульманами. Василий умер около 1679 г. После его смерти царством Касимовским номинально правила его мать, царица Фатима (вдова Арслана). Когда она умерла (ок. 1681 г.), царство перестало существовать, и город Касимов с его районом был переведен под русскую администрацию. Касимовские татары получили разрешение оставаться мусульманами.¹²

Даже после 1653 г., в период правления царя Алексея Михайловича, татарские царевичи – теперь уже лишь крещеные – продолжали занимать почетное место при царском дворе, но они утратили свою значимость в армии и администрации.¹³

Среди периферийных народов на юго-востоке и востоке следует специально упомянуть о черкесах на Северном Кавказе. Князья их западной ветви, адыгейцев, которые жили вблизи Черного моря, попали под сюзеренитет крымского хана и турецкого султана. Но князья восточной ветви – кабардинцы, жившие в горной местности, в 1557 г. присягнули на верность царю Ивану IV. С этого момента большинство кабардинцев последовательно поддерживало Москву против крымских татар и, в XVII веке, – против калмыков. В 1561 г. царь Иван, первая жена которого умерла в 1560 г., женился на кабардинской княжне. Ее братья и некоторые другие родственники пошли на царскую службу. Они именовались князьями Черкасскими (черкас – старорусское имя черкесов), и многие из них стали выдающимися московскими военачальниками и государственными деятелями.

III

Московская политика подготовила почву для юго-восточной экспансии русского государства. Государственная политика переселения в XVI веке сопровождалась перемещением как из Восточной, так и из Западной России на юг, в степную зону, людей пограничья, известных как казаки (в русском используется термин «казак», в украинском – «козак»).¹⁴

Казаки были организованы в военные содружества, также называемые «войском». Несколько подобных военных коммун появилось в XVI веке: «выше днепровских порогов» –

---

¹² 12. См. Вельяминов-Зернов, 3,202-209,317-502; 4, гл. XVII.

¹³ 13. Котошихин, гл. 2, разд. 12.

¹⁴ 14. "Об истоках термина «казак» см.: Россия в средние века.

(Запорожье), сообщество украинских казаков¹⁵; донская казачья армия; яикские и терекские армии (последняя – на Северном Кавказе). Они располагались в долинах рек, поскольку там были менее доступны для татар. Их армии были организованы традиционным для степных народов образом:

подразделения из десяти (десяток), ста (сотня) и тысячи (тысяча) человек; тысячное подразделение было известно как полк.

Казаки оказались незаменимыми союзниками как для Московии, так и для Польши в борьбе против татар и Турции. Время от времени запорожские и донские казаки предпринимали дерзкие морские набеги на турецкие города, расположенные на побережье Черного моря.

Казаки вели себя независимо и не всегда согласовывали свои действия с Москвой и Польшей. Когда казачья морская экспедиция организовывалась в мирный период, она создавала неудобства и для московитского, и для польского правительств, что вело к конфликту между казаками и царем или сеймам (польским парламентом).

Как польское, так и московское правительства пытались держать казаков под своим контролем. Польский король, Стефан Баторий, попытался ограничить деятельность казаков, сделав их регулярной пограничной службой, верной ему и находящейся под командой назначенных им офицеров. Это было началом института «реестровых» казаков на польской службе.¹⁶

Московское правительство признавало донскую и иные восточно-русские казачьи армии как отдельные государства до 1614 г., когда донские казаки признали вассальную зависимость от царя.

В то же время, однако, Москва формировала внутри своих границ иные казачьи соединения из тех, кто прямо соглашался пойти на царскую службу. Эти группы организовывались по казачьему типу внутри каждого соединения, но находились под командованием московских армейских командиров. Эти «служилые казаки» играли важную роль в защите южных границ Московии, равно как и в русском завоевании Сибири.

Реки, вдоль которых селились свободные казаки, изобиловали рыбой. В ранний период рыболовство было главной ветвью казачьей экономики. Позднее для донских казаков приобрело важное значение коневодство. Военные трофеи были другим важным доходом казачьих армий. До конца XVII века земля на Дону не возделывалась.

Распространение русского сельского хозяйства на восток и юг стало возможным лишь после завоевания Казани.

Первоначальным побудительным мотивом русского проникновения в Сибирь был поток мехов и выгоды от торговли мехом. Сначала колонизация шла медленно, но к середине XVII века позиции русских в Сибири стали достаточно устойчивыми. К этому времени большое значение в Сибири приобрели поиск залежей железа и иных металлов и их обработка и плавление.

Даже после завоевания Казани, когда для русской сельскохозяйственной колонизации открылось Поволжье, проникновение переселенцев из сердца Московии на юг, в степную зону, в значительной степени сдерживалось сопротивлением крымских татар. Борьба Московии с ними продолжалась в течение всего XVII столетия. Крымское ханство было само по себе грозной военной силой, и когда это требовалось, хан обращался к помощи своего сюзерена, османского султана. Более того, татары пользовались московскими конфликтами с Польшей. Поляки охотно шли на союз с ханом, надеясь что его поддержка поможет им взять верх над Москвой.

Крымские татары совершали набеги на московские южные границы почти каждый год. 1586-1574 гг. в этом отношении оказались особенно тяжелыми для России.¹⁷

---

¹⁵ 15. О подъеме украинских казаков см.: Россия в средние века.

¹⁶ 16. Id., pp. 261-262.

¹⁷ 17. Новосельский, с. 23.

В 1569 г. турки при поддержке крымских татар начали амбициозную кампанию против Астрахани. Их грандиозные планы однако, провалились.

Турки не повторили свой поход на Астрахань. Татары, которые лишь наполовину поддерживали эту кампанию, оказались более опасными для России, нежели турки. Летом 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей с сильной армией подошел к Москве. Ему не удалось захватить Кремль, но он сумел спалить весь посад. Девлет-Гирей повторил свой набег в следующем году, но в этот раз русские были более бдительны и отразили нападение татар.

Между 1572 и 1584 гг. (дата смерти царя Ивана IV) татары и ногайцы ежегодно совершали набеги на пограничные московские провинции, но меньшими силами, нежели в ходе кампании Девлет-Гирея 1571 и 1572 гг. В правление царя Федора заботами Бориса Годунова рубежи Москвы были укреплены, и нападения татар постепенно прекратились. После 1591 г. татарских рейдов почти не было.

Ситуация изменилась в Смутное время. Крым заключил союз с Польшей. Ногайцы также не преминули поживиться за счет Московии. Восстановление порядка в России в 1613 г. и избрание на трон Михаила Романова привели к установлению более мирных отношений между Москвой и Крымом. Между 1618 и 1630 гг. крупных татарских набегов на московские владения не было.

Новый кризис возник во время Смоленской войны между Москвой и Польшей (1632-1634 гг.). Крымский хан вновь выступил на стороне Польши. В 1637 г. донские казаки захватили Азов, что чуть не привело к полномасштабной войне между Москвой и Турцией. Но Москва уступила, и казакам пришлось в 1642 г. оставить Азов.

Татарские набеги на Московию продолжались до конца 1640-х гг. Очередная смена декораций пришлось на начало в 1648г. украинской войны с Польшей. Глава запорожских казаков гетман Богдан Хмельницкий заключил союз с крымским ханом. В течение нескольких лет татары были вовлечены в казацко-польскую войну.

После объединения Украины с Москвой в 1654 г. татары вновь изменили свою политику и стали на сторону Польши и сочувствующих ей казаков. В 1676 г. казаки под управлением гетмана Дорошенко стали вассалами турецкого султана. Последовала война между Москвой и Турцией, поддержанной крымскими татарами (1676-1682 гг.).

С помощью «левобережных» казаков, которые оставались верны объединению, Москве удалось сдержать турецкий натиск.¹⁸ Но в результате войны большая часть «правобережной» Украины (теперь разделенной между Польшей и Турцией) была разорена.

В 1686 г. между Москвой и Польшей был заключен союз. В 1687 г. и в 1689 г. Москва и левобережные казаки предприняли две кампании против Крыма. Кампании были неудачными, но они показали, что баланс власти смещается и теперь татарам придется занять оборонительные позиции.

Ущерб, нанесенный русскому народу постоянными татарскими набегами в XVI и XVII веках был огромен. Каждое вторжение сопровождалось грабежами и поджогами крестьянских деревень и дворянских имений, и толпы пленников – мужчин, женщин и детей – угонялись в Крым. Некоторых пленников татары оставляли у себя в качестве рабов. За других просили у русского правительства выкуп. Большинство продавалось в Каффе и на других невольничьих рынках для вывоза за границу. Османское правительство и турецкие купцы охотно покупали русских пленников.

Захват пленных составлял главную цель татарских набегов. Общее число пленных, увезенных татарами из Московии в XVI и XVII столетиях, может быть оценено лишь приблизительно. Источники содержат цифры относительно многих походов, но нам не известно, все ли они надежны.

---

¹⁸ 18. «Левый берег» Днепра – район к востоку от Днепра; «правый берег» – к западу от реки.

Может показаться, что в XVI веке (до 1591 г.) татары захватили большее число москвитов, нежели в XVII веке. Объяснением тому может быть укрепление русской системы обороны и ее лучшая организация в XVII веке.

Согласно исчислениям Новосельского, общее число пленников, захваченных татарами в Московии в течение первой половины XVII века, не могло быть менее 150 или 200 тысяч человек. Сам Новосельский признает, что это – минимальное количество.¹⁹ Поскольку цифровые данные в источниках недостаточно полны, мы можем предположить, что реально общее число больше. Татарские набеги на Украину были еще более опустошительными, чем на Москву (где защита была лучше организована).²⁰

Работоторговля обеспечивала татарам значительный доход. Крымский хан после каждого рейда оставлял часть пленников себе, как правило, это составляло от 5 до 10 % захваченных. В 1640-х гг. хан Ислам-Гирей получал свою долю не живым товаром, а деньгами – 10 золотых монет (8 московских рублей) за человека.

Цены на рабов менялись в зависимости от количества захваченных в каждом набеге и покупательского спроса. Средняя стоимость хорошего пленника (сильного и здорового) составляла 50 золотых монет (40 рублей). Размеры выкупа, требуемого за пленников, превышали рыночную стоимость рабов и часто были непомерными.

В 1640 г. татары привели в резиденцию московских посланников в Крыму И. Фустова и И. Ломакина несколько недавно захваченных пленников с целью выкупа. Посланники выкупили некоторых из них, в том числе двух крестьян, за которых они заплатили 80 рублей за каждого. За сына боярского И. Жукова татары потребовали выкуп в 500 рублей. Когда посланники отказались заплатить эту сумму, татары начали пытать Жукова. Чтобы спасти его, посланники предложили 180 рублей наличными, а Жуков поклялся доплатить по возвращении домой (предположительно, посланники гарантировали уплату).

В 1644 г. новые московские посланцы в Крыму заплатили 100 рублей выкупа за пушкаря Е. Прибыткова, который поклялся добавить еще 600 рублей.²¹

Московское правительство почти каждый год должно было тратить значительные средства на выкуп пленников. Например, в 1644 г. траты на эти цели составили 8500 рублей; в следующем году – 7357 рублей. Эти суммы составили лишь часть татарского дохода от выкупа пленников, поскольку во многих случаях пленники должны были платить татарам сверх правительственных взносов. В XVII веке правительство ввело специальный налог на покрытие собственных расходов по сделкам о выкупе, так называемые полоняничьи деньги.

Общая сумма дохода татар, получаемая со сделок по выкупу и торговли пленниками, должна была достигать в первой половине XVII столетия многих миллионов рублей.²²

Необходимость быть всегда готовым к татарским набегам заставляла московское правительство мобилизовывать каждое лето (в это время обычно приходили татары) значительную часть дворянской армии к югу от Оки. В стратегических точках воздвигались крепости, становившиеся опорой линий оборонительных укреплений. Все это требовало денег и рабочих рук.

Одновременно с организацией обороны против татар Москва старалась предотвратить их набеги дипломатическими путями, в частности, преподнося крымскому хану и вельможам значительные подарки (поминки), что почти становилось постоянной данью. Каждое московское посольство к хану (обычно каждые два года посылали двух человек) везло дорогие подарки, в большинстве своем сибирские меха.

---

¹⁹ 19. Новосельский, с. 434-436.

²⁰ 20. Там же, с. 435.

²¹ 21. Там же, с. 436.

²² 22. Там же.

В период с 1613 г. по 1650 г. общая сумма таких подарков составляла от 7000 до 25000 рублей в зависимости от политической ситуации.²³

Также дорого стоило содержание крымских посланцев в Москве. Московский Посольский приказ должен был обеспечивать татарских посланников продовольствием и давать им подарки. В 1646 г. подобные траты превысили 8000 рублей.

В XVII веке новые московские посланники обычно посылались в Крым в то же время, когда крымские приезжали в Москву. Обмен послами происходил в Валуйках. Согласно установившемуся обычаю, татары, сопровождавшие своих посланников в Валуйки, получали от московского правительства подарки и продукта Средние расходы каждый раз составляли около 1500 рублей.

Также существовали расходы московского Посольского приказа на жалованье и экипировку собственных посланников в Крым, на обслуживающий персонал, военный эскорт и на их транспортные расходы.

Московские расходы на осуществление дипломатических отношений с Крымом в первой половине XVII столетия рассчитывались следующим образом:

Подарки (поминки) – 37400 рублей

Платежи при обмене посланниками – 45000 рублей

Содержание крымских посланников в Москве – 265000 рублей

Расходы московских посольств в Крыму – 224000 рублей

Всего: 908000 рублей²⁴

IV

Отношения с Крымом, Польшей и странами Балтии составляли главную проблему для московской внешней политики в течение XVI и XVII столетий.

Решение крымского вопроса для московской дипломатии прежде всего заключалось в том, чтобы остановить татар или по крайней мере сократить число их набегов на Московию. Конечной целью борьбы Московии с татарами было достижение северных берегов Черного моря (которые были доступны русским в раннее средневековье). Радикальное решение проблемы – присоединение Крыма – было поставлено на повестку дня в 1550-х гг., но не достигнуто до конца XVIII века.

Что касается польской проблемы, Московия не оставляла надежды присоединить западнорусские земли, которые контролировались Польшей и Литвой с середины XIV века. В домонгольский период все русские княжества – восточные и западные – были частью Киевской федерации.

Политика объединения Западной и Восточной Руси под властью Москвы получила начало в правление Ивана III. В течение Смутного времени Польша нанесла ответный удар и почти преуспела в воцарении польского кронпринца на московском троне. После украинского восстания 1648 г. расстановка сил изменилась в пользу Москвы.

Северной аналогией черноморской проблемы была балтийская. Русские имели доступ к Финскому заливу с давних времен и сохраняли его до 1583 г., когда территория вокруг устья Невы была сдана Швеции. Москва вновь получила контроль над ней в 1595 г. и потеряла в Смутное время (1617 г.). Очередная попытка Москвы завоевать эти земли в 1650-х гг. была неудачной.

Все проблемы, стоящие перед московской дипломатией в XVII веке – Черное море, Западная Русь и Балтика, – были тесно переплетены.

---

²³ 23. См. Перечень у Новосельского, с. 437-438.

²⁴ 24. Новосельский, с. 442.

Отношения с Крымом повлияли на всю систему московской внешней политики в XVI и XVII веках. Дипломатическая ситуация могла сложиться в виде треугольника или квадрата в различных комбинациях: Москва, Крым, Польша; Москва, Польша, Швеция и Крым; Турция, Украина, Москва, Польша; Швеция, Москва, Турция, Украина, Польша.

В течение второй половины XVI и первой половины XVII столетий базовым треугольником выступали Москва, Крым и Польша. Для Польши Крым представлял меньшую опасность, нежели для Москвы, равно как и Польша для Крыма. Подъем Москвы угрожал как интересам Крыма, так и Польши. Поэтому было естественным, что две эти силы, как было в Ливонскую войну (1558-1582 гг.) и в Смутное время (1607-1617 гг.), обычно объединялись против Москвы.²⁵

Отдельные попытки Москвы и Польши заключить союз против Крыма были неудачными. Главной причиной их провала было отсутствие доверия между сторонами, о чем честно сказал литовский посланник в Москве в 1558-1559 гг. В. Тышкевич: «Как только Крым падет, вы повернетесь против нас».²⁶

Между Польшей и Крымом также не было особого доверия. Временами Польша искала помощи крымского хана (и иногда турецкого султана) против Москвы. Тем не менее король Стефан Баторий и позднее король Сигизмунд III считали, что Польша, как римско-католическая сила, должна помогать папе и Венеции в организации христианского крестового похода против неверных турок и татар.

Завоевание Москвы Польшей в случае его реализации должно было стать прелюдией к кампании против Турции и крымских татар. Польский план имел две цели: обратить еретиков-москвитов в римскую веру и, установив через Московию контакты с Персией, окружить Османскую империю.²⁷

Отношения между Московией и Польшей улучшились после Андрусовского перемирия 1667 г. В 1686 г. между ними был заключен «вечный мир», и Московия временно объединилась с Польшей в Христианской лиге против Турции и татар.

Во второй половине XVII века альянса с татарами начала искать Швеция. Более того, шведы интересовались контактами с Османской империей. Эта тенденция в шведской политике продолжалась на протяжении XVIII века. Шведский король Карл XII существенно повлиял на русско-турецкие отношения, став инициатором войны 1711 г. между Россией и Турцией. Это случилось в период великого состязания Петра Великого со шведами в контексте многонациональной Северной войны. Татары как вассалы султана сильно поддерживали турок.

Итак, как и во времена Ливонской войны в правление Ивана IV, проблема Черного моря стала связанной с балтийской, и одним из ведущих факторов в этой ситуации были крымские татары.

---

²⁵ 25. Там же, с. 10-11, 45-55.

²⁶ 26. Сборник, 59, 548, 576-578; Новосельский, с. 11.

²⁷ 27. Богоявленский, ред. Акты времени междоусобия (1915), с. 88; Новосельский, с. 46-47.

2. Начало царства: первый период реформ

I

«Собирание земли Русской», которое произошло в царствование Ивана III (1462-1505 гг.) и Василия III (1505-1583 гг.), установило власть Москвы над всеми «великорусским» землями и княжествами.²⁸ Оставалась, однако, гигантская задача в интеграции вновь приобретенных земель с центральной Московией, равно как и задача приспособления позиций различных классов общества и экономической активности людей к новым условиям.

Во внешней политике присутствовали вечные проблемы борьбы с постоянными татарскими набегами и подготовки к конфликту с Польшей и Литвой. С военной точки зрения это означало необходимость создания сильной и боеспособной армии.

Глубокие изменения, порожденные эволюцией русского государства и общества, не могли не сопровождаться интенсивным интеллектуальным брожением в России – религиозным и политическим.

Отношения между государством и церковью, правителем и народом, властью и долгом правителя, конфликт интересов между боярами и дворянством, конфронтация бедных и богатых – все эти вопросы стали животрепещущими и горячо обсуждались.

В этой атмосфере кристаллизовалась важная религиозно-социальная идея святого Христианского Православного Царства.

«Старец» Филофей из Елизаурова монастыря во Пскове в первой четверти XVI века определил эту идею в виде православной философии истории. Согласно Филофею, Москва – «Третий Рим». Когда первый Рим отклонился от ортодоксии, центром православного христианства («Вторым Римом») стал Константинополь. Объединение греков с «Первым Римом» на Флорентийском соборе (1439 г.) означало предательство ими православия, за что они были наказаны турецким завоеванием Константинополя и падением Византийской империи (1453 г.). Теперь Москва стала «Третьим Римом» – единственным прибежищем православного христианства. «Два Рима пали, третий стоит, и четвертому не быть».

Московский царь – единственный оставшийся православный правитель мира. На его долю выпала задача заплаты последнего прибежища православной церкви и превращение Руси в подлинно православное царство.²⁹

Филофей утверждал, что недостатки в русской церкви и жизни могут быть устранены, поскольку «новое русское царство базируется на (чистоте) православной веры».³⁰

В особенности он побуждал царя сохранить церковные земельные владения и воспрепятствовать мирской власти вмешиваться в компетенцию церковных судов. Далее Филофей протестовал против случаев симонии в назначении епископов и священников. Он сожалел по поводу беззаботности русских в «осенении крестным знаменем» и свободы их моральной жизни – существовании привычек содомии.

Поскольку, по мысли Филофея, русский царь стал наследником византийского императора в православном христианском мире, на него возлагаются и обязанности византийского императора относительно церкви. Новое русское царство должно быть, подобно Византийской империи, симбиозом церкви и государства, прочно связывающим духовную и мирскую сферы.

---

²⁸ 28. См. Россия в средние века.

²⁹ 29. О Филофии и теории Третьего Рима см.; Россия в средние века; N.Andreyev, Filofey and his epistle to Ivan Vasilyevich, SEER, 90(1959), 1-31. Андреев полагает, что послание Филофея «Ивану Васильевичу» было написано около 1500 г. и адресовалось Ивану III (а не Ивану IV, как обычно полагают). Аргументация Андреева кажется мне убедительной.

³⁰ 30. См.: Малинин, «Старец Филофей», приложения, приложение X (с. 57-66); Andreyev, Filofey, especvally, pp. 10-12.

В византийской религиозно-политической мысли можно выделить два основных потока. Приверженцы одного полагают, что император был главой как государства, так и церкви. Это было продолжением традиций Римской империи с ее культом императора, верховного священника (Pontifex Maximus).³¹

Дьякон Агапит (VI в.) полагал, что император получает свою власть от Бога. «Хотя телесно император подобен всем иным людям, по власти своей он подобен Богу».³² Император Лев Исавр (VIII век) провозгласил, что он – император и священник. Канонист Деметриос Коматенос (XIII век) учил, что «император обладает всеми привилегиями епископа, за исключением проведения церковных служб». В России фраза Агапита была повторена настоятелем Иосифом Саниным (Волоцким в XV или в начале XVI века).³³

Более характерной для византийской православной мысли является другая доктрина – «симфонии» церкви и государства, воплощенной в гармоничном союзе двух глав православного общества – патриарха и царя.³⁴ В VI веке эта идея была четко выражена в предисловии к шестой новелле императора Юстиниана. Вкратце его сущность такова: человеческое общество получило от Бога два дара – священство и царство. Первый относится к делам духовным, второй – к мирским.

Предисловие к шестой новелле было включено в византийский «Номосапон» (сборник церковных канонов и светских законов), славянский перевод которого был известен в России уже в XIII веке. Византийский учебник законов конца IX века, известный как «Епанагоге», базировался на принципах шестой новеллы. Предположительно, он был скопирован в течение второго патриархата Фотия, около 683 г., и выражал его идеи.

Глава 1 «Епанагоге» дает общее определение закона и справедливости. Глава 2 относится к власти императора; глава 3 – к власти патриарха. Император «является законосозидающей властью (επνομος), /направленной на/ защиту общего благосостояния его подданных» /II, 1/.

«Патриарх – живой и воплощенный образ Христа, выражающий истину в своих делах и словах....Особо надлежит патриарху назидать /народ/, одинаково относясь к вельможам и простолюдинам, быть мягкими в справедливости, умелыми в разоблачении неверных, открыто говорить правду императору и бесстрашно защищать догмы / веры/ перед ним» /III, 1 и 4/.³⁵

В середине XIV века основные статьи «Епанагоге» были включены в «Syntagma» (Сборник) византийского канонического законодательства Матэуса Бластара. Эта книга была переведена на славянский в Сербии. Выдержки из «Епанагоге» были включены в «Законник» царя Стефана Душана (1349 г., пересмотренный и расширенный в 1355 г.). Вскоре копии славянского перевода «Syntagma» Бластара появились на Руси. Принципы византийской доктрины «симфонии» церкви и государства, таким образом, стали доступны русским.

В конце XV и в первые три десятилетия XVI веков политический и интеллектуальный климат в Москве не был благоприятен восприятию какой-либо доктрины – будь то шестая новелла Юстиниана или «Епанагоге». Такие церковные лидеры, как настоятель Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил охотно признали опеку великого князя над церковью.³⁶ Ситуация изменилась в 1542 г., когда московским митрополитом был избран новгородский архиепископ Макарий.

³¹ 31. См.: Зыкин, 1, гл. 1-2.

³² 32. Вальденберг, с. 60.

³³ 33. См. Россия в средние века.

³⁴ 34. Г. Вернадский, Византийские учения о власти царя и патриарха – сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926, с. 143-154; Г.А. Острогорский. Отношение церкви и государства в Византии – *Seminarium Konolakovianum*, 4(1931), 123-132. Ср. Вальденберг, с. 80-81.

³⁵ 35. Epanagoge, Zacharia Liugenthal, ed. – *Collectio Librorum Juris Gracco-Romani Ineditorum*, Lipsiac, 1852, pp. 65-68.

³⁶ 36. См. Россия в средние века; Цыцыкин, 1, 153-159.

Иван III и Василий III иногда называли себя царями. Сын Василия Иван IV при коронации в 1547 г. был провозглашен царем уже официально.

В последние годы правления Василия и регентство его вдовы Елены правительством была предпринята широкая программа строительства церквей и монастырей в соответствии с доктриной православного царства.³⁷

Одновременно с целью защиты Москвы от татарских набегов, равно как и для усиления русской защиты от Литвы и Польши, была сооружена линия крепостей в стратегически важных точках. Чиновники, ответственные за «городовое дело», строительство и поддержание городских стен по всей России, получили большую власть. Городовой приказчик стал вторым по чину человеком после царского наместника.³⁸

Для повышения боеспособности армии в царствование Василия III было создано войсковое подразделение, вооруженное пищалями. Позднее его воинов стали называть стрельцами.³⁹

В 1538 г. правительственным строительным работам был нанесен серьезный урон. Некоторые влиятельные бояре (в особенности князь Шуйский) пытались противодействовать диктатуре Елены и ее советников, в ряду коих выделялся ее любовник, князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. 3 апреля 1538 г. Елена внезапно скончалась. Предположительно, она была отравлена. Шесть дней спустя по приказу бояр Оболенский был брошен в тюрьму, где умер голодной смертью.

Боярская Дума теперь приняла на себя управление государством, но между ее членами было мало согласия. За власть боролись две враждующие группировки – одну возглавляли князья Шуйские, другую – князья Вольские.

Вольские в противовес политическим притязаниям княжеских семей дома Рюриковичей хотели укрепить власть центрального правительства. Их поддерживали некоторые князья литовского происхождения, подобные князю Петру Щенятеву, а также некоторые не княжеские московские боярские семьи.

Шуйские, напротив, пытались укрепить в московском правительстве роль владетельных князей. Для этого они были готовы признать некоторую степень автономии отдельных территорий, в особенности Новгорода.⁴⁰

28 октября 1539 г. по инициативе Шуйских население Белоозерского уезда получило грамоту, согласно которой задача опознания и суда над преступниками изымалась из юрисдикции наместников и передавалась судьям, избранным из местного дворянства, которому помогали представители крестьянства.⁴¹ Эта грамота, за которой последовали другие, оказалась важным этапом в процессе реформирования провинциального правления в 1550-х гг.

Сначала Шуйские одерживали верх над Бельскими. 2 февраля 1539 г. митрополит Даниил был насильственно смещен со своего поста и отправлен в Волоцкий монастырь. Здесь под принуждением он подписал заявление об отречении. Собор епископов избрал митрополитом настоятеля Троицкого монастыря Иоасафа. Иоасаф принадлежал к последователям отшельника Нила Майкова (Сорского), так называемым нестяжателям, которые считали, что монастыри не должны владеть земельными угодьями, это противоречит духу христианского монашества и, следовательно, недостойно монахов.⁴²

---

³⁷ 37. О периоде регентства великой княгини Елены см.: И.И. Смирнов. Очерки политической истории, с. 45-52, с. 225-248.

³⁸ 38. Н.Е. Носов. Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI в.. Москва-Ленинград, 1957, с. 36-45

³⁹ 39. Зимин. Реформы, с. 201-207.

⁴⁰ 40. Об остатках местной автономии в Новгороде к середине XVI в. см.: М.Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. Москва, 1962, с. 299-316.

⁴¹ 41. Текст Белоозерской грамоты см. ПРП, 4 (1956), 176-179. Ср. Н.Е. Носов. Очерки по истории местного управления, с. 236-251.

⁴² 42. О Ниле Сорском см.: Россия в средние века,

Изгнав митрополита Даниила, Шуйские попытались избавиться от князя Ивана Федоровича Бельского, заключив его в тюрьму. Некоторое время их плану мешал новый митрополит Иоасаф, чью кандидатуру на митрополичью кафедру Шуйские прежде одобрили. Действуя от имени великого князя Ивана (ему было тогда десять лет), Иоасаф смог освободить Бельского из тюрьмы, и тот стал ведущей фигурой в правительстве.

Возмущенный глава клана Шуйских, князь Иван Васильевич, перестал в знак протеста являться на заседания Боярской Думы. Вскоре его последователи – бояре и «сыны боярские», в особенности из Новгорода – организовали мощный заговор против Бельского и поддерживающих его. Ночью 3 января 1542 г. Бельский был арестован заговорщиками. Он был вывезен в Белоозеро и заключен там в тюрьму (в мае он был убит агентами Шуйских). Князь Петр Щенятев был выслан в Ярославль, цитадель удельных князей дома Рюриковичей.

Митрополит Иоасаф запросил об убежище во дворце великого князя. Заговорщики бросились за ним и ворвались в спальню юного Ивана IV. Иоасаф скрылся в московском подворье Троицкого монастыря. Здесь он был схвачен новгородскими участниками заговора. Они начали издеваться над ним и угрожали убить. Только благодаря вмешательству одного боярина (самого участника заговора) и настоятеля Троицкого монастыря его жизнь была спасена. Но с поста митрополита его сместили.

Поскольку новгородцы приняли активное участие в январских событиях, естественно, что Шуйские не стали возражать против решения заменить Иоасафа новгородским архиепископом Макарием, 16 марта епископский Собор избрал его митрополитом московским и всея Руси. Его рукоположение состоялось три дня спустя.

Выбор оказался удачным. Макарий стал одним из величайших церковных деятелей Руси.

II

Несмотря на соперничество среди бояр, которое весьма осложняло жизнь придворных и высших чинов, правительственная машина продолжала функционировать. Рутинная административная работа лежала на плечах дьяков и их помощников – подьячих.

Среди подьячих, которые начали службу между 1538 и 1542 гг., был Иван Михайлович Висковатый (ставший дьяком в 1549 г.), человек, которому суждено было сыграть важную роль в государственных делах в 1550-х и 1560-х гг.

Как показали дальнейшие события, наиболее негативным результатом политики и поведения Шуйских было их влияние на характер юного великого князя. О мальчике Иване хорошо заботились до смерти его матери, ко времени которой ему было восемь лет. Потеряв свою мать, он также лишился любимой им воспитательницы, боярыни Аграфены Челядниной, урожденной Оболенской, сестры любовника его матери. Аграфена была вывезена в Каргополь.

Мальчик чувствовал себя совершенно одиноким в недружелюбном мире. Он жил на двух различных уровнях. Официально как великий князь он играл ведущую роль в великолепии дворцовых и церковных церемоний, торжественно восседал на троне, когда принимал зарубежных послов и оделялся внешним уважением и лестью. В противоположность этому, в повседневной жизни во дворце его игнорировали, недокармливали и унижали. Более того, с ним не только обращались без уважения к его статусу великого князя, не выказывалось никакого почтения и к памяти его отца, Василия III.

Чувства оскорбленности, страха и ненависти все еще горели в Иване и более чем через два десятилетия спустя, когда он написал письмо князю Андрею Курбскому (1564 г.): «Каких только страданий я не испытал, не имея одежды, и от голода! Поскольку всюду моя воля не принадлежала мне; все было против моей воли и не приличествовало моему нежному возрасту. Я хорошо помню одну вещь: в то время как мы (Иван и его младший брат Юрий) играли в детстве в младенческие игры, князь Иван Васильевич Шуйский сидел на скамье, опираясь

своими локтями на постель нашего отца, а своей ногой на стул; и он даже не обращал свою голову к нам – ни отчески, ни как господин... Кто может выдержать такую надменность?»⁴³

Постоянно испытываемые презрение и страх могли лишь болезненно затронуть нервную систему мальчика Ивана. Это была причина, повлиявшая на его эмоциональную неуравновешенность в конце жизни.

Мальчик рос и, равно как и бояре вне клики Шуйских, стал задумываться о сопротивлении. Шуйские со своей стороны старались устранить из окружения Ивана любого потенциального соперника.

Согласно воспоминаниям Ивана, "князь Андрей Шуйский вместе с его сторонниками пришел в нашу трапезную, и в бешенстве схватив и подвергнув бесчестью перед нами нашего боярина, Федора Семеновича Воронцова, они выволокли его из нашей трапезной и хотели убить его. И мы послали к ним митрополита Макария и наших бояр, Ивана Григорьевича и Василия Григорьевича Морозовых, с нашим приказом не убивать его, и они, едва выслушав наше повеление, выслали его в Кострому; и они огорчили митрополита оскорблением, и они порвали его плащ на лоскутки... и они вытолкали наших бояр в спину."⁴⁴

Это случилось 7 сентября 1543 г. Ивану было в это время тринадцать. Он решил при первой же возможности нанести ответный удар. 29 декабря он приказал схватить князя Андрея Шуйского и заключить в тюрьму. На пути в тюрьму люди царя убили Шуйского. Трех же ближайших советников князя Андрея, князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского, князя Юрия Темкина и Фому Головина, отправили в ссылку.⁴⁵

Сохранив право поступать по собственному усмотрению, Иван окружил себя группой союзников из московской «золотой молодежи» и продолжил предаваться веселым наслаждениям, в том числе и садистским. В своей «Истории великого князя московского», написанной в 1578 г. или вскоре после того, современник и известный противник Ивана III, князь Андрей Михайлович Курбский, рассказывал, что Иван наслаждался, выбрасывая животных из окон своего терема и наблюдая их страдания и конвульсии. Посещая со своими друзьями рынки и улицы Москвы, он мог затоптать или избить прохожего, все равно мужчину или женщину.⁴⁶

Современный историк Е.Ф. Шмурло верно подмечает: «Зверь был уже в нем (Иване)».⁴⁷ И все же Иван обладал противоречивой природой. «Зверь» был наделен острым интеллектом.

Он не получил систематического образования, но с детства был жадным читателем теологических и исторических книг. Из Библии и иных источников он привык извлекать аргументы в пользу понятия о божественной природе и всемогуществе царской власти. Может показаться, что в своем чтении Иван был до определенного предела направляем митрополитом Макарием, одним из немногих людей, которым Иван мог доверять и кого уважал в детстве.

Вследствие жизненных обстоятельств своей юности, Иван был во многих отношениях более зрелым, нежели большинство мальчиков его возраста. И все же тринадцатилетний подросток не был готов управлять государством. Кто-то должен был направлять его насильственные импульсы. В течение трех лет после падения Андрея Шуйского смену настроений Ивана испытывали многие князья и бояре. Бесчестье и изгнание неожиданно сменялось возвращением благосклонности. Затем, также неожиданно, человека казнили.⁴⁸ Трудно сказать, до какой степени подобные поступки могут быть объяснены личными причудами Ивана. Скорее, это было

---

⁴³ 43. Fennell, ed and translator. Correspondence between Prince A.M.Kurbsky and Tsar Iwan IV. Cambwolge, 1995, p.75.

⁴⁴ 44. Fennell, Correspondence, p.79

⁴⁵ 45. Соловьев, 6,429-430.

⁴⁶ 46. Fennell, Correspondence, p.

⁴⁷ 47. Шмурло. Курс русской истории, 2, часть 1,55.

⁴⁸ 48. И.И. Смирнов. Очерки, с. 101.

результатом закулисной борьбы между боярскими группировками, каждая из которых стремилась использовать Ивана для устранения своих соперников.

Сразу же после казни Андрея Шуйского Федор Воронцов был возвращен в Москву и назначен членом Боярской Думы. В октябре 1545 г. Воронцов вместе с некоторыми другими боярами подвергся бесчестью и ссылке. В декабре в результате вмешательства митрополита Макария все они были прощены и призваны назад в Москву. В июле следующего года Федор Воронцов и его брат Василий были обвинены дьяком Василием Захаровым в предательстве и казнены.⁴⁹ Вслед за падением Воронцовых ведущая роль в правительстве перешла к двум дядьям Ивана со стороны матери, князьям Юрию и Михаилу Глинским.⁵⁰

Отсутствие стабильности в государстве, борьба боярских фракций, невзрастеническое поведение молодого великого князя – все это создавало нетерпимую ситуацию. К счастью для России, в русском обществе были люди, обладающие и здравым смыслом и способностью творить, – они были не только обеспокоены состоянием дел, но и готовили план реформ, многие из которых в конечном счете удалось осуществить.

Ведущая роль на подготовительной стадии этого движения принадлежала митрополиту Макарию.⁵¹ Другой выдающийся деятель Церкви, священник Благовещенского собора Сильвестр, в это время еще находился в тени.⁵² Сильвестр был новгородцем, и, предположительно, именно Макарий вызвал его в Москву в 1542 г. (год, когда Макарий, бывший ранее архиепископом Новгорода, был избран митрополитом московским), или же вскоре после этого.

В непосредственном окружении Ивана среди мирян, выступавших за реформы правительства, был молодой придворный Алексей Федорович Адашев, в это время постельничий Ивана.⁵³ Он был в хороших отношениях с митрополитом Макарием, а впоследствии тесно сотрудничал с Сильвестром.

Политические, социальные, религиозные и этические проблемы в этот период оживленно обсуждались в Москве не только в публичных и частных разговорах, но также и в разнообразной переписке – в многочисленных прошениях к дарю, в письмах, памфлетах и трактатах. Помимо митрополита Макария, священника Сильвестра и Алексея Адашева, выдающуюся роль в этом обмене идей играли западнорусских дворянин Иван Семенович Пересветов, раньше служивший королю Польши⁵⁴, священник Ермолай (позднее он принял монашество под именем Еразм),⁵⁵ монах Артемий, последователь Нила Сорского⁵⁶ и боярский сын Матвей Семенович Башкин – известный мыслитель.⁵⁷

Ученый монах с горы Афон, Максим Грек, чей голос митрополит Даниил пытался подавить в конце правления Василия III⁵⁸, вновь получил разрешение писать и говорить с людьми в своей камере. Максим – гуманист, носитель ренессансной культуры – оказал глубокое влияние на многих клириков и мирян, включая князя Курбского. Будучи глубоко религиозным челове-

⁴⁹ 49. ПСРЛ, 13, часть 2, 449; Соловьев, 6, 429-431; И.И. Смирнов. Очерки, с. 110-111; Зимин. Реформы, с. 268-269.

⁵⁰ 50. Генеалогию Глинских см.: Россия в средние века.

⁵¹ 51. О митрополите Макарии и его деятельности см.: Макарий. История русской церкви, 6,209-294; Голубинский. История русской церкви, 2,744-875; Карташев. Очерки по истории русской церкви, 1,424-442; И.И. Смирнов. Очерки, с. 194-202.

⁵² 52. О священнике Сильвестре см.: И.И. Смирнов. Очерки, с. 231-257. 53 Об Алексее Адашове см.: И.И. Смирнов. Очерки, с. 212-251.

⁵³ 53. СГТД, 2, No 269; ААЭ, 2, No 197. Ср. Любомиров, с. 45.

⁵⁴ 54. О Пересветове см.: Зимин. Пересветов /с библиографией ранее опубликованных работ/; Зимин, ред. Сочинения Пересветова; Чижевский. Русская духовная история, 1,105-107.

⁵⁵ 55. Об Ермолае-Еразме см.: В. Ржиг. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, ЛЗАК, 23 (1926), 103-200; Т. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма, ТОДРЛ, 9 (1953), 251-265; Зимин, Пересветов, гл. 3; Клибанов. Реформационные движения, с. 288-290, 338-341, 351-353; Billington, p. 91 and notes 53-54, p. 663.

⁵⁶ 56. Об Артемии см.: Россия в средние века; Зимин. Пересветов, указатель; Калибанов, указатель.

⁵⁷ 57. О Башкине см.: Зимин. Пересветов, с. 168-182.

⁵⁸ 58. См. Россия в средние века.

ком, он являлся членом греческой, а не русской православной церкви. Он отрицал законность отделения русской церкви от константинопольской патриархии в 1448 г. Его подход к религии был экуменическим в границах православного мира. В то же время он читал полемические брошюры латинян (римских католиков), лютеран и еретиков. Но, подобно Нилу, Максим был против накопления монастырями земельных владений. Его политическая и социальная философия была по сути моралистична. Правитель нации должен быть добродетельным и простым, его основная задача – установление справедливости на земле. Максим остро критиковал вельмож за эксплуатацию бедных.⁵⁹

Между митрополитом Макарием, с одной стороны, и Сильвестром и Адашевым – с другой – не существовало полного единства во взглядах. Два последних разделяли воззрения Макария на «симфонию» церкви и государства, но имели собственный взгляд на право монастырей обладать земельными угодьями. Они симпатизировали нестяжателям и предвидели постепенную секуляризацию таких владений. Макарий был против секуляризации, по крайней мере, против немедленного ее осуществления. Кроме того, он должен был считаться с мнением русских епископов и настоятелей, большинство которых принадлежало к иосифлянам.

Среди других интеллектуальных лидеров московского общества этого периода было еще больше различий в воззрениях. Максим Грек был последователем идеи «симфонии» церкви и государства, твердо верующим в доктрину «двух даров Бога» – священства и царства. Более того, он учил, следуя за Иоанном Хризостомом и некоторыми другими отцами церкви, что «священство выше царства... священство (в образе патриарха) несет весть, коронует и утверждает царя, а не царь патриарха».⁶⁰

Ермолай-Еразм также верил, что священство – высшая сила, нежели царство, по крайней мере духовно. В своем отношении к реалиям жизни Ермолай рассматривал крестьян как опору нации. Он сожалел о жадности бояр и их склонности эксплуатировать и подавлять крестьян-землепользователей.

Подход Пересветова имел светский характер. Он полагал, что царь должен быть христианином, но не видел необходимости ограничения его власти духовенством. Политически он был горячим идеологом самодержавия и сильного централизованного правительства. Он был против какого-либо ограничения царской власти со стороны бояр. Он полагал, что бояре должны быть лишены возможности подавления низших классов, и что холопы должны быть освобождены. Дворянство должно стать опорой царя в создании сильной, хорошо оплачиваемой, хорошо экипированной и дисциплинированной армии под своим собственным предводительством.

Русские, полагал Пересветов, обладают истинной верой, но в русских судах и администрации отсутствует справедливость. Задача царя – обеспечить тот же тип справедливости, что установил в своем царстве турецкий султан. Султан, рассуждал Пересветов, безжалостно казнил и подвергал пытке виновных судей или официальных лиц. Царь должен делать то же самое.

Совет Пересветова укрепить дворянскую армию был созвучен направлению русской социальной истории этого периода. Несколько ведущих русских государственных деятелей, включая Адашева, были готовы к его рассмотрению. Идея же Пересветова о сильном самодержавном правителе была противоположна их духу и программе, равно как и идеям Макария и Сильвестра. А царь Иван в это время находился под их влиянием. Но он не должен был оставить без внимания две петиции Пересветова (написанных в сентябре и ноябре 1549 г.), кото-

⁵⁹ 59. О Максиме Греке см.: Иконников. Максим Грек и его время, Киев, 1886; 2-е изд. – 1915; Вальденберг, с. 247-265; Зимин. Пересветов, с. 416-420; Denisoff. Grecet Occident (1943); Paramichael G., Maximus Graecus {in Greeck, Athens, 1950}; Россия в средние века; Billington, pp. 91-95 and notes 55-57, pp. 663-664. Сочинения Максима Грека были опубликованы Казанской духовной академией (3 т., Казань, 1859-1862); на современном русском языке – Троицким монастырем (3 т., 1910-1911).

⁶⁰ 60. Максим Грек. Сочинения (издание Казанской духовной академии), 3 т., Казань, 1862, 153-154.

рые произвели на него глубокое впечатление. Во всяком случае, когда одиннадцать лет спустя он освободился от влияния Сильвестра и Адашева, то действительно превратился в ужасного самодержца в духе Пересветова.

Матвей Башкин, подобно Пересветову, защищал освобожден⁶¹ крепостных, но не поддерживал самодержавия. И он не только пришел к отвержению идей Макария и Сильвестра о «симфонии» церкви и государства, но и подверг сомнению правильность догм православного христианства.

В годы боярского правления Макарий открыто не вмешивался в политику, за исключением некоторых случаев ходатайства за людей, которым угрожала смерть или немилость Ивана. Это право – и долг – прошения о прощении преследуемых было традиционной прерогативой русских прелатов. Можно вспомнить, что в правление Василия III митрополит Даниил подвергся критике за то, что не воспользовался этим правом.⁶¹

Макарий намеревался дождаться совершеннолетия Ивана, когда можно будет возвести его на престол и побудить жениться. Принятие титула, как мог надеяться Макарий, не только заставит Ивана более четко осознать свою ответственность как христианского правителя, но также поднимет его авторитет среди бояр. Ранний же брак может отвратить Ивана от его развратной жизни. Тогда, как надеялись Макарий, Сильвестр и Адашев, можно начинать реализацию программы реформ.

До 1547 г. основная деятельность Макария была посвящена церковным делам и религиозному просвещению. Еще в Новгороде он задумал грандиозный план: "собрать все книги (еще рукописные), доступные для чтения «а русской земле», другими словами, создать собрание основных произведений христианской литературы, как русских, так и греческих авторов.

Собрание было организовано в форме материалов для чтения на каждый день месяца («Четьи Минеи»). Ежедневное чтение включало в себя жизнеописания святых, поминаемых в этот день, и выдержки из литературных произведений, написанных этими святыми (если они были писателями). В конце каждого месяца добавлялись анонимные работы и работы неканонизированных авторов на религиозные и моральные темы.⁶²

Макарий работал над этим проектом двенадцать лет в Новгороде и продолжал работать в Москве (он завершил собрание в 1552 г.).

С проектом «Четьи Минеи» по духу связан другой замысел Макария – канонизировать русских святых. В это время как раз отмечалась память двадцати русских святых. Первыми среди канонизированных были князья-мученики – Борис и Глеб (XI в.).⁶³

К 1540-м гг. в дополнение к двадцати двум национально признанным святым поклонялись и многим другим, хотя формально и неканонизированным. Макарий приказал рассмотреть все эти случаи, с тем чтобы канонизировать всех тех, чья святость имела достаточно свидетельств для официального признания.

Этими мерами, верно подмечает А.В. Карташев, Макарий попытался выявить духовные и моральные силы, с помощью которых русская церковь могла бы попытаться претендовать на достойную ее историческую роль.⁶⁴

Целью Макария было создать основы для религиозного объединения России, без которых, по его мнению, идея христианско-православного царства не могла быть воплощена. В этом смысле Макария можно назвать, по словам Карташова, «объединителем русской церкви».

---

⁶¹ 61. Россия в средние века.

⁶² 62. Рукопись Макариевых «Четьи Минеи» состоит из двенадцати больших томов. Археологическая комиссия начала публиковать «Минеи», но публикация не была завершена до 1917 г. и далее не продолжалась. См. «Великие Четьи Минеи», сентябрь, октябрь, ноябрь, январь, апрель (С.-Петербург, 1868-1917).

⁶³ 63. Россия в средние века.

⁶⁴ 64. Карташев, 1,431.

III

Иван IV был коронован на царство в Успенском соборе Кремля 16 января 1547 г. Ритуал коронации был схож с тем, что имел место при коронации внука Ивана III Дмитрия в 1496 г. Были, однако, и различия. Хотя термин «царство» часто упоминался в ходе коронации Дмитрия, он короновался как великий князь. Иван IV формально короновался царем митрополитом Макарием. Более того, крест и царское убранство на голове и плечах Ивана теперь воспринимались как те, что предположительно были посланы византийским императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру Мономаху в начале XII века.⁶⁵

Это последнее исторически ошибочное суждение базировалось на легенде, впервые упомянутой в послании монаха Саввы (Спиридона) в начале XVI века и затем далее развито в «Сказании о князьях Владимирских».⁶⁶

Прежде чем облачить нового царя в его одеяния, митрополит Макарий громко зачитал специальную молитву, в которой он просил Бога укрепить Ивана «на троне справедливости... дать ему победу над варварами... сделать его мудрым хранителем церкви... дать справедливость народу, заботиться о бедных».

3 февраля царь Иван IV женился на Анастасии Романовне, девушке из древней боярской не княжеской семьи Захарьиных-Юрьевых.⁶⁷ Она оказалась женщиной благородных наклонностей и верной женой.

Выбор Ивана IV вызвал недовольство у аристократических княжеских семей. Князь Семен Лобанов-Ростовский сказал по этому поводу: "Государь обидел нас (великие роды) своим браком, взяв боярскую дочь, его рабыню как невесту. И мы должны служить ей, как будто бы она – наша сестра".⁶⁸

Согласно с планами Макария, в том же месяце был созван церковный Собор, чтобы канонизировать нескольких русских святых на основе предварительного рассмотрения их деяний. Двенадцать святых были канонизированы на национальном уровне, а девять было позволено почитать на местах.⁶⁹

Некоторое время братья Глинские сохраняли свое влиятельное положение в правительстве. Вскоре, однако, стало очевидным, что существует значительная оппозиция им со стороны как бояр, так и московских черных людей, членов налогооблагаемых городских общин Москвы.

Среди боярских противников Глинских были остатки групп Шуйского и родственники царицы, Захарьины-Юрьевы. Кроме того, надменным поведением свиты Глинских, а также взяточничеством и обидами со стороны чиновников, ими назначенных, были возмущены многие горожане.

12 апреля в Москве разразился сильный пожар, а восемь дней спустя – еще один. Глинские заподозрили поджог и приказали схватить и казнить поджигателей. Пожары прекратились. Возможно, что после второго пожара Глинские, чтобы подготовиться к любой другой случайности, вызвали в Москву войско с севера. Они более доверяли ему, нежели москвичам.

⁶⁵ 65. Относительно коронации Дмитрия в 1498 г. см.: Россия в средние века; Савва. Московские цари и византийские василевсы, с. 121-128. О коронации Ивана IV см.: ПСРЛ, 13, часть 1, 150-151; Савва, с. 146-147; Вальденберг, с. 275-278.

⁶⁶ 66. См.: Россия в средние века; Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. Москва, Ленинград, 1955.

⁶⁷ 67. О генеалогии Захарьиных-Юрьевых см. Генеалогическую таблицу IV, «Предки Романовых», Россия в средние века.

⁶⁸ 68. ПСРЛ, 13, часть 1, 236 (интерполяция). Последняя фраза была реконструирована мной. Ее словесное строение спутано и бессмысленно без интерполяции. Ср. И.И. Смирнов. Очерки, с. 119 (Смирнов цитирует фразу как таковую без комментариев).

⁶⁹ 69. Макарий, 6, 217-220; Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд. Москва, 1903.

Но 21 июня случился пожар еще более разрушительный. Большая часть Москвы, включая многие строения в Кремле, сгорела.

Было уничтожено около двадцати пяти тысяч домов; от семнадцати до тридцати семи сотен мужчин, женщин и детей погибло в огне, около восьмидесяти тысяч осталось без крова. Митрополит Макарий был ранен и едва успел скрыться. Царь с семьей переехал в пригородную деревню Воробьево.⁷⁰

Как и в апреле, Глинские полагали, что пожар начался благодаря поджогу. Подозреваемые были схвачены и подвергнуты пытке. Те, что признались, были немедленно казнены.⁷¹

Атмосфера накалилась. Люди были поражены несчастьем, которое многие полагали божественным наказанием за грехи правителей. Слухи о возможности поджога повели к спекуляциям по поводу правительства. Чувствовалось, что москвичи почти готовы к восстанию.

Если причиной пожара был поджог (что кажется вероятным), то было естественным полагать, что в этом повинны агенты противников Глинских. Врага Глинских могли наилучшим образом отместить подобные подозрения, обвинив в этом самих Глинских, что они и сделали.

Два дня спустя после пожара царь Иван IV со своим проповедником, старшим священником Федором Барминым из Благовещенского собора, и несколькими другими боярами посетил больного митрополита Макария в Новоспасском монастыре. Иван отправился к Макарию, чтобы обсудить чрезвычайную ситуацию и решить, какие следует принять меры. На встрече были князь Федор Скопин-Шуйский и князь Юрий Темкин (оба они – бывшие приближенные князя Андрея Шуйского, убитого по приказу Ивана в 1543 г.), Иван Федоров (Челяднин), Григорий Захарьин (молодой дядя царицы) и Федор Нагой.

Митрополит и двое бояр (Скопин-Шуйский и Челяднин) выразили мнение, что пожар подготовлен «определенными злоумышленниками» (не названными ими), использующими колдовство. Иван IV приказал присутствующим на встрече боярам расследовать случившееся. Говоря об определенных злодеях, бояре явно намекали на Глинских. Предположительно, их агенты уже начали распространять в народе слухи. Но предубеждения против Глинских существовали среди некоторых московских посадских и до подобного расследования.

В следующее воскресенье, 26 июня, бояре созвали общее собрание московского черного люда. Это было возрождением древнерусского института веча.

Бояре открыли собрание вопросом к народу: «Кто поджег Москву?». Сразу же голоса из толпы ответили: «Княгиня Анна Глинская (бабка Ивана по матери) через колдовство»,

Тогда бояре, как говорит хорошо информированный автор, натравил черный люд на Глинских".⁷²

Княгиня Анна и ее младший сын Михаил во время этих событий были не в Москве, а во Ржеве, владении Михаила. Старший брат Юрий, который присутствовал на собрании, пытался укрыться в Успенском соборе. Разъяренные люди кинулись за ним, убили его, притащили тело на рыночную площадь и положили его на лобное место. Это должно было символизировать, что Юрий Глинский был казнен по решению веча.

Дом князя Юрия был разграблен, и многое из его служилых людей убиты. Кроме того, восставшие напали на детей боярских (призванных Глинскими в Москву для защиты) и убили большинство их.

В течение двух дней Москва была под контролем восставших горожан.

Для завершения своей победы, москвичи решили потребовали выдачи им матери и брата князя Юрия. Говорили, что царь спряг их в Воробьево, поэтому восставшие 29 июня двинулись

⁷⁰ 70. ПСРЛ, 13, часть 1, 152-154; часть II, 453-455; Соловьев, 6, 433; И.И. Смирнов. Очерки, с. 121; Зимин. Реформы, с. 295-296.

⁷¹ 71. См.: Постниковский летописец, с. 288 (цитировано И.И. Смирновым. Очерки, с. 122).

⁷² 72. ПСРЛ, 13, часть II. 456.

туда. Они угрожали убить царя, если их требования о выдаче не будут удовлетворены. В своем первом письме к Курбскому в 1564 г. Иван писал, что именно «предатели» (бояре) натравили толпу на него.⁷³ Он, очевидно, имел в виду бывших приближенных Андрея Шуйского.

Царю удалось, однако, убедить восставших, что он не прятал своих бабу и дядю в Воробьеве. Толпа дрогнула. Тогда Иван IV приказал своей охране схватить и казнить лидеров бунта. Восстание было подавлено.

IV

Московский пожар и восстание в июне 1547 г. глубоко потряс и правительство и народ. Молодой царь Иван IV был в состоянии, близком к нервному срыву.

Митрополит Макарий, священник Сильвестр и Алексей Адашев чувствовали, что ситуация требует немедленных и последовательных реформ. Чтобы приступить к их осуществлению, нужно было получить одобрение царя. В подходящий момент Сильвестр посетил Ивана IV и убедил его, что несчастье было божьей карой за его грехи. Сильвестр побуждал его к покаянию и смирению для спасения его души.⁷⁴ Доводы священника серьезно повлияли на Ивана IV. Он испытывал нечто похожее на религиозное возрождение. Психологически это было началом влияния Сильвестра на Ивана IV, которое продолжалось несколько лет.

План реформ, задуманный Макарием, Сильвестром и Адашевым, базировался на тесном взаимодействии церкви и государства – митрополита и царя. К этим двум элементам власти теперь добавился третий – нация, представляющая землю. Взаимодействие этих трех элементов власти стало возможным через созыв царем и митрополитом церковно-земского Собора.⁷⁵

Хотя до этого все важные государственные дела рассматривались как государево дело, возникло новое понятие – земское дело. Когда в апреле 1546 г. Иван IV (еще не коронованный царем) повел войска в Коломну, чтобы быть готовым к возможному нападению татар, считалось, что он отправился «на свое дело».⁷⁶ Но в июне 1547 г., когда Иван IV организовал аналогичный поход, источники уже отмечали, что царь отправился в Коломну «на свое дело и земское».⁷⁷ Адашев сопровождал царя в этом походе в должности рынды (оруженосца).

Земские дела, конечно же, были в плохом состоянии. Наследство боярского правления в годы детства Ивана угрожало стабильности правительства, а армия никак не могла справиться с набегами татар. Военная проблема была тесно связана с важным социально-политическим вопросом – подъемом дворянства и столкновением его интересов с интересами князей и бояр. В свое время великий князь Иван III положил начало системе обеспечения дворянства поместьями за службу государю.⁷⁸ С этого времени дворянство стало потенциальной опорой армии московитов.

С увеличением численности этой армии требовались все большие земельные фонды для обеспечения воинов-дворян поместьями. Для удовлетворения этой потребности правительство было вынуждено обратить в поместья часть государственных владений. Они включали в себя земельные наделы крестьян, живших на этой части государственных владений, и права этих крестьян должны были быть гарантированы.

В поисках большего количества поместных земель Иван III конфисковал значительную часть церковных и монастырских земель в Новгороде и планировал широкую программу общей секуляризации монастырских владений в Московии. Его поддерживала идеалистически

⁷³ 73. Fennell. Correspondence, pp. 82-83.

⁷⁴ 74. Fennell. History, pp. 16-17; Карамзин, 8, 103-105; Карамзин. Примечания. 8, No 177, с. 43.

⁷⁵ 75. Термин Е.Ф. Максимовича. См. его «Церковно-земский Собор 1549 года», ЗРНИБ, 9 (1933), 1-15.

⁷⁶ 76. РК 1598, с. 109.

⁷⁷ 77. Id., p. 110. Cf. pp. 120-122 (1549), 127 (1550).

⁷⁸ 78. См. Россия в средние века.

настроенная группа монахов, которые в принципе возражали против того, чтобы монастыри владели земельными угодьями. Эта группа была известна как нестяжатели. Однако церковный Собор 1503 г. провозгласил Церковь и монастырские земельные наделы неприкосновенными.⁷⁹

Одержавшие победу стяжатели, известные как иосифляне (последователи настоятеля Волоколамского монастыря Иосифа), вошли после этого в церковную администрацию.

В свете намечавшихся реформ, в особенности в связи с потребностями дворянской армии, проблема секуляризации церковных и монастырских земель возникла вновь. Сильвестр и Адашев были на стороне нестяжателей. Будучи государственным деятелем, Адашев поддерживал план превращения монастырских земель в поместный фонд. Царь Иван IV, как ранее его дед, также был за секуляризацию земель.

Им следовало, однако, действовать постепенно, учитывая, что большинство высших церковных чинов было иосифлянами. Следует вспомнить, что предшественник Макария, митрополит Иоасаф также склонялся к позиции нестяжателей. Он все еще жил в Троицком монастыре, но более не участвовал в церковных делах.

В соответствии с московской политической традицией, царь должен был вместе с боярами принимать решения по введению новых законов или любому важному государственному делу. Насущные проблемы рассматривались высшей боярской группой – ближней думой или синклитом.⁸⁰ Особенно важные решения принимались на заседании Боярской Думы.

Реформаторы могли ожидать, что большинству бояр их планы не придутся по вкусу. Они рассчитывали преодолеть это сопротивление и предотвратить задержки в реализации своих проектов с помощью царя Ивана IV. Сильвестр и Адашев, молодые наиболее близкие советники царя, сыграли значительную роль в этой закулисной борьбе.

Вскоре сформировался круг последователей Сильвестра и Адашева. Как говорит князь Андрей Курбский в своей «Истории Ивана IV», Сильвестр и Адашев «собрали вокруг него (царя Ивана) советников, людей знающих и совершенных... и все они были всецело знакомы с военными и земскими делами... и они приблизили их непосредственно к нему (царю) в добрых отношениях и дружбе, так что без их совета ничего не предпринимается и не планируется... и в это время эти его советники были названы избранной радой».⁸¹

Состав и историческая роль избранной рады были и остаются до сих пор достаточно спорными вопросами русской историографии.⁸² Некоторые историки, включая Ключевского и Бахрушина, пытались отождествить избранную раду с ближней думой. По моему мнению подобное отождествление неверно по многим причинам, хотя бы потому, что Сильвестр как священник не мог быть членом думы. Адашев же стал членом ближней Думы только в 1553 г.

Я полагаю, что избранная рада не была формальным политическим институтом, а являлась влиятельной группой людей, бывших единомышленниками Сильвестра и Адашева (конфедератами, в переводе Феннела). Некоторые члены этого кружка благодаря влиянию Сильвестра и Адашева на царя стали членами ближней Думы (как князь Дмитрий Курлятьев), другое получили важные посты в армии и администрации.

Если мы будем искать исторические параллели с избранной радой, то можем с достаточной мерой условности сказать, что она была по сути близка к так называемому «ближнему

⁷⁹ 79. Id., pp. 131-132.

⁸⁰ 80. Синклит произведен от греческого *sygkletos* – так был известен государственный совет в Византийской империи. О ближней Думе см.: И.И. Смирнов. Очерки, гл. X и XI.

⁸¹ 81. Fennell, History pp. 20-21 (перевод Феннела слегка изменен). Рада по-западнорусски (по-белорусски и по-украински) означает «совет».

⁸² 82. См.: Шмурло, 2, часть 2, 27-33; Бахрушин. Труды, 2, 329-352; И.И. Смирнов. Очерки, с. 139-163; Зимин. Реформы, с. 316-325; Н. Андреев. Рецензия на книгу Зимина, SEEF, 94(1961), 259.

комитету», который сформировался 250 лет спустя вокруг молодого императора Александра I в начале его правления.⁸³

Правила ли в действительности избранная рада в годы ее существования Россией? Как Курбский, так и Иван IV утверждали, что да. Во втором письме к Курбскому (1577 г.) царь жаловался: "Вы (Сильвестр, Адашев и их последователи, включая Курбского) не только не хотели быть послушными и подчиненными мне, но даже управляли мною и забрали у меня всю мою власть, и правили сами как желали и забрали всю мою суверенность у меня: на словах я был государем, но фактически ничем не управлял".⁸⁴

Второе письмо Ивана Курбскому, подобно первому, отразило его настроение в течение второго периода его правления. Возможно, что еще до этого Иван IV чувствовал себя психологически подавленным властью Сильвестра и Адашева, но скрывал свои чувства. Однако поначалу он разделял планы Сильвестра и Адашева и с готовностью им следовал.

Позднее, когда Иван IV освободился от влияния Сильвестра и Адашева, его затаенное чувство униженности, заглушенное вражескими демаршами, продолжало расти и становилось все более горьким.

Каково бы ни было личное отношение Ивана IV к избранной раде, существовало два фактора, которые ограничивали ее власть с самого начала. Во-первых, хотя Адашев и Сильвестр работали совместно с Митрополитом Макарием, между ними существовали расхождения во мнениях. Во-вторых, ближняя Дума состояла не только из последователей Сильвестра и Адашева, но также из людей, которые не хотели принимать их лидерство, либо были настроены по отношению к ним открыто враждебно.

Дьяк Иван Михайлович Висковатай, человек высокоодаренный, один из выдающихся деятелей русского государства в XVI в., был готов сотрудничать с Адашевым, но ненавидел Сильвестра. В своей саркастической (хотя и несколько размытой) характеристике Сильвестра, написанной в 1569 г. или в начале 1570 г., Висковатый говорил, что «этот священник находился в великой чести у государя и был его советником и советником в духовных делах, был всемогущим... Он отдавал приказы митрополитам и епископам... боярам и дьякам... военным командирам и дворянам, всем иным. Короче говоря, он направлял как духовные, так и мирские дела... и он владел совершенно обеими сферами, духовной и мирской, как будто бы он был •царем, и митрополитам».⁸⁵

Несмотря на заявление Висковатого, ближняя рада, хотя и была движущей силой в политике этого периода, диктаторской властью не обладала.

Проводя реформы, московское правительство испытывало нужду в поддержке нации в целом. Чтобы обеспечить эту поддержку, правительство обратилось к политически наиболее значимым сословиям царства – духовенству, аристократии и дворянству – и предложило им рассмотреть и одобрить свои проекты.

Это было осуществлено путем сбора «национальной ассамблеи» этих трех сословий. В доступных нам источниках нет свидетельств того, что российское «третье сословие» (купцы и горожане) были допущены на заседания этой «ассамблеи». Они, равно как и некоторые другие группы населения, выражали свое недовольство и вносили предложения относительно реформ в форме челобитных. Работать с купцами и горожанами выпало по приказу царя на долю Алексея Адашева. Он действовал вместе с Сильвестром.

Все епископы имели право участвовать в «ассамблее». Другие представители духовенства выбирались митрополитом. Духовенство было представлено освященным Собором, В

⁸³ 83. Корнилов. Курс русской истории, 1,94-110; Vernadsky, PDHR, pp. 280-281; Vernadsky. A History of Russia (5-th revised edition), p. 195.

⁸⁴ 84. Fennell, Correspondence, pp. 190-191.

⁸⁵ 85. ПСРЛ, 13, часть II, 524. Английский перевод Н. Андреева «Interpolation» p. 108.

решении чисто религиозных дел (как, например, канонизация святых) совет духовенства действовал самостоятельно. В «национальной ассамблее» участвовали и бояре и высшая знать. Придворные и государственные служащие меньшего ранга выбирались царем. Среди дворянства (детей боярских) на Собор 1549-1551 гг. были вызваны лишь те, что жили в московском регионе. В отличие от земских Соборов конца XVI и XVII веков, на «ассамблее» не было представителей, избранных на местах.

Сословия заседали либо группами, либо вместе, для выработки специфических юридических установлений существовали специальные комитеты. Первый Собор состоялся в 1549 г. Он, вероятно, продолжил свою работу в следующем году. Второй собор (известный как Стоглавый Собор) был создан в 1551 г. Точное количество участников этих двух Соборов, неизвестно, но едва ли их было более полутора ста.

Наиболее важным делом Собора 1549 г. в религиозной сфере было завершение деятельности совета епископов 1547 г. по канонизации русских святых. К перечню тех, кто был канонизирован в 1547 г., в это время были добавлены еще и другие.

27 февраля на открытии общего заседания Собора 1549г. царь Иван обратился к совету епископов и Боярской Думе, а затем к воеводам и княжатам (младшим князьям), т.е. к армейским руководителям, дворянскому офицерству (сынам боярским и дворянам).⁸⁶

В своей речи перед епископами и боярами царь обвинил бояр и их приспешников во многих обидах, учиненных ими в годы его бесправия дворянам (детям боярским) и крестьянам.⁸⁷ Царь потребовал прекратить притеснение дворян и крестьян. Тем же, кто не подчинится его приказам, грозила его немилость и наказание. Бояре обещали выполнять царские требования. Жалобы бояр, обиженных дворянами и крестьянами, подлежали рассмотрению в судах.⁸⁸

На следующий день, 28 февраля, Боярская Дума одобрила закон, согласно которому дети боярские по всей Руси освобождались от рассмотрения провинциальными и районными наместниками их тяжб, за исключением случаев убийства и грабежа.⁸⁹ Это было первым шагом к отмене системы кормления провинциальной администрации и замещению местных органов власти самоуправлением.

Одним из ведущих защитников прав дворянства в армии и администрации был Иван Пересветов. В сентябре 1549 г. он направил царю две петиции, в которых ратовал за создание стационарной дворянской хорошо оплачиваемой и дисциплинированной армии; за назначение и продвижение военачальников согласно их способностям, а не положению; активное участие дворян в местном управлении и судопроизводстве. В защиту своих предложений Пересветов сослался на пример военных институтов Османской империи, с которыми он познакомился во время службы в Польше.⁹⁰

В ноябре 1549 г. был издан указ, целью которого было усиление царской власти с помощью новых правил назначения армейских командующих. Аристократическая традиция предполагала, что назначение высших армейских офицеров и чиновников администрации регулируется системой местничества. Лестница официальных лиц должна была соответствовать лестнице знатности княжеских и боярских родов. Это вызывало постоянные ссоры и снижало эффективность армейского руководства, особенно в ходе больших кампаний. Местническая иерархия в распределении чинов оказалась причиной неудачи кампании против Казани в 1547-1548 гг.

⁸⁶ 86. ПРП, 4, 575-576.

⁸⁷ 87. Современное русское слово означающее человека, занятого в сельском хозяйстве, — крестьянин. В старославянском языке существовала параллельная форма — христьянин, которая также обозначала христианина. В современном русском христианин -приверженец христианства. Христианин производно от Христа; крестьянин от креста. См.: Монголы и Русь.

⁸⁸ 88. ПРП, 4,575-576; И.И. Смирнов. Очерки, с. 289-296.

⁸⁹ 89. ПРП, 4,576; И.И. Смирнов. Очерки, с. 290,311-312.

⁹⁰ 90. Зимин. Пересветов, часть 2, главы 3 и 4.

Новая регламентация запрещала всякие местнические тяжбы среди армейских командиров в ходе кампании.⁹¹

Основные усилия реформаторов были направлены не на подавление ведущей роли боярства в армии и провинциальной администрации, а на объединение дворянства и попытку сделать его опорой армейской организации под властью царя. 3 октября 1550 г. царь и Боярская Дума постановили, что тысяча лучших детей боярских из провинциальных районов должна быть поселена в местности вокруг Москвы в радиусе семидесяти верст от центра, с тем чтобы усилить детей боярских, уже живущих в этой местности. Эта «избранная тысяча» должна была составить специальное армейское подразделение, которое можно было бы легко мобилизовать в случае опасности. В определенном смысле, она должна была стать расширенным царским двором.⁹²

V

В ходе законотворческой деятельности Собор 1549 г. утвердил право царя следить за подготовкой нового судебника. Он был составлен в 1550 г. и одобрен Стоглавым Собором в 1551 г.

Существовала насущная необходимость подобного предприятия. Судебник 1497 г., изданный в правление Ивана III, был, по сути своей, собранием правил судебных процедур и избранных норм законов для судей.⁹³ Он был краток и неполон, что отчетливо ощущалось даже в правление отца царя Ивана IV, Василия III.

Судебник 1550 г. (часто называемый «Царским судебником») является пересмотренным и расширенным вариантом судебного Ивана III. Первый судебник состоял из шестидесяти восьми статей; новый – из ста. Некоторые из статей первого судебного появились в пересмотренной форме; другие были разбиты на части.⁹⁴

По своей сути Царский судебник, подобно судебнику 1497 г., рассматривает в основном судебные процедуры, уголовные преступления и лишь некоторые нормы гражданского законодательства. Последние частично рассматривались более древними кодексами, «Русской Правдой» и «Псковской судебной грамотой»,⁹⁵ частично византийским законодательством, включенным в сборник церковных законов, «Кормчей книгой» (Nomocanon), и в значительной мере обычным правом.

В то же время Царский судебник провозглашал формально действующий закон единственным источником последующего законодательства: «В будущем все тяжбы должны производиться согласно судебнику». Параграфы 97 и 98 предусматривали, что в случае появления прецедентов, не рассматриваемых в существующем судебнике, новые нормы в дополнение к судебнику будут устанавливаться царем и боярами.

⁹¹ 91. ПРП, 4,582-583; Сибирский сборник, с. 83; И.И. Смирнов. Очерки, с. 401-406 и 489-495. Ср. Монголы и Русь, Россия в средние века.

⁹² 92. ПРП, 4,581-582; И.И. Смирнов. Очерки, с. 407-422; Зимин. Реформы, с. 366-375. Зимин рассматривает «избранную тысячу» только как проект, но его аргументация неубедительна. О дворе в военном смысле см.: Монголы и Русь, Россия в средние века.

⁹³ 93. Относительно Судебника 1497 г. см.: Текст этого судебного см.: Владимирский-Буданов. Россия в средние века, Хрестоматия, 2 (5-е изд., 1915), 82-107; Греков, ред. Судебники XV-XVI веков (1952), с. 19-29; ПРП, 3,346-357.

⁹⁴ 94. О согласованиях параграфов судебныхников 1497 г. и 1550 г. см.: Владимирский-Буданов. Хрестоматия, 2,184-188 и ПРП, 4, 344-345. Текст судебного 1550 г. см.: Владимирский-Буданов. Хрестоматия, 2,117-181; Греков, ред. Судебники, с. 141-177; ПРП, 4,233-361. Английский перевод: Н.W.Dewey. Muscovite Judicial Texts, pp.47-74.НЛЮ. О месте судебныхников 1497 г. и 1550 г. в эволюции русской юридической мысли см.: Backus. Muscovite Legal Thought; Ferguson and Levin, eds. Essays in Russian History, pp.35-68.

⁹⁵ 95. Английский перевод этого текста см: Vernadsky, ed. Medieval Russian Laws; французский перевод см.: M.Szeftel, ed. Documents de droit public relatifs a la Russie Mediaevale. Bruxelles, 1963.

Среди новых важных статей в Царском судебнике присутствовали параграфы 60 и 64, которые ограничивали судебную власть провинциальных наместников. Они базировались на указе от 28 февраля 1549 г. Основные преступления против государства рассматривались так же, как и в пункте 9 судебного 1497 г. В Царском судебнике этот пункт составил первую часть статьи 61. Согласно этому параграфу, к высшей мере наказания приговаривался каждый, виновный в вооруженном восстании и заговоре против суверена.⁹⁶ Царский судебник добавляет: «и каждый, кто сдал крепость врагу». Позднее эта норма (включая прецедент со сдачей крепости) служила основанием главы 2 Уложения 1649 г. (см. главу 3 настоящего издания).

Царский судебник подтверждал принцип крестьянской свободы – их право передвижения с одного места на другое раз в году в течение двух недель около «осеннего дня св. Георгия», 26 ноября. Это было обеспечено статьей 57 судебного 1497 г. (статья 88 судебного 1550 г.).

Особое положение крестьян, которые жили в доме, построенном для них землевладельцами (пожилые дворы), рассматривалось также в судебнике 1497 г. (вторая часть статьи 57) и в судебнике 1550 г. (вторая часть статьи 88). Если такой крестьянин хотел уйти от землевладельца в конце первого года пребывания, он должен был заплатить ему за использование дома четверть его стоимости; за два года – половину стоимости; за три года – три четверти стоимости. За четыре года (или более) крестьянин должен был выплатить стоимость целиком.⁹⁷ В судебнике 1497 г. стандартная полная цена дома составляла рубль в степной зоне (где лес был дорог) и пятьдесят копеек в лесном районе. Царский судебник слегка поднял цены, сделав их равными соответственно рублю и шести копейкам и пятидесяти шести копейкам. Это повышение может быть объяснено общим повышением цен в Московии в 1520-х и 1530-х гг., а также в последующий период.⁹⁸

Значительный интерес представляет перечень платежей за ущерб, нанесенный достоинству людей среднего и низшего классов населения (статья 26 Царского судебного). Эта статья соответствует стремлению адашевской и сильвестровской избранной рады обеспечить права всех социальных групп, и в особенности, защитить дворянство и городских жителей от каких-либо притеснений аристократией.

Шкала штрафов за ущерб достоинству указывала место каждой группы в московской социальной иерархии того времени. Чем выше был социальный статус человека, тем большей выплаты он мог требовать. Гость (оптовый торговец) получал 50 рублей за ущерб собственному достоинству; розничный торговец или горожанин (посадский) – 5 рублей; горожанин низшего статуса (черный или молодой) – один рубль; также и крестьянин – один рубль. Таким образом крестьянин находился на нижней ступени социальной лестницы.

Следует отметить, что женское достоинство было защищено лучше мужского. Во всех вышеперечисленных категориях компенсация жене была в два раза выше, нежели мужу.

Раб (холоп) не рассматривался в Древней Руси как юридически значимое лицо и поэтому не подлежал защите достоинства со стороны закона. Однако, согласно той же статье 26, некоторые категории людей, служивших боярам, должны были получать плату за посягательство на их достоинство, даже если они могли юридически считаться холопами.

В целом же, составители судебного 1550 г. попытались положить предел распространению холопства. Согласно «Русской Правде» киевского периода, «если кто-либо идет в дворецкие или домоправители (другого лица) без специального соглашения», он становится рабом.⁹⁹ Судебник 1497 г. подтвердил эту статью относительно сельских районов, но отменил ее отно-

⁹⁶ 96. О смысле параграфа 9 судебного 1497 г. см.: Россия в средние века.

⁹⁷ 97. Россия в средние века.

⁹⁸ 98. См: Манков. Цены, с. 72 и 97.

⁹⁹ 99. Параграф 3 развернутой версии «Русской Правды» см.: Vernadsky. Medieval Russian Laws, p. 54.

сительно городов (статья 68). Царский судебник повторил это исключение 1497 г. и упомянул еще несколько прецедентов получения холопами свободы (статья 76).

Судебник 1497 г. постановил, что холоп, схваченный татарами, а затем убежавший из плена и возвратившийся на Русь, становится свободным и не имеет более обязанностей перед своим прежним хозяином (статья 5). Царский судебник повторял статью, но опускал слово «татарский», таким образом распространяя ее на случай захвата холопов в плен любой вражеской армией (и их последующего бегства) (статья 80).

К началу XVI века в Московии развился новый тип так называемого «условного рабства». Оно стало известно как служилое холопство. Этот тип зависимости от хозяина был следствием специальной формы ссуд. Должник обязан был выплачивать процент по ссуде, выполняя определенные работы для своего кредитора. Очевидно, что у него было мало шансов когда-либо выплатить ссуду, и обычно он работал на кредитора до смерти, если не освобождался от своих обязательств ранее.¹⁰⁰

Царский судебник ограничил размер ссуды по служилой кабале, установив максимум в 15 рублей. Кроме того, только вольные люди, т.е. те, кто не входил в налогооблагаемые сельские и городские общины, имели разрешение получать такие ссуды.¹⁰¹ Более того, кредитору строжайше запрещалось применять требования судебного-контрактного займа к обычному займу, требуя личной службы заемщика как процента по ссуде в обычных сделках (статья 78).

VI

В 1551 г. был создан так называемый Стоглавый Собор, который имел большое значение как для русской церкви, так и для государственных дел.¹⁰²

До нас не дошло стенограммы его заседаний. Книга «Стоглав» (сто глав), которая содержит отчет о деяниях собора, дает неполное их описание. Она, очевидно, была составлена клириком, чья главная цель состояла в ознакомлении духовенства с программой реформ в жизни церкви, в особенности с нормами поведения и обязанностями духовного лица.¹⁰³

Стоглав был признан как учебник русского церковного законодательства. Это – важный исторический документ. Он показал, какова была роль царя в установлении повестки дня заседаний и выявил различие мнений между царем (направляемым Сильвестром и Адашевым), который хотел ограничить рост монастырских и церковных земельных угодий, и митрополитом Макарием, который считал своим долгом по отношению к большинству епископов и настоятелей защищать в этот период право церкви на владение землей.

Готовясь к собору, Иван IV написал обращение, которое он зачитал на открытии. Это был наиболее ранний пример его сочинений, в котором стали очевидными некоторые характерные черты его литературного стиля. Что касается содержания, то может показаться, что речь была, по крайней мере отчасти, вдохновлена и отредактирована Сильвестром. В ней Иван IV сожалел о своем раннем сиротстве, жаловался на плохое обхождение с ним бояр в детстве, признавался

¹⁰⁰ 100. О кабальном рабстве см.: Сергеевич. Древности, с. 159-171; Дьяконов. Кабальное холопство, ЭС, полумом 26,776-777. Кабала – арабское слово, обозначающее «торговую сделку».

¹⁰¹ 101. В моих комментариях к судебникам 1497 г. и 1550 г. я не пытался сделать полного обзора их содержания, но хотел проанализировать те параграфы, которые я рассматриваю как особо значимые для понимания эволюции внутренней московской политики и, в особенности, реформ, спланированных «избранной радой». В качестве недавнего анализа параграфов, рассматривающих воровство, см.: Backus. Muscovite Legal Thought pp. 45-46 (судебник 1497 г.) и pp. 50-58 (судебник 1550 г.).

¹⁰² 102. О Стоглавом соборе см.: Макарий. 6,223-250; Голубинский. История. 2, часть 1, 773-795; Жданов. Сочинения, 1,171-272 и 361-380; Карташев, 1,433-439; И.И. Смирнов. Очерки, с. 233-242; Зимин. Реформы, с. 378-388.

¹⁰³ 103. Стоглав, под редакцией Казанской духовной академии. Казань, 1862; под ред. Д.Е. Кожанчикова. С.-Петербург, 1863. Французский перевод см.: E.Duchene. Le Stoglav. Paris, 1920 (базируется на казанском издании).

в своих грехах, объяснял все собственные и государственные неудачи карой за свои и чужие прегрешения и взывал к покаянию.

В конце своего обращения царь обещал воплощать вместе с членами собора христианские предписания. "Если вы не сумели по своему невниманию исправить отклонения от божьей, истины в наших христианских законах, вы должны будете ответить за это в судный день. Если я не согласен с вами (в ваших праведных решениях), вы должны меня увещивать; если я не смогу повиноваться вам, вы должны бесстрашно отлучить меня, с тем чтобы сохранить живыми мою душу и души моих подданных, а истинно православная вера стояла непоколебима".¹⁰⁴

Затем царь представил для одобрения Собора новый судебник.¹⁰⁵ Собор утвердил его. Характерно сходство церковного и государственного законодательства этого периода по форме: как судебник, так и «Стоглав» были разделены на то же количество статей (глав) – сто.

Царь также попросил Собор (и последний сделал это) утвердить образец уставных грамот для провинциальной администрации. Это было связано с замыслом Адашева упразднить систему кормления (кормление провинциальных чиновников населением) и заменить ее местным самоуправлением (глава 4 «Стоглава»).

Затем царь представил вниманию членов собора длинный перечень вопросов для обсуждения. Первые тридцать семь вопросов относились к различным сферам церковной жизни и ритуала, исправлению церковных книг и религиозному образованию. Собор получил совет царя принять соответствующие меры, чтобы избежать распущенности и злоупотреблений среди монахов («Стоглав». Глава 5). Эти вопросы были предположительно предложены царю Макарием и Сильвестром.

В дополнение к этим тридцати семи вопросам царь представил для рассмотрения перечень проблем, относящихся в основном к государственным делам. В некоторых вопросах этой группы царь указал на необходимость передачи по крайней мере некоторых церковных и монастырских земель в пользование дворянства (в качестве поместий за военную службу) и горожан (в качестве усадеб в городах). Эти дополнительные вопросы не были включены в «Стоглав». ¹⁰⁶ Несомненно, что в формулировке этих вопросов царю помогли те же Адашев и Сильвестр.

Получив ответ на эти вопросы, царь представил еще тридцать два, которые должны были исходить от Макария и Сильвестра. Эти вопросы в основном касались определенных деталей церковного ритуала, а также народных предрассудков и остатков язычества, народной музыки и драмы, которые были также обозначены как язычество.

Митрополит Макарий, следуя в этом случае Иосифу Санину, вместе с большинством епископов и настоятелей выступил против любой попытки секуляризации церковных и монастырских земель, а также против подчинения церковных судов судам мирян. Под влиянием Макария Собор подтвердил неотчуждаемость церковных и монастырских земельных владений (главы 61-63), а также освобождение духовенства и церковных людей от юрисдикции государственных судов (главы 54-60 и 64-66).

Тем не менее Макарий и иосифляне должны были пойти царю и Адашеву на уступки и согласились на некоторые меры, сдерживающие дальнейшее расширение церковных и монастырских земельных владений как в сельских районах, так и в городах. 11 мая 1551 г. монастырям было запрещено покупать земельные владения без одобрения сделки царем в каждом случае. То же правило было применено к дарению или наследованию земли монастырями по

¹⁰⁴ 104. Стоглав, гл. 3; Послание Ивана Грозного, с. 522-524. Интерпретация Г. Вернадского.

¹⁰⁵ 105. Стоглав, гл. 4

¹⁰⁶ 106. Перечень этих вопросов был опубликован Ждановым. Сочинения, с. 175-186; ПРП, 4,576-580. Ср. И.И. Смирнов. Очерки, с. 301-308 и 486-488. Зимин полагает, что тот перечень был скопирован в 1550 г., т.е. до того как началась сессия собора, см.: Зимин. Реформы, с. 389-391.

воле землевладельцев. Царю таким образом было дано право ограничения дальнейшего роста монастырских землевладений.¹⁰⁷

В то же время Собор одобрил правила, согласно которым церковным и монастырским властям запрещалось основывать в городах новые слободы. Те, что были основаны незаконно, подлежали конфискации («Стоглав», глава 94).¹⁰⁸

Исторически эти меры означали продолжение длительного соперничества между русским государством и церковью за контроль над фондом церковных земель и судебную власть над «церковными людьми».

Решения и рекомендации Стоглавого Собора сыграли важную РОЛЬ в истории русской церкви и ее связей с государством.

Собор провозгласил византийский принцип «симфонии» церкви и государства, включив в «Стоглав» описание его актов, сущности шестой новеллы императора Юстиниана, одного из основных положений «симфонии» («Стоглав», глава 62). В церковно-славянском варианте «Стоглава» читаем: "Человечество обладает двумя великими дарами Бога, данными ему через любовь его к людям – священство./Sacerdotium/ и царство /Imperium/. Первый направляет духовные потребности; второй – управляет и заботится о человеческих делах. Оба вытекают из одного источника¹⁰⁹

«Стоглав» содержал честную критику недостатков русского духовенства и практики церкви и в то же время рекомендовал средства исцеления. Они состояли частично в усилении контроля высших деятелей церкви над поведением священников и монахов, частично – в более конструктивных мерах. Для подготовки духовенства рекомендовалось основать школы в Москве, Новгороде других городах (глава 26).

Поскольку в рукописных копиях религиозных книг и церковных учебников по небрежности копиистов встречались ошибки, специальному комитету ученых священников предписывалось проверять все копии до их поступления в продажу и использования (1 рукописной форме, ибо в это время в Москве не было типографии (главы 27 и 28).

Особая глава «Стоглава» касается иконописи и иконописцев (глав 43). Подчеркивается религиозная природа искусства. Рекомендовалось соответствие икон священной традиции. Художники должны были подходить к работе с почтением и быть сами религиозными людьми.

Как показал Георгий Острогорский, "Стоглав по сути не вводит чего-либо нового (в принципы иконописи), но отражает и подтверждает наиболее древние представления об иконописи... «Стоглав следует принципам византийской иконографии с совершенной точностью... Как с художественной, так и с религиозной точки зрения, его решения взаимосвязаны с сутью верований и идей православия». ¹¹⁰

Следует отметить, что как Макарий, так и Сильвестр были знакомы с иконописью и ее традициями. Глава «Стоглава» об иконописи была, возможно, написана, или же по крайней мере отредактирована, одним из них или совместно обоими.

Некоторые другие положения «Стоглава» не были столь адекватно сформулированы как положение об иконописи и позднее оказались открытыми для критики. Их переоценка в середине XVII столетия – почти через сто лет после Стоглавого собора – послужила побудительной причиной конфликта между патриархом Никоном и старообрядцами.

¹⁰⁷ 107. Этот указ появился как дополнительная глава (глава 101) в четырех рукописях «Стоглава». Он не включен в издание Кожанчикова. Duchesne. Stoglav, pp. 261 -265. Ср. И.И. Смирнов. Очерки, с. 441-445; Зимин.Реформы, с.389-391.

¹⁰⁸ 108. См.: П.П. Смирнов. Посадские люди. 1,118-120.

¹⁰⁹ 109. До Стоглавого собора славянский перевод шестой новеллы Юстиниана был доступен русским читателям в рукописях различной редакции в «Кормчей книге» (по-гречески,Номосапон). См. Г. Вернадский. Византийские учения о власти царя и патриарха,Recneil Kondakov. Prague,1926, pp. 143-154.

¹¹⁰ 110. Ostrogorsky. Decisions du Stoglav, p.411

Одним из таких прецедентов, в конце концов приведших к смуте и разногласиям, было решение Собора о способе соединения пальцев при крестном знамении. Подобно митрополиту Даниилу в правление Василия III, собор одобрил двоеперстие (соединение указательного и прилежащих к нему пальцев и их поднятие), с тем чтобы символизировать двойственную природу Христа (глава 31).¹¹¹ И как в случае митрополита Даниила, некоторые из древних греческих работ (использованных отцами Стоглавого Собора в славянском переводе для подтверждения собственных решений) не были написаны авторитетами, на которых ссылались священники, а лишь приписывались им. Тем не менее следует подчеркнуть, что в раннехристианской церкви действительно существовали разные способы соединения пальцев для крестного знамения и двоеперстие было одним из них.

Другое решение Стоглавого собора, которое позже оказалось предметом разногласий, затрагивало детали церковного ритуала. Было отмечено, что «алилуя» пелось трижды во многих церквях и монастырях в Пскове и Новгороде вместо двух раз, как это было принято в московских церквях. Собор полагал трехкратное исполнение «алилуя» в латинском (т.е. римско-католическом) варианте и одобрил двухкратное повторение «алилуя» (сугубая алилуя) (глава 42).

Третье противоречивое решение Стоглавого собора неосознанно вело к добавлению слова в восьмом параграфе символа веры. Параграф в православном прочтении звучит так: / Мы веруем/ «в Святой дух, Бога, Дарителя Жизни, Который произошел от Отца...». В некоторых славянских рукописях «Бог» (по-церковнославянски и по-русски – Господь) был заменен на «Истинный». Некоторые копиисты, возможно связывая различные рукописи, вставили «Истинный» между словами «Бог» и «Даритель Жизни». Стоглавый собор постановил, что следует говорить либо «Бог», либо «Истинный», не произнося оба слова вместе (глава 9).¹¹²

Это правило в действительности игнорировалось. Постепенно в Московии стало установившейся практикой читать восьмой параграф символа «Святой Дух, Истинный, Даритель Жизни». Это прочтение закрепилось в поздних копиях самого «Стоглава».¹¹³

Митрополит Макарий и большинство прелатов – членов собора 1551 г. – были консерваторами. Они стремились избавить русскую церковь от ее недостатков, но не собирались вводить ничего нового в ее практику, и в особенности в догматику.

И все же собор дал импульс постепенному подъему новых течений в русской религиозной и интеллектуальной жизни. Открытая и смелая критика Собором недостатков в жизни церкви послужила ферментом более сознательного отношения к церковным проблемам среди священников и мирян.

Собор провозгласил принцип «симфонии» церкви и государства, что подразумевало определенное ограничение царского самодержавия. Собор подчеркнул важность поддержки образования и основания школ. Решения собора проверить аккуратность рукописей религиозных работ и церковных учебников и откорректировать их привело к более критичному отношению к древним текстам и к лучшему пониманию ценности учености.

Искусство печати не упоминалось в актах собора, но нет сомнений, что митрополит Макарий (и возможно Сильвестр) уже думали во время Стоглавого собора об открытии в Москве типографии. Это было сделано в 1553 г.

В связи с далеко идущими реформами, начатыми правительством царя Ивана IV, в особенности ввиду необходимости обеспечения членов дворянской армии земельными наделами и предложенных, ограничений церковных в монастырских земельных владений, равно как и для введения новых налогов с целью увеличения государственных доходов, было необходимо

¹¹¹ 111. О рекомендации двоецарстия митрополитом Даниилом см.: Россия в средние века.

¹¹² 112. Так это сделано в рукописи использованной для издания «Стоглава». См. Duchesne, Le Stoglav, p.61.

¹¹³ 113. Так это сделано в рукописи, использованной для издания Кожанчикова, с. 68.

прежде всего определить размах национальных ресурсов, в особенности размеры земельного фонда для ведения сельского хозяйства, бывшего в то время главным источником богатства России.

Уже в 1549 г. Ермолай-Еразм обсуждал проблему переоценки недвижимости в Московии в своем трактате «Благохотящим царем правительница и землемерие». ¹¹⁴ Очевидным первым шагом в этом направлении был новый земельный кадастр. Это было сделано в 7059 году Anno Mundi (с 1 сентября 1550 г. по 31 августа 1551 г.). На базе этого кадастра была введена новая единица налогообложения – «*большая соха*».

Размер *большой сохи* как нормы налогообложения варьировался относительно различного типа обрабатываемых земель. Для определения землевладений бояр и дворян, равно как и для тех, что принадлежали царским придворным (дворовые), новая соха составляла 800 четвертей хорошей земли на одном поле (при трехполье, тогда использовавшемся в Московии); для церковных и монастырских земель размер сохи устанавливался в 600 четвертей; для земли государственных крестьян (черные) – 500 четвертей. Всего норма для трех полей составляла соответственно 2400, 1800 и 1500 четвертей, т.е. 1200, 900 и 750 десятин. ¹¹⁵ Для земель худшего качества норма была иной.

Чем меньше был размер сохи как единицы налогообложения, тем выше был налог, который следовало уплатить. Это означало, что церковные и монастырские землевладения были оценены по более высокому уровню, нежели дворцовые и боярские земли, и с них платилось пропорционально больше налогов.

С первого взгляда может показаться, что государственные крестьяне были в наихудшем положении, но это не так. Вводя шкалу уровней налогообложения, правительство приняло во внимание тот факт, что крестьяне в первых двух категориях земли кроме выплаты государственных налогов должны были платить налоги (в денежном выражении) своим владельцам земли и выполнять для них определенную работу. Общие обязанности государственного крестьянина были поэтому легче, или по крайней мере равны тем, что выпадали на долю крестьян других категорий.

VII

Царство нуждалось не только во внутренних реформах. Его нужно было также защищать от нападений внешних врагов.

В течение 1547-1552 гг. московское правительство с помощью переговоров смогло избежать войны с Польшей и Литвой. Перемирие между Москвой и Литвой было возобновлено в 1549 г.

Опасность татарских набегов – как крымских, так и казанских – продолжала нависать над Москвой. Ситуация ухудшилась, когда казанцы выбрали ханом Сафа-Гирея, принадлежавшего к крымскому правящему дому. С ним вместе в Казань прибыло много крымских вельмож. Политика Крымского и Казанского ханств была теперь скоординирована. За крымским ханом стоял его сюзерен – турецкий султан.

В 1541 г. крымский хан Сагиб-Гирей предпринял главную кампанию против Москвы. Татар остановили, но следовало ожидать новых набегов. В 1540-х угроза нападений исходила в основном от Казани. Каждый опустошительный набег выливался в увод большого, количества пленников, которые затем продавались на рынках рабов. В 1551 г. в Казани было около ста тысяч пленников русских. ¹¹⁶

¹¹⁴ 114. Зимин. Пересветов, сс. 133-139.

¹¹⁵ 115. Одна четверть равнялась половине десятины. Одна десятина равнялась 2,7 акра.

¹¹⁶ 116. Очерки, 3, 355.

Чтобы держать оборону, Москва нуждалась в сильной и эффективной армии. Меры по укреплению положения дворян, намеченные вительством, должны были сделать из дворянства опору армии. В дополнение теперь был расширен стрелецкий корпус (созданный при Василии III и первоначально названный пищальники). В качестве подкрепления регулярной армии были приглашены казацкие волонтеры. Большую помощь оказывали касимовские татары. Для обеспечения единства военного командования существовал указ, запрещающий местнические тяжбы во время кампаний (появился в 1550 г.).

Для лучшего понимания причин московско-казанских войн 1547-1552 гг. следует вспомнить, что при Василии III казанские татары признали его сюзеренитет над Казанью и согласились не избирать своих ханов (царей, в русской терминологии) без одобрения Москвы. В 1532 г. они приняли в качестве своего хана бывшего царевича Касимова Яна-Али, брата Шаха-Али, которого казанцы изгнали в 1521 г.¹¹⁷

Фактически среди княжеских семей казанских татар продолжали существовать две группировки, от которых зависели ханы: прокрымская и прорусская. В 1535 г. первая вновь одержала верх. Ян-Али был убит, и его предшественник, вышеупомянутый Сафа-Гирей, вернулся к власти. Он правил в Казани до своей смерти в 1549 г. Ему наследовал его маленький сын Утемыш-Гирей, мать которого, красивая и энергичная царица Сюнбекх (по русским источникам – Сюнбека или Сююнбека), дочь ногайского князя Юсуфа, стала регентом. Действительная власть принадлежала крымско-татарской гвардии, которой командовал Улан-Кучак, фаворит Сюнбеки.

Московия послала разведывательную экспедицию против казанских татар в феврале 1547 г. по холмистому правому берегу Волги, с тем чтобы исследовать дороги на Казань и испытать силу татарского войска. Русские достигли устья реки Свияги. За этим последовало две более амбициозные кампании зимой 1547-1548 гг. и 1549-1550 гг. Ни одна из них не была удачной.¹¹⁸

Анализируя причины неудач, как правительственные, так и армейские лидеры пришли к заключению, что необходимо, во-первых, создать более строгую схему военного командования, ограничив местничество (что и было сделано в 1550 г.), и, во-вторых, возвести укрепления ближе к Казани. Было решено построить крепость при впадении Свияги в Волгу, в сорока километрах от Казани и гораздо ближе к ней, нежели Нижний Новгород, где собирались войска в ходе предшествующих кампаний.

В конце мая 1551 г. войска, строители и строительные материалы были посланы к устью Свияги из Нижнего Новгорода. Касимовский царь Шах-Али (до того в 1519-1521 гг. и в 1546г. царь Казани) был назначен главнокомандующим экспедиционного корпуса. Деревянная крепость, названная Свияжск, была спешно построена на холме, контролирующем устье Свияги. Ее возведение произвело большое впечатление на финские и тюркские племена высокого (правого) берега Волги – черемисов (теперь известных как мари) и чувашей. Эти племена были под властью Казанского ханства со времен основания последнего в середине XV века.¹¹⁹

Их князья и старейшины представились царю Шаху-Али, прося его разрешения послать делегацию для изъявления уважения царю Ивану IV. Делегация была принята в Москве. Посланники принесли царю клятву верности в мусульманской форме (шерть). Царь выдал им грамоту, подтверждающую их племенную организацию, и освободил от налогов на три года.

¹¹⁷ 117. См. Россия в средние века.

¹¹⁸ 118. Относительно этих и исследующих событий см.: ПСРЛ, 13, часть 1, 155-223; часть II, 457-517; Карамзин, 8, 122-197; Соловьев, 6, 455-473; Nolde I, 29-36.

¹¹⁹ 119. О возникновении Казанского ханства см.: «Монголы и Русь», Nolde, 1, 1-13; Вельяминов-Зернов, 1, 1-14.

Успех русских также оказал сильное влияние на некоторых казанских вельмож. Два эмиссара этой труппы прибыли в Свияжск и предложили Шаху-Али ханский трон (в третий раз). Шах-Али отослал в Москву эмиссаров для переговоров.

Они просили Ивана IV не посылать войска против Казани, а обеспечить казанцам мир и позволить Шаху-Али стать их царем (ханом). Со своей стороны, они обещали выслать в Москву царицу Сюнбеку с ее сыном Утемышом (ханом Казани) и освободить всех русских пленных в Казани.

Иван IV согласился поддержать Шаха-Али в получении казанского трона при условии, что Казань откажется от всех притязаний на нагорный берег, поскольку его обитатели уже обещали быть верноподданными Москвы.¹²⁰ Это условие неприятно задело казанцев. Однако они пока не стали протестовать. Иван IV назначил Алексея Адашева своим полномочным представителем и поручил сопровождать эмиссаров в Свияжск, чтобы объявить Шаху-Али свое благосклонное разрешение принять власть в Казани.

Шах-Али выразил свою благодарность царю Ивану IV, но остался недоволен лишением его как нового царя Казани района нагорного берега. Адашев и бояре, ответственные за безопасность Свияжска, ответили, что царская власть над Свияжском и всем нагорным берегом непоколебима и не подлежит обсуждению.

Когда эмиссары вернулись в Казань и обсудили ситуацию с вельможами и муллами, было решено принять Шаха-Али новым ханом и, в то же время, постараться вернуть провинции нагорного берега под власть Казани, откладывая исполнение некоторых условий соглашения и договорившись с Шахом-Али.

Царица Сюнбека и ее сын были выданы воеводе, князю Петру Серебряному. Ее отчаяние при отъезде отражено в татарской поэме «Жалоба Сюнбеки».¹²¹ Она и мальчик Утемыш были привезены в Москву 5 сентября 1551 г. и заключены в Кремле.

Таким образом казанцы выполнили одно из условий соглашения с Москвой. Другое важное условие, касающееся освобождения русских пленников, было выполнено лишь частично. Хан Шах-Али приказал всех русских пленников в Казани и в округе доставить в его дворец, чтобы отпустить на волю. Хозяева пленников, однако, не спешили подчиниться ханскому указу и старались скрыть рабов от чиновников, посланных ханом. Он смог передать русским представителям 17 августа лишь две тысячи семьсот пленников и пообещал всеми силами постепенно вернуть остальных.

Московская летопись фиксирует, что позднее с нагорного берега, из Казани и Казанского региона были возвращены шестьдесят тысяч русских пленников. Их доставили в Свияжск, временно разместили и обеспечили провиантом, а затем распустили по домам. В плену осталось еще около сорока тысяч человек.

Те же казанские вельможи, что пригласили Шаха-Али на трон, теперь сопротивлялись его поддержке требований России по освобождению пленных. Они начали секретные переговоры с ногайцами, чтобы заключить союз против Москвы. Шах-Али пытался подавить бунт жесткими мерами и казнил многих его лидеров. Это только подлило масла в огонь антирусского движения. Казанские вельможи продолжали оказывать сопротивление присоединению территории нагорного берега к Москве.

Шах-Али сам не приветствовал московской политики в этом вопросе. Его положение серьезно осложнилось. Московское правительство предложило послать в Казань войска, чтобы сохранить ему трон. Шах-Али предпочел уйти. 6 марта 1552 г. он покинул Казань и направился в Свияжск в сопровождении восьмидесяти четырех татарских князей и вельмож, кото-

¹²⁰ 120. ПСРЛ, 13, часть 1, 156-167.

¹²¹ 121. Старославянскую версию «Жалобы Сюнбеки» см.: Моисеева, ред. Казанская история, с. 98-99; Сказание о царстве Казанском, с. 94-95 (перевод на современный русский язык, с. 329-330). Cf. Sar Kisyantz. Geschichte, pp.283-284; Ischboldin. Essaus on Tatar History, p.87.

рые остались ему верны. Из Свияжска он возвратился в Касимов. В мае Шах-Али женился на пленной царице Сюнбеке.¹²²

Власть в Казани захватила теперь антирусская партия. Ее лидер пригласил на трон астраханского царевича Ядигара и начал подготовку к войне с Москвой.

В апреле московский государственный совет решил начать широкомасштабную кампанию против Казани. Русская армия должна была собраться в Свияжске. Митрополит Макарий послал воинам свое благословение, поощряя их воевать против неверных, «которые продолжают, проливать христианскую кровь».

Начало военных действий было ненадолго отложено из-за эпидемии цинга в Свияжске, восстания черемисов и похода крымского хана на Тулу.¹²³

Только 13 августа царь Иван IV прибыл в Свияжск со своим двором, новгородскими дворянскими соединениями и стрельцами в помощь войскам, собранным там. Артиллерия, военные и прочие запасы были заранее посланы в Свияжск по Волге на кораблях из Нижнего Новгорода.

Иван IV назначил хана Шаха-Али номинальным главой основной армейской группировки – большого полка. Двумя русскими воеводами, его помощниками, в действительности командовавшими большим полком, были князья Иван Федорович Мстиславский и Михаил Иванович Воротынский.

Западный инженер (датчанин?), имя которого дано в русских источниках как Размысл, отвечал за соединения саперов. Алексей Адашев не получил какого-либо крупного назначения, но был уполномочен царем Иваном IV решать в критических ситуациях экстренные задачи. Его миссия во время осады и штурма Казани оказалась весьма полезной.

Шах-Али действовал как специальный советник царя Ивана. Учитывая его близкое знакомство с казанскими делами, он был очень полезен Ивану IV как в военных действиях, так и на идеологическом фронте, поскольку был мусульманином.

Русские подошли к Казани в конце августа. Численность их армии оценивалась в сто пятьдесят тысяч воинов. Вероятно, эта цифра завышена. Город был защищен крепкими стенами и хорошо снабжен военным снаряжением и продовольствием. Гарнизон состоял из тридцати тысяч татар и двадцати семи тысяч ногайцев.

В дополнение в Арск, к северо-востоку от Казани, был послан в главе татарского кавалерийского отряда князь Япанча. Он должен был мобилизовать для похода на русских, осаждающих Казань, и отвлечения их внимания силы левобережных (левый берег) черемисов, верных Казани. Чтобы войска Япанчи не смогли прорвать осаду Казани, русские создали войско специального назначения под командованием князя Горбатого.

Сперва защитники Казани не страдали от недостатка питьевой воды, поскольку они вырыли подземный туннель к источнику близ реки Казанки. Татарский князь Камай, который перешел на сторону русских, раскрыл им этот секрет. Московиты заминировали туннель и взорвали его. Часть городской стены рухнула. Казанцам удалось заставить отступить русских, хлынувших в проем, но подземный путь и доступ к источнику были уничтожены.

Около 1 октября русские подготовили все ко взрыву основной башни казанской стены. Через князя Камая царь Иван IV объявил казанцам, что он сохранит им жизнь, если они сдадутся и выдадут своих предводителей. В противном случае пощады не будет. Казанцы сдаваться отказались.

Иван приказал русской армии готовиться к штурму Казани, который планировался на следующий день после того, как башня будет взорвана. Взрыв прошел успешно, и русские

¹²² 122. Вельяминов-Зернов, 1,364-366. Сюнбека вскоре умерла.

¹²³ 123. О казанской кампании 1552 г. см.: ПСРЛ, 13, часть 1,177-222; Соловьев, 6 463-473; Nolde, 1,34-36. О военных разрядах см.: РК 1598, с. 133-138.

ворвались в город. Защитники отчаянно сражались. Когда они увидели, что дело проиграно, они выдали своего хана Ядигара, но продолжали биться. Оставшиеся в живых попытались уйти через болота в ближайшие леса, и были окружены. Татары запросили пощады, но русские не согласились. Цвет татарской знати погиб в этот день.

Когда царь Иван IV въехал в разрушенный город, его приветствовала как спасителя толпа русских пленников, томившихся в Казани и теперь освобожденных. Не теряя времени, он выслал посланников к племенам-сателлитам Казанского ханства, обещая мир и безопасность и требуя от них тех же налогов, что они обычно платили татарским ханам Казани.

Прежде всего старейшины Арска, а затем все "нижние земельные" черемисы послали своих представителей к царю Ивану IV и присягнули ему в верности.

После того как мертвые были похоронены, и город убран, Иван IV по согласию с духовенством и теми членами государственного совета, что сопровождали его в Казань, заложил основание православного собора в центральной части города.

Адашеву и некоторым другим опытным воеводам было очевидно, что хотя победа одержана и приняты первостепенные меры по установлению русского контроля над страной, оставалось еще многое сделать, чтобы установить русскую систему администрации. Поэтому Адашев и его последователи настаивали, чтобы, в целях последовательного установления мира в ханстве, царь Иван IV остался в Казани на несколько месяцев и держал там еще некоторое время сильную армию.

Иван IV, однако, не пожелал принять совет Адашева. Он был измотан напряжением драматических дней осады Казани и полагал, что оставшаяся нудная работа по установлению мира в завоеванной стране ниже его достоинства и должна быть оставлена воеводам, которых он мог бы бранить за неудачи, как он сделал позднее. Более того, Иван IV спешил вернуться домой к своей беременной жене. Ее родственники, Захарьины, побуждали его приехать как можно раньше.

Тем не менее 6 октября царь назначил своим наместником в Казани, ответственным за тысячу пятьсот сынов боярских, три тысячи стрельцов и значительное число казаков, князя Александра Горбатого. Сам же отправился в Свияжск, а оттуда в сопровождении бояр в Москву. Часть армии была послана в Свияжск, часть – в Москву, часть – демобилизована.

Когда Иван IV был на пути в Москву, посланец принес ему весть, что царица Анастасия родила сына, получившего при крещении имя Дмитрий. 29 октября царь Иван IV триумфально вошел в Москву, приветствуемый духовенством, знатью и всем населением столицы.

Именно с этого времени Иван IV стал известен среди русских и татар, как внушающий страх (грозный). Русские называли его Грозным как своего вождя и защитника от врагов. Для казанских татар он стал Явуз (турецкий вариант Грозный), как их победитель. По-английски царь Иван именуется «Ужасным» или «Страшным».

3. Кризис 1553 г. и второй период реформ

I

Завоевание Казани было огромной военной победой и великим политическим достижением. С религиозной точки зрения оно стало триумфом христианства над исламом.

Адашев и другие ведущие московитские государственные деятели, однако, хорошо знали, что еще многое осталось сделать для укрепления русских позиций во вновь завоеванной стране а также для завершения реформ в Московии – для реорганизации армии" провинциальной администрации и судов. Система кормления провинциальных наместников должна была быть упразднена. Одновременно митрополит Макарий и священник Сильвестр готовили планы установления христианства в Казани.

Вскоре, после возвращения царя из Казани Адашев попытался побудить его предпринять энергичные меры по установлению мира в Казани и продолжению реформ дома. Однако Иван не был расположен беспокоить себя внимательным рассмотрением казанских и иных государственных дел, в особенности потому что многие влиятельные бояре были против программы политики Адашева. Дабы избежать приема ответственных решений, Иван IV предпочел на время удалиться из столицы. В декабре он отправился со своей женой и ребенком в Троице-Сергиев монастырь. Следует отметить что митрополит Макарий не сопровождал царя. Дмитрий был крещен епископом ростовским Никандром. Это едва ли было случайно. Возможно, это стало результатом временного несогласия или ссоры между царем и митрополитом.

Триумф христианства над исламом был символизирован крещением двух бывших казанских ханов, пленников Москвы. Это были мальчик Утемыш-Гирей (сын Сюмбеки), выданный Москве в 1551 г., и последний казанский хан Ядигар. Макарий принял активное участие в церемониях.

В январе 1553 г. Утемыш (которому тогда было шесть лет от роду) был крещен под именем Александр. Ему дали достойное русское образование. Одаренный и подающий надежды мальчик Александр безвременно скончался в возрасте девятнадцати лет. Он был похоронен в Архангельском Соборе Кремля, месте захоронения московских царей.

Вслед за крещением Утемыша хан Ядигар попросил царя Ивана IV простить ему его бывшее прегрешение (грубость, т.е. отказ сдать Казань) и не наказывать его, а позволить принять христианство. Он заверил, что искренне хочет верить в Христа. После консультации с митрополитом Макарием Иван IV дал разрешение, и глава церкви был послан к Ядигару для разъяснения истин веры. 26 февраля Ядигар был крещен в присутствии царя, митрополита, других прелатов и бояр. Он получил имя Симеон. После этого Ядигар был известен в Московии как царь Симеон. Поскольку он был сыном Касая, на него ссылались как на Симеона Касаевича. Через некоторое время после своего крещения царь Симеон женился на русской девушке, происходящей из одной древней московской боярской семьи, Марии Андреевне Кутузовой. Он стал одним из доверенных воевод Ивана IV и жил до 1565 г.

Перед тем, как покинуть Троицкий монастырь, Иван IV приказал боярам обсудить ситуацию на заседании Думы и принять подобающие решение как о казанских делах, так и о системе кормления. Боярам это распоряжение не нравилось. Следует вспомнить, что в заседании Думы участвовали многие противники Адашева. Этими непродуманными действиями Иван IV не только поставил под удар Адашева, но и нанес вред дальнейшему ходу реформ.

Казанская кампания не пользовалась популярностью у бояр – противников Адашева, особенно теперь, когда каждому стало ясно, что потребуются напряженные усилия для завершения завоевания. Эти чувства были резко выражены князем Семеном Лобановым-Ростовским:

«Московское царство было повергнуто в бедность (казанской кампанией), и в любом случае невозможно будет удержать Казань».

Автор интерполяции в «Царственную книгу», дьяк Иван Висковатый, иронически отзывался об этом заседании Боярской Думы: бояре «устали от таких великих усилий и работы и даже не сумели закончить малую долю ее. Они отложили любое решение по казанским делам и, жажда богатства, начали обсуждать вопросы кормления». ¹²⁴ (Из этого следует, что уничтожение кормления лишило бы бояр значительного дохода, и поэтому бояре попытались сохранить эту систему).

Пренебрежение бояр к казанским делам, продолжал комментатор, привело к тому, что вся «нижнеземельная» часть к востоку от Волги, включая Арск, восстала против Москвы, и было пролито много христианской крови.

Боярский саботаж программы реформ был не только выражением их недовольства Адашевым. Группа бояр, включая вышеупомянутого князя Семена Лобанова-Ростовского, выступала и против самого царя Ивана ГУ. Некоторые из разочарованных бояр даже начали подумывать о замене Ивана IV при первой возможности более удобным им правителем, а точнее, двоюродным братом Ивана IV, князем Владимиром Андреевичем Старицким. ¹²⁵

Неожиданно довольно скоро такая возможность представилась.

1 марта 1553 г. царь тяжело заболел. Его родственники и придворные были охвачены горем. Его противники радовались, надеясь, что он не выживет. ¹²⁶ Среди всеобщего замешательства дьяк Иван Михайлович Висковатый «напомнил суверену о его завещании. Суверен приказал исполнить завещание – его (завещание) суверен всегда имел наготове». ¹²⁷

Это свидетельство в определенной мере двойственно. Некоторые ученые полагают, что завещание было сделано лишь во время царской болезни. ¹²⁸ По моему мнению, слова Висковатого показывают, что завещание было написано до болезни царя. Оно могло быть подготовлено до начала казанской кампании. Если царская волеизъявление существовало до рождения царевича Дмитрия, то имя последнего могло быть и не упомянуто в нем.

Как бы то ни было, после исполнения воли Висковатым, «они» (очевидно, Висковатый и поддерживающие его) попросили царя приказать князю Владимиру Старицкому и боярам присягнуть царевичу Дмитрию. Недовольные бояре, рассчитывающие, что после смерти царя Ивана IV трон унаследует князь Владимир Андреевич Старицкий, подняли мятеж. Амбициозная и любящая интрига мать Старицкого, Ефросиния (урожденная княгиня Хованская) находилась в тесных контактах с недовольными боярами. Сам же князь Владимир, как можно предположить, был бы вполне удовлетворен положением регента при маленьком Дмитрии.

Загадкой летописи этих смутных дней является отсутствие какой-либо информации о роли митрополита Макария в этих событиях. Его имя даже не упоминается.

Бояре, желавшие, чтобы трон достался князю Владимиру Старицкому, говорили, что если царем станет мальчик Дмитрий, реально править Россией будут родственники его матери, Захарьины и Юрьевы.

Переходя на сторону князя Владимира, они ожидали сохранения прав княжеской аристократии в государственном совете, и их ожидания оправдались, когда Владимир стал царем.

¹²⁴ 124. ПСРЛ, 13, часть II, 523. Ср. С.И. Смирнов. Очерки, с. 266-267. Интерпретация Г. Вернадского.

¹²⁵ 125. Относительно семейных связей князя Владимира Старицкого с царем Иваном см.: Россия в средние века (генеалогическая таблица потомков Ивана III).

¹²⁶ 126. О болезни царя в марте 1553 г. и борьбе среди бояр по доводу престолонаследия см.: Карамзин, 8, 211-219; Карамзин. Примечания, 8, примечания 373-380; Соловьев, 6, 524-528; И.И. Смирнов. Очерки, с. 264-286, 483-485; Зимин. Реформы, с. 407-414; Andreev N. «Interpolation»; Андреев Н. «Об авторе приписок». Наиболее важный источник изучения событий марта 1553 г. – интерполяции Ивана Висковатого в летописи, ПСРЛ, 13, часть II, 522-526.

¹²⁷ 127. ПСРЛ, 13, часть II, 523. Интерпретация Г. Вернадского.

¹²⁸ 128. См.: И.И. Смирнов. Очерки, с. 276.

К этой группе бояр принадлежали (кроме князя Семена Лобанова-Ростовского) князь Петр Щенятев, князь Иван Турунтай-Пронский, князья Куракины, князь Петр Серебряный, князь Семен Микулинский, боярин Семен Морозов и множество других.¹²⁹ Они фактически были против самого царя Ивана, а не против царевича Дмитрия. Но аргументация, которую они использовали столь умело против Дмитрия – если он станет царем, действительными правителями будут Захарьины-Юрьевы – не могла не затронуть представителей боярства и знати, преданных царю Ивану.

Окольничий Федор Адашев (отец Алексея) заявил: *«Мы готовы целовать крест (дать клятву верности) тебе, государь и твоему сыну Дмитрию, но мы отказываемся служить Захарьиным».*

В действительности он подразумевал, что в случае смерти царя Ивана IV следует создать регентский совет, дабы воспрепятствовать захвату власти родом Захарьиных. Священник Сильвестр заявил, что князь Владимир Старицкий, бывший братом царя (фактически первым двоюродным братом), любит его больше, нежели бояре. Возможно, он предложил боярам сделать Владимира главой регентского совета.¹³⁰

В момент агонии царь отчаялся сохранить трон для своего малолетнего сына и умолял Захарьиных-Юрьевых и других верных ему бояр в случае его смерти бежать за рубеж с Дмитрием и его матерью и получить убежище, где это будет возможно. Очевидно, именно тогда в первый раз возможность побега за рубеж во имя безопасности возникла в сознании Ивана IV. В это время он думал о своем малолетнем сыне. Позднее он подумает о такой возможности для себя.

Не обещая ничего определенного о регентстве, Иван IV тем не менее заявил всем присутствующим: *«Я желаю, чтобы вы служили моему сыну Дмитрию, а не Захарьиным».* В конце концов большинство бояр дали клятву верности Дмитрию. Специальная форма клятвы верности потребовалась от князя Владимира Старицкого, и он дал ее, несмотря на возражения своей матери.¹³¹

Царское выздоровление остановило мятеж, по крайней мере внешне.

Согласно князю Семену Лобанову-Ростовскому, «когда Бог выказал милость к государю и даровал ему выздоровление, мы (заговорщики) согласились держать все дело в тайне», и они поэтому прекратили открытое сопротивление царю.¹³²

Сам князь Семен, однако, боялся, что слуги донесут на него властям и решил со своими родственниками бежать в Литву. В июле 1554 г. князь Семен послал сына Никиту к королю Польши (великому князю литовскому) Сигизмунду Августу сообщить о своем прибытии. На пути Никита был арестован *детьми боярскими*, находившимися на гарнизонной службе в Торопце, и доставлен к царю. Последний приказал арестовать и допросить Семена, Результатом стал смертный приговор князю Семену, вынесенный судом Боярской Думы, но благодаря вмешательству митрополита Макария и духовенства царь Иван IV заменил приговор ссылкой и заключением в Белоозере.¹³³

Царевич Дмитрий, чьи права на трон породили также противостояние в марте 1553 г., не был предназначен судьбой для долгой жизни. Согласно официальной хронике, он умер в июне того же года во время паломничества царя Ивана IV в Кириллов монастырь.¹³⁴ Согласно

¹²⁹ 129. ПСРЛ, 13, часть 1,238, No2.

¹³⁰ 130. Ср. Голохвастов и Леонид. «Сильвестр», с. 18-24.

¹³¹ 131. ПСРЛ, 13, часть II, 526; СГГД, 1, No167, с. 400-401; И.И. Смирнов. Очерки, с. 276-278; Зимин. Реформы, с. 412.

¹³² 132. ПСРЛ, 13, часть 1,238, No2. Интерпретация Г. Вернадского.

¹³³ 133. Там же, 237-238.

¹³⁴ 134. Там же, 232.

неофициальной версии, нянька Дмитрия по небрежности уронила его в реку Шексну, когда царские придворные пересаживались из одних лодок в другие.¹³⁵

Князь Курбский говорит, что именно глупость Ивана IV стала причиной смерти Дмитрия. Курбский, очевидно, подразумевает, что Иван IV поступил неразумно, взяв свою жену и малолетнего сына в длительное и сложное путешествие. Курбский рассказывает, что Максим Грек (которого Иван IV посетил в Троицком монастыре перед отправлением в Кириллов монастырь) старался отговорить Ивана IV от поездки и даже предрекал смерть Дмитрия в путешествии..¹³⁶

Стабильность наследования трона была вновь поставлена под удар до той поры, пока царица Анастасия не родила своего второго сына, царевича Ивана, 28 марта 1554 г. Двадцать семь лет спустя Иван в порыве гнева убьет этого царевича.

II

Завоевание Казани открыло русским среднее течение Волги. Ускоряя свое наступление на юг, они достигли Астрахани, которую завоевали в 1556 г. Таким образом они открыли путь к Каспийскому морю, который оказался весьма важным для России как стратегически, так и коммерчески.

Менее чем через год после победы над Казанью, в Северной России, у побережья Белого моря, открылся арктический путь международной торговли между Россией и Западом.

24 августа 1553 г.¹³⁷ английский корабль «Эдуард Благое Предприятие» под командованием капитана Ричарда Ченслера, бросил якорь в устье Северной Двины близ монастыря св. Николая. Ближайший город Холмогоры был расположен вверх по течению реки Двины.

Англичане оказались у русских берегов случайно. «Эдуард Благое Предприятие» был одним из кораблей флотилии, состоявшей из трех судов, посланных для исследования арктического пути к Дальнему Востоку с конечной целью обнаружения нового торгового пути к Китаю. Два корабля погибли от сильного штормового ветра, и лишь корабль Ченслера достиг устья Двины.

Ко времени экспедиции англичане имели лишь туманные представления о самом существовании России. «Страна все еще оставалась почти полностью за ментальным горизонтом даже наиболее образованных англичан».¹³⁸ Как Ченслер позднее говорил Клементу Адамсу, лишь только после того, как он и его люди спустились на берег и вступили в контакт немногими встреченными ими обитателями тех мест (которые были сперва испуганы появлением иностранного корабля), они узнали, что страна эта называется Россией, или Московией, и что правит и вершит дела всюду в этих местах Иван IV Васильевич.¹³⁹

Холмогорские власти немедленно послали гонцов в Москву, чтобы проинформировать правительство о прибытии англичан. Ченслер был приглашен в Москву. Он покинул Холмогоры 23 ноября и проехал на санях через Вологду и Ярославль. Он был под большим впечатлением от этого длительного путешествия.

"Москва находится в двухстах милях от Ярославля. Местность между ними тесно заполнена малыми деревнями, в которых так много людей, что удивительно видеть их: земля обильно родит зерно, которое они везут в Москву в таком количестве, что это приводит видя-

---

¹³⁵ 135. Веселовский. Исследования по истории опричнины, с.482.

¹³⁶ 136. Fennell. History, pp. 80-81.

¹³⁷ 137. Дата приводится Толстым в книге «Россия и Англия», с. 111. Ср.: Lubimenko. Relations, p. 24.

¹³⁸ 138. Anderson. Britans Discovery of Russia, p.3.

¹³⁹ 139. Hakluyt, 1, 275.

щего в удивление. Вы встретите утром семь или восемь сотен саней, идущих туда и оттуда, некоторые из которых везут зерно, другое – рыбу.

Сама Москва великолепна: я полагаю, что город в целом больше, чем Лондон с его пригородами; но он очень неотделан и расположен совершенно беспорядочно. Их дома все сделаны из дерева, очень опасного для огня. Там стоит прекрасный Замок (Кремль), стены которого сделаны из кирпича и очень высоки".¹⁴⁰

Ченслер был принят на аудиенции царем Иваном IV и приглашен на торжественный обед: «Его (царский) прием был с беспорядочным застольем, и все же это был богатый прием: все подавалось на золоте, не только сам царь, но и все мы обслуживались так, и все было очень массивным: бокалы были золотые и очень тяжелые. Число обедавших там в этот день было двести человек, и все обслуживались на позолоченной посуде».¹⁴¹

До появления англичан москвиты получали западные товары через Балтийское море. С раннего средневековья русские обладали устьем Невы, но не имели там порта. В Великий Новгород надо было добираться по речным путям. Ганзейская лига устроила собственную факторию (по-немецки – *hof*, а по-русски – двор) в Новгороде. В попытке сломать торговую монополию Ганзейского союза Иван III закрыл двор в 1494 г. Двумя годами раньше он приказал построить на восточном берегу реки Нарвы новую русскую крепость, названную Ивангород, ближе к устью и напротив немецкого города Нарвы, но большинство торговых судов, курсировавших по Балтийскому морю, продолжали использовать Нарву как порт, поскольку ее портовые сооружения были лучше, нежели в Ивангороде.¹⁴² Таким образом, торговые отношения между Западом (Данией, Голландией, Францией) и Московией были возможны только через Нарву и иные ливонские порты.

Но Москва была заинтересована не только в торговле с Западом. Московское правительство нуждалось в западных технических специалистах всех типов – инженерах, мастерах горного дела, врачах, архитекторах, ювелирах и т.д. В 1547 г. немецкий искатель приключений Ганс Шлитте предложил юному царю Ивану IV и его советникам свои услуги в области поиска на царскую службу немецких специалистов различного профиля.

В конечном итоге ему удалось нанять 123 технических специалиста и привезти их в Любек, откуда они должны были отправиться в Московию. Когда это стало известно, Ганзейская лига, равно как и власти ливонского города Ревеля, потребовали от властей Любека запрета на отправку технических специалистов в Москву. Основанием подобного требования был страх, что распространение технического знания в России, равно как и импорт военного снаряжения, усилит царство в экономическом и военном отношении до такого предела, что это нанесет ущерб Ливонии. Найдя подходящий повод, любекские власти арестовали Шлитте. Нанятые им люди, оставленные без денег и получившие отказ в транспортировке в Москву, разошлись.

Шлитте удалось бежать из любекской тюрьмы и начать вновь свои попытки выполнить поручение царя. Тут забеспокоилось польское правительство и послало в 1553 г. специальных посланников к императору и папе, предупреждая их против какого-либо сближения с Москвой. Планы Шлитте полностью провалились.¹⁴³

Интересно отметить, что при посещении Ричардом Ченслером Москвы он очевидно слышал от встреченных им ливонцев и поляков опасения относительно военной опасности, которую «цивилизованная» Россия могла бы представлять для своих западных соседей.

¹⁴⁰ 140. Id., 255.

¹⁴¹ 141. Id., 257.

¹⁴² 142. Россия в средние века.

¹⁴³ 143. Платонов, Москва и Запад, с. 9-11.

В своем отчете Ченслер говорит о московитских солдатах: «Они – люди, неупорядоченные в поле», но в то же время высоко оценивает их стойкость во время кампаний. «Я спрашиваю вас, наш, хвастливые воины, сколь многих из вас мы найдем способными выдержать натиск их (русских) в поле более одного месяца... Что можно было бы сделать из этих людей, если бы они были натренированы и имели представление о порядке и знании гражданских войн? Если бы этот князь (царь) имел в своих пределах таких людей, которые понимали упомянутые вещи, то я полагаю, что два лучших великих князя в христианском мире не могли бы с ним сравниться по объему власти и стойкости своих людей»¹⁴⁴

Англичане, находившиеся далеко от России, не имели причин как-либо ограничивать контакты с Московией. Они оказались готовыми не только торговать с Россией, но и разрешили своим техническим специалистам направиться в Россию, когда русские попросили об этом.

Для русских появление англичан означало прорыв потенциальной западной блокады на Балтике. Обе стороны, таким образом, были удовлетворены началом их отношений.

Когда Ченслер возвратился в Англию в 1554 г., король Эдуард уже умер, и Ченслер должен был представить свой отчет наследнице, королеве Марии (Кротовой Марии).

Для торговли с Россией была организована Московская компания (также известная как Русская компания), для чего в 1555 г. была получена грамота от королевы Марии. Ченслер был послан назад в Москву с двумя специальными агентами компании, Ричардом Греем и Георгом Киллингвортом.

Они были радушно приняты царем, после чего дьяк Иван Висковатый и представители московских купцов обсудили с ними условия первого русско-английского торгового соглашения. В результате этого обсуждения царь издал грамоту для английско-московской компании. Грамота содержала важные привилегии для англичан: беспошлинные торговые сделки, специальную юрисдикцию для англичан, живущих в России и право разрешения юридических трудностей между собой.¹⁴⁵

Когда Ченслер отплыл назад в Англию в 1556 г., он взял с собой царского посланника Осипа Непею (первого русского посла в Англию). Ченслер утонул, когда корабль был разрушен штормом близ Шетландских островов. Непея был спасен и после многих невзгод прибыл в Англию. Он был с энтузиазмом встречен в Лондоне 28 февраля 1557 г.¹⁴⁶

Непея получил от королевы Марии для русских купцов привилегию беспошлинно торговать в Англии, равно как и разрешение нанимать на царскую службу технических специалистов и ремесленников разного типа. Эта привилегия в действительности была бесполезна, поскольку русские в это время не имели судов морского класса, способных плыть в Англию. Но разрешение нанимать технических специалистов немедленно использовалось самим Непеей. Когда он вернулся в Москву, то взял с собой доктора, аптекаря и многих специалистов технического профиля.

Непея возвратился в Россию с новым представителем Московской компании, энергичным Энтони Дженкинсоном, на одном из судов флотилии из четырех кораблей.¹⁴⁷ Путешествие началось 12 мая 1557 г. Дженкинсон был проинструктирован прояснить с московскими властями все пункты, которые не были достаточно оговорены в торговом отношении и в особенности найти торговый путь из Московии на Восток. Все четыре корабля благополучно прибыли в Белое море и бросили якорь в заливе у монастыря св. Николая 12 июля 1557 г. Непея и нанятые им англичане отправились в Москву 20 июля и прибыли туда 12 сентября.

---

¹⁴⁴ 144. Hakluyt, 1, 259-260.

¹⁴⁵ 145. СГГД, 5, No113,134-136 (русский текст); Hakluyt, 1,313-319; Карамзин, 8,243-244; Соловьев, 6,521-522; Очерки, 271-272.

¹⁴⁶ 146. Anderson. Britans Discovery of Russia, p.1

¹⁴⁷ 147. Hakluyt, 1,408-409.

Дженкинсон ждал в Холмогорах около месяца, затем исследовал алебастровые скалы и провел более месяца в Вологде, собирая информацию для компании. Он прибыл в Москву 6 декабря и представил свои полномочия «секретарю» (предположительно, Ивану Висковатому).

На Рождество Дженкинсон был принят на аудиенции царем и затем приглашен на обед. Дженкинсон был опытным путешественником и географом, хорошо образованным и наблюдательным человеком, наделенным большими способностями к торговым и дипломатическим переговорам. Парю он понравился и получил разрешение двинуться по Волге к Астрахани, а оттуда, на свой страх и риск, – к Бухаре.

Он начал свое путешествие в 1558 г. и сумел достичь Бухары, где он провел зиму 1558-1559 гг. Из Бухары Дженкинсон планировал направиться по суше в Китай, но постоянные неурядицы, войны и грабежи в Центральной Азии в это время заставили его отказаться от своих планов и возвратиться в Москву, а затем и в Англию. Он появился в Москве вновь в 1561 г. и на сей раз испросил царского разрешения отправиться в Персию. Там он провел зиму 1562-1563 гг. и благополучно возвратился в Москву позднее в том же году.¹⁴⁸

Мятеж среди бояр во время болезни Ивана IV в марте 1553 г. должен был оставить у царя горькие впечатления. Группа бояр открыто поддержала в качестве кандидата на трон князя Владимира Старицкого против сына Ивана IV Дмитрия. Лидеры ближней рады, священник Сильвестр и Адашев, не возражали против кандидатуры Дмитрия как таковой, но хотели гарантий против захвата власти (в случае коронации Дмитрия царем) родственниками царицы Анастасии, Захарьиными-Юрьевыми. Последние были в состоянии смятения. Ивану IV могло показаться, что именно дьяк Иван Висковатый спас положение.

В результате этих мартовских событий недоверие к Адашеву и Сильвестру и подозрения против них захлестнули Ивана IV, хотя в действительности не было оснований для обвинения их в неверности. В своем письме Курбскому Иван IV писал, что в течение его болезни Сильвестр и Адашев *«хотели возвести на трон князя Владимира»* и что они и их последователи (включая Курбского) желали извести Ивана и его детей.¹⁴⁹ На это обвинение Курбский ответил, что он даже не думал возвести Владимира Старицкого на трон, *«ибо он этого и не стоил»*.¹⁵⁰

Недоверие Ивана к Сильвестру и Адашеву еще более усилил монах Вассиан Топорков, который жил в Песношском монастыре на реке Яхроме к северу от Дмитрова и кого Иван IV посетил на пути в Кириллов монастырь. Вассиан был стойким иосифлянином и горячим сторонником митрополита Даниила. В 1525 г. Вассиан был рукоположен в сан епископа Коломенского. Он ушел на покой, или скорее был отправлен на покой, в 1542 г., когда Макарий был избран митрополитом.

Мы поэтому можем представить, что визит Ивана к Вассиану возмутил не только Сильвестра и Адашева, но и Макария. Согласно Курбскому, Вассиан сказал Ивану: *«Если ты желаешь быть самодержцем, никогда не держи при себе ни одного советника мудрее тебя»*.¹⁵¹ Совет Вассиана со всей очевидностью был направлен против Сильвестра и Адашева и, возможно, также против митрополита Макария.

Какое-то время Иван IV должен был подавлять (по крайней мере внешне) своенедоверие к Адашеву, поскольку отставка последнего дезорганизовала бы нормальную работу правительства в критическое время восстания в бывшем Казанском ханстве, разброда среди ногайцев и подготовки похода на Астрахань.

Хотя Висковатый должен был сотрудничать с Адашевым в государственных делах и не мог не ценить его таланты государственного деятеля, он не любил священника Сильвестра и

¹⁴⁸ 148. Платонов. Москва и Запад, с. 5-16.

¹⁴⁹ 149. Fennell. Correspondence, pp.94-95 and 192-193. Феннел переводит «известить» как «отстранить».

¹⁵⁰ 150. Id., pp. 222-223.

¹⁵¹ 151. Fennell. History, pp. 82-83.

рассматривал его вмешательство в церковные и государственные дела как большое зло, Висковатый ждал первой возможности дискредитировать Сильвестра. Кажется, что царь Иван IV тайно поддержал оппозицию дьяка священнику.

Возможность бросить тень подозрения на ортодоксальность Сильвестра в религиозных делах уже назревала. По словам летописца, «*подымалась ересь и смущение среди людей и произносились неподобающие слова о Божестве*». ¹⁵²

Религиозное брожение 1550-х гг. продолжало традиции споров конца XV и начала XVI веков, порожденные подъемом антиортодоксальных и частично в целом антихристианских доктрин, комплекс которых в это время был назван Иосифом Саниным и иосифлянами «ересью жидовствующих».

Кажется вероятным, что собственно жидовствующие были под влиянием литовских караимов. Иные еретики представляли реформистские направления в церкви и были схожи с протестантизмом и социнианством (антитринитарной доктриной) на Западе. ¹⁵³

Внутри русской православной церкви в этот период существовало два направления: одно акцентировало социальную и политическую роль церкви, а также четкое соблюдение церковных ритуалов (иосифляне); другое может быть названо духовным и мистическим, ибо его последователи ценили медитацию и молитву более ритуала церковных служб (Нил Майков и другие *заволжские старцы*). ¹⁵⁴

Иосифляне противились любой попытке государства секуляризировать церковные и монастырские земельные владения. Заволжские старцы порицали владение землей монастырями на религиозной и моральной основе. Вследствие этого, они были известны как *нестяжатели*. В этом случае они придерживались того же мнения, что и жидовствующие, а также иные еретики.

Поэтому Иван III, который для обеспечения дворянской армии владениями нуждался в земельном фонде, был благорасположен по отношению к еретикам и заволжским старцам.

Иосиф и его последователи продолжали требовать последовательного наказания еретиков. Заволжские старцы, напротив, были убеждены, что убеждение, а не наказание, является верной дорогой борьбы с ересями.

Иосифляне были в большинстве. Церковный Собор 1503 г. отверг рекомендации Нила по секуляризации монастырских земельных владений. В следующем году еретики были осуждены еще одним церковным собором, и некоторые из их предводителей были казнены в Москве и Новгороде. ¹⁵⁵ Однако ересь не могла быть искоренена, а голос последователей Нила Майкова полностью заглушен.

Возрождение религиозного несогласия было частью общего интеллектуального и духовного брожения в России в 1550-х гг. В особенности оно было связано с сессиями Стоглавого собора 1551 г., на котором обсуждались недостатки в практике церкви, а также необходимость повышения интеллектуального и морального уровня духовенства.

Церковным Собором 1553-1555 гг. были выдвинуты обвинения против трех выдающихся религиозных лидеров: сына боярского (дворянина) Матвея Башкина; бывшего холопа Феодосия Косого и монаха Артемия. Первые два были, с точки зрения православной церкви, несомненно, еретиками. Третий был православным, но следовал традиционному духовному христианству заволжских старцев и поэтому вызывал подозрения у истинных иосифлян. Тот факт,

¹⁵² 152. ПСРЛ, 13. часть 1, 232. Интерпретация Г. Вернадского.

¹⁵³ 153. Об этих религиозных движениях в России конца XV и начала XVI вв. см.: Vernadsky. The Heresy of Judaizers; Россия в средние века, General Index, s.v. Heresy of Judaizers; Казакова Н.А., Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси; Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике; Клибанов.

¹⁵⁴ 154. О Ниле Майкове (Сорском) (около 1433-1508 гг.) см.: Флоровский. Пути русского богословия, с. 20-22; Fedotov. Treasury, с. 84-136.

¹⁵⁵ 155. Россия в средние века.

что Артемий знал обоих, Башкина и Косого, лично, делал сбор ложных свидетельств против него более простым для обвинителей.

Артемий, псковитянин, был (с 1536 г.) монахом Порфирьевой пустыни в районе Белого Озера. Он внимательно изучал сочинения Нила Майкова и стал его горячим последователем. Подобно Нилу, Артемий ценил духовное значение молитвы и медитаций. Как и Нил, Артемий был против владения монастырями землей и преследования и наказания еретиков.¹⁵⁶ Вскоре личность и идеи Артемия вызвали значительный интерес в среде монахов и иных религиозно настроенных людей Белоозерского края. Постепенно вокруг него вырос кружок учеников. Одним из них был Феодосий Косой.

О происхождении Феодосия существует скудная и не совсем надежная информация, исходящая от новгородского монаха Зиновия Отенского (Отнея пустынь) в его полемическом трактате об еретических взглядах Феодосия, носящем название «Истинное показание».¹⁵⁷

Этот трактат (написанный в 1566 и 1567 гг.) возник из бесед Зиновия с тремя членами церковного хора (клирошане) из Спасского монастыря в Старой Русе, два из них были монахами и один иконописцем. Они хотели знать мнение Зиновия о доктрине Феодосия, которая стала популярной среди людей Старой Русы. Они пришли к Зиновию с памяткой о Феодосии и его делах, подготовленной последователями Феодосия, от которых они узнали некоторые детали его жизни и сообщили их Зиновию. Они не приняли сразу все аргументы Зиновия против ереси Феодосия и в некоторых случаях повторяли аргументы последователей Феодосия. Они хотели не только убедиться при помощи Зиновия, что Феодосий был еретиком, но и желали знать, как парировать аргументацию последователей Феодосия.

Согласно информации, собранной Зиновием в этих беседах, Феодосий был уроженцем Москвы, холопом важного придворного. Он ненавидел свое положение, подобно некоторым из своих друзей – холопов других хозяев, и в конце концов многие из них решили бежать.

По словам собеседников Зиновия, Феодосий "получил свободу благодаря своей стойкости и уму: он тайно взял (своего) коня и вещи и убежал от своего хозяина на Белоозеро, где принял постриг". (Так же поступили и его спутники). Зиновий отвечал, что в этом случае Феодосий оказался вором, который украл собственность своего хозяина и как холоп виновен в побеге от господина.¹⁵⁸ В ответ на это собеседники Зиновия указали, что Феодосий не может быть назван вором в любом случае, ибо конь и вещи, взятые им с собой, принадлежали ему, а не его хозяину.¹⁵⁹ Зиновий повторил свое прежнее утверждение, что все, что может иметь холоп, принадлежит юридически его господину. В действительности, согласно древнерусскому законодательству, лишь одежда и личные вещи, известные по римскому законодательству как *rescuium*, принадлежали ему. Фактически, однако, многие холопы в Киевской Руси, также как и в Московии, обладали собственностью и входили в отношения обязательства, но каждый раз это было от имени их владельца.¹⁶⁰

Поскольку Феодосий имел коня и был грамотен, он мог считать себя не обычным холопом, а, так сказать, человеком более высокого класса. Подобные холопы часто пользовались доверием своих хозяев. Очевидно, что так дело и было в случае Феодосия.

Когда Феодосий и его спутники прибыли в Белоозеро (предположительно около 1548 г.), они стали монахами различных монастырей. Феодосий был принят в ските Артемия. Зиновий

¹⁵⁶ 156. Об Артемии см.: Голубинский. История Русской церкви, 2, часть 1, 832-837; Вилинский. Послания старца. Артемия; Флоровский. Пути, с. 31-32; Зимин. Пересветов, с. 153-168.

¹⁵⁷ 157. Зиновий (Отенский). Истины показание. Казань, 1863; Калугин. Зиновий, инок Отенский. Ст. Петербург, 1894. Cf. Россия в средние века.

¹⁵⁸ 158. Зиновий. Истины показание, с. 27-28. Интерпретация Зиновием этого эпизода была принята и повторена в XIX в. Н. Рудневым и митрополитом Макарием См.: Руднев. Рассуждение, с. 127; Макарий. История русской церкви, 6, 274.

¹⁵⁹ 159. Зиновий. Истины показание, с. 29.

¹⁶⁰ 160. Владимирский-Буданов. Обзор, с. 403-405; Сергеевич. Древности, 1, 126-140; Киевская Русь.

узнал от монахов из Старой Русы, что бывший хозяин Феодосия помог ему, когда он принял постриг. Более того, собеседники рассказали Зиновию, что Феодосий к тому времени был уже свободным человеком.¹⁶¹

Получается, что Феодосий покинул своего хозяина с его согласия. Очевидно, его бывший господин разделял взгляды, высказываемые священником Сильвестром и многими русскими того времени, полагавшими рабство несовместимым с христианской этикой.

Что же касается взаимосвязи с Артемием в Порфирьевой пустыни, то Феодосий едва ли оценил мистическое учение Артемия. Феодосий нашел равнодушное отношение Артемия к церковному ритуалу службы более созвучным своему пониманию. Он также одобрял возражения Артемия против монастырского землевладения и позднее развил эти аспекты учения Артемия так, что его собственная доктрина теснее приблизилась к социнианству (антитринитариянству).

III

Вскоре критика Артемием права монастырей обладать земельными угодьями стала известна в Москве. Как нам известно, царь Иван IV, Адашев и Сильвестр поддерживали идею секуляризации церковных и монастырских земель. Поэтому понятно, что они решили перевести Артемия как сторонника своих воззрений ближе к Москве.

Для этого было решено, хотя Стоглавый Собор все еще работал, предложить Артемию должность игумена Троице-Сергиева монастыря.¹⁶² Он был вызван в Москву и временно помещен в Чудов монастырь в Кремле. Царь Иван IV санкционировал беседу Сильвестра с Артемием и пожелал знать его мнение. Другой священник Благовещенского собора, Симеон (псковитянин, подобно Артемию) поддержал мнение Сильвестра. Затем ему был предложен пост настоятеля Троицкого монастыря.

Артемий нехотя принял предложение. Задача управления таким большим монастырем, как Троицкий, ему не импонировала. Кроме того, он знал, что среди монахов Троицкого монастыря были явные иосифляне, и что он мог ожидать с их стороны оппозиции и интриг. С другой стороны, бывший митрополит Иоасаф, который после своего ухода на покой жил в Троицком монастыре, был человеком, близким Артемию по духу. Кроме того, Артемий получил от царя Ивана IV разрешение привезти в Троицкий монастырь Максима Грека, который до этого был заключен в Отроч монастырь в Твери.

Опасения Артемия относительно иосифлянских интриг против него оказались верны.¹⁶³ В результате он пробыл в Троицком монастыре немногим более полугода и затем возвратился в Порфирьеву пустынь, не дождавшись формального освобождения от своих обязанностей, чем очень обидел царя.

Во время своего пребывания в Москве и в Троицком монастыре Артемий познакомился с Матвеем Башкиным, по позднее едва не повредило ему, когда Башкин был обвинен в ереси.

Матвей Семенович Башкин принадлежал к семье детей боярских, которая несколько выдвинулась в 1647 г. В 1550 г. Матвей был включен в списки избранной тысячи.

Как многие другие русские этого периода Башкин был за социальные реформы и возражал против института холопства, который он рассматривал как несовместимый с учением Христа и апостолов. Он освободил всех своих холопов.¹⁶⁴

---

¹⁶¹ 161. Зиновий. Истины показание, с. 26.

¹⁶² 162. См.: Жданов. Сочинения, 1, 189-191; Голубинский. История русской церкви, 2, часть I, 832-833; Вишши.с.каИ. Послания старца Арсения, с. 44-45; Зимин. Пересветов, с. 155-156.

¹⁶³ 163. Fennell. History, pp. 268-269; Вилинский, с. 52-59.

¹⁶⁴ 164. ААЭ, 1, No238 (документ IV), 249; Зимин. Пересветов, с. 182; Клибанов, с. 265.

Постепенно в процессе изучения Евангелия и посланий апостолов Башкин начал сомневаться в истине некоторых догм православной церкви. Он обсуждал это с некоторыми литовцами, жившими в Москве. Следует напомнить, что это был период быстрого распространения кальвинизма в Литве и Белоруссии.¹⁶⁵

Многие товарищи Башкина, некоторые дети боярские, подобные ему, были заинтересованы его идеями, и вскоре он оказался предводителем группы последователей.

До тех пор, пока он разъяснял свои взгляды на христианскую социальную этику, многие влиятельные люди, включая священника Сильвестра и исповедника Башкина священника Симеона, симпатизировали ему. Однако, когда Башкин признался в своих сомнениях Симеону, последний почувствовал ересь и сообщил об этом Сильвестру. Сильвестр после консультаций с Адашевым почел за свой долг доложить об этом царю Ивану IV. Царь приказал провести расследование (июнь 1553 г.). Расследование было поручено двум монахам – Герману Полеву, настоятелю Успенского монастыря в Старице, и Герасиму Ленкову, монаху Волоколамского монастыря. Они обнаружили достаточные основания для обвинения Башкина в ереси. Однако Башкин опроверг некоторые из их обвинений; например, он настаивал, что не является антитринитарием.¹⁶⁶

Когда расследование было завершено, в октябре 1553 г. для суда над Башкиным был созван церковный Собор. Председательствовал митрополит Макарий. Царь и бояре, а также духовенство присутствовали на заседаниях. Среди епископов, бывших членами Собора, лишь один – Кассиан Рязанский – симпатизировал взглядам заволжских старцев.

Дьяк Иван Висковатый решил, что появился шанс расправиться с Сильвестром. На заседании собора 25 октября он обвинил Сильвестра, Артемия и священника Симеона в сообщничестве с Башкиным. Он сделал упор на то, что новые иконы в Благовещенском соборе, выполненные под присмотром Симеона, не были ортодоксальными и отражали идеи Башкина, которые последний предположительно передал Сильвестру через Артемия. В ноябре Висковатый детально повторил свои обвинения в записке, адресованной митрополиту Макарию.

В результате вмешательства Висковатого Артемий был вызван в Москву для очной ставки с Башкиным, и затем сам был обвинен в ереси.

С другой стороны, обвинения Висковатого в адрес Сильвестра по поводу икон имели обратное действие. Сильвестр объяснил, что действовал по приказу царя и митрополита Макария и настаивал, что иконы были написаны в православной манере. Макарий зло ответил Висковатому: «Ты начал с выступления против еретиков и теперь обратился к ложному философствованию о иконах. Опасайся быть пойманным сам как еретик». И, разумеется, собор решил расследовать взгляды Висковатого на иконы, и он оказался в положении защищающегося.¹⁶⁷

Новые иконы, вызвавшие возмущение Висковатого, были написаны для Благовещенского собора после гибели старых при пожаре 1547 г. В этом пожаре также был уничтожен царский дворец, и для так называемой золотой палаты дворца была выполнена новая стенная живопись.

По сути Висковатый был прав в своем утверждении, что многие новые иконы отличались от традиционных. Эти новые иконы, равно как и картины для стен, были символичны и аллегоричны. Они были написаны псковскими и новгородскими мастерами, которые во многих

¹⁶⁵ 165. Russia of Dawn, pp. 273-278.

¹⁶⁶ 166. Относительно религиозных идеалов Башкина и суда над ним см.: Соловьев, 7.99-103; Костомаров. Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке. Собрание сочинений, книга 1, 1, 240-248; Голубинский. История русской церкви, 2, часть 1, 821-825; Зимин. Пересветов, с. 168-182; Клибанов, с. 265-266.

¹⁶⁷ 167. Основные документы дела Висковатого см.: ААЭ, 1, No 238 (документы 1-11), 241-246; Чтения, 1843, 3, часть II, 3-23; 1858, 2, часть III, 1-42; Соловьев, 7.98-99; Голубинский. История русской церкви, 2, часть 1841-845; Андреев. О деле дьяка Висковатого; Зимин. Пересветов, с. 178-179.

случаях находились под влиянием западных стереотипов, которые они как-то адаптировали к традиционному русскому стилю.¹⁶⁸

Сильвестр как новгородец и Макарий, бывший архиепископом Новгорода в течение шестнадцати лет (1526-1542 гг.), привыкли к работам псковских и новгородских иконописцев и не рассматривали их как отклонение от древних традиций. Они ошибочно полагали, что по крайней мере некоторые из этих икон следовали древневизантийским канонам.

В целом Висковатый оказался лучшим знатоком икон, но некоторые он оценил не совсем верно, что позволило Макарию напасть и на него. Кроме того, Макарий не стерпел сам факт вмешательства мирянина в религиозные дела. Собор наказал Висковатого трехлетним покаянием.

Одновременно шел суд над теми, кто был обвинен в ереси. Рязанский епископ Кассиан – единственный среди всех членов Собора защищал некоторых обвиняемых и резко критиковал рекомендацию покойного Иосифа Санина безжалостно казнить еретиков. Эта тема была эмоционально столь близка сердцу Кассиана, что в ходе выступления на собрании Собора его поразили инсульт. Он выжил, но стал беспомощным и вынужден был уйти с епископской кафедры и удалиться в монастырь.¹⁶⁹

Собор счел Башкина виновным в ереси и приговорил его к пожизненному заключению. Он был заточен в Волоколамский монастырь.

В 1554 г. Феодосий Косой был арестован и доставлен в Москву для расследования, в течение которого он содержался под надзором в одном из московских монастырей. Возможно, что некоторые из членов его стражи были его тайными последователями. Как бы то ни было, ему удалось скрыться и бежать в Западную Русь.¹⁷⁰

Артемий также был признан еретиком и выслан в Соловецкий монастырь, где должен был содержаться до покаяния в одиночной камере (январь 1554 г.). Вскоре, однако, и Артемий сбежал в Западную Русь. Может статься, что некоторые соловецкие монахи, считавшие суд над Артемием тенденциозным и несправедливым, помогли ему бежать.

В Западной Руси ортодоксальность веры Артемия вопросов не вызывала, и он играл важную роль в православном возрождении этих краев.¹⁷¹

Дебаты на церковном Соборе 1553-1554 гг. дали импульс печатному делу в Москве. Как было упомянуто, необходимость учреждения типографии должны были ясно понимать как митрополит Макарий, так и Сильвестр во время Стоглавого собора 1551 г. Решение этого Собора откорректировать церковные руководства и религиозные книги (в то время еще в рукописях) едва ли было выполнимо без использования печати в целях избежания дальнейших ошибок копиистов.

Необходимость корректировки текстов вновь стала очевидной на заседании церковного Собора 1553 г., когда, например, Висковатым делались ссылки на некоторые рукописи, рассматриваемые Макарием в качестве ненадежных.

В результате в тот же год царь, по совету Макария, приказал начать печатать книги в Москве. В качестве эксперимента была основана маленькая типография, предположительно в

¹⁶⁸ 168. Андреев. О деле дьяка Висковатого, с. 219-241; Флоровский. Пути, с. 26-28; П. Муратов. Русская живопись до середины XVII века. Грабарь. История русского искусства, 1-е изд., 6, 319-322; Грабарь, 2-е изд., 3 (1955), 565-570 и 578-582 (влияние западных канонов на новые иконы в Благовещенском соборе не упоминается во втором издании Грабаря).

¹⁶⁹ 169. Чтения, 1847,3, часть II,1.

¹⁷⁰ 170. Об идеях Феодосия Косого, а также о расследовании его дела и побеге см.: Калугин. Зиновий Отенский, с. 1-90; Голубинский. История русской церкви, 2, часть 1,825-1. 830; Зимин. Пересветов, с. 182-214; Клибанов, с. 266-272. О деятельности Феодосия в Западной Руси см.: Россия в средние века.

¹⁷¹ 171. см.: Россия в средние века.

церкви св. Николая в Кремле. Очевидно, что дьякон этой церкви, будущий знаменитый печатник Иван Федоров, и работал на первом печатном станке.¹⁷²

IV

Другим стимулом основания печатного дела в Москве было постоянное строительство в царстве новых церквей и монастырей, в особенности после завоевания Казани в 1552 г. в районе Средней Волги. Все большее и большее количество церковных руководств и религиозных книг было необходимо духовенству и для ведения служб в новых регионах.

Идея православного царства предполагала тесную связь между церковью и государством. Поэтому любое расширение государства сопровождалось соответствующим расширением церкви. Одним из первых деяний царя Ивана IV и его советников после завоевания Казани было основание там православного собора.

Дальнейшее развитие церковных институтов в бывшем Казанском ханстве было, однако, задержано восстанием марийцев (черемисов) и удмуртов (вотяков). Восстание направлялось некоторыми из тех казанских татар, которым удалось избежать смерти или плена в последних сражениях за Казань в 1552 г., и марийскими и удмуртскими старейшинами.

Первые попытки русских в 1553 г. подавить восстание закончились неудачей, и восставшие даже на время проникли на нагорный (правый) берег Волги.

Борьба продолжалась в 1554 и 1555 гг. И только тогда русские под предводительством князя Петра Ивановича Шуйского сломали хребет сопротивлению черемисов. К 1557 г. восставшие должны были признать русское правление.¹⁷³

Несмотря на трудные условия, созданные восстанием мари, русские не прекратили свое наступление вниз по Волге до Каспийского моря. Астраханское ханство было более слабым, нежели Казанское. Как ногайские, так и крымские татары привыкли вмешиваться в астраханские дела.

Один из двоих братьев, которые тогда были ведущими ногайскими князьями, Юсуф, поддерживал хана Ямгурчей, выдвиженца крымских татар в качестве кандидата на астраханский трон. Другой, князь Исмаил, поддерживал Дервиша-Али, который был дружен с Москвой и получил за свои услуги царю бенефиций в Московии.¹⁷⁴

В 1553 г. посланцы Исмаила прибыли в Москву для обсуждения политической ситуации в Астрахани. Царь Иван IV поручил вести переговоры Алексею Адашеву и дьяку Ивану Висковатому.¹⁷⁵ Было решено послать войска в Астрахань для изгнания Ямгурчей и возведения на ханский трон Дервиша-Али.

Экспедиция состоялась летом 1554 г. и была успешной. Ногайцы Исмаила сотрудничали с русскими. Ямгурчей бежал в Крым. Астрахань сдалась 2 июля. Дервиш-Али был признан в качестве вассала царя Ивана IV; он согласился платить дань и разрешить русским ловить беспошлинно рыбу по всему течению Волги. П. Тургенев был назначен русским представителем при дворе Дервиш-Али.

В 1555 г. разразилась братоубийственная война между Исмаилом и Юсуфом. Последний был убит, а его сын бежал в Крым. Турецкий султан и крымский хан решили поддержать Ямгурчей, а также сыновей Юсуфа и тех ногайских князей, которые были с ними. Экспедици-

¹⁷² 172. Тихомиров, ред. У истоков русского книгопечатания, с. 11-28, 32-33; R. Jakobson. Ivan Fedorov Primer of 1574. Cambridge, 1955 (Reprinted from Harvard Library Bulletin, IX, 1).

¹⁷³ 173. Nolde, 1, 37-40; Fennell. History, pp. 90-95. ПСРЛ, 13, часть 1, 230-231, 238-239, 246-247, 269-270, 281-282; Соловьев, 6, 477-480; Очерки, 3, 668.

¹⁷⁴ 174. Об этом и дальнейших событиях см.: ПСРЛ, 13, часть 1, 228, 235, 274-275; Соловьев, 6, 480-487; Ischboldin. Essays on Tatar History, pp. 93-98; Очерки, 3, 365-366.

¹⁷⁵ 175. ПСРЛ, 13, часть 1, 235.

онный корпус крымских татар и турецких янычар напал на Астрахань, но был отброшен Дервишем-Али с помощью русских казаков и ногайцев Исмаила.

Однако Дервиш-Али перебежал на крымскую сторону. Затем московское правительство отправило в Астрахань войска стрельцов казаков. В этот момент сыновья Юсуфа заключили мир со своим дядей Исмаилом, и вместе они организовали погоню за Дервишем-Али, бежавшим в Азов. Астраханцы поклялись в верности царю Ивану IV. Астрахань была присоединена к России (1556 г.).

Русское завоевание Казани и Астрахани сильно подействовало на татар и иные племена к востоку от Волги и на Северном Кавказе. В 1555 г. хан Тюмени Ядигар отправил своих послов к царю Ивану IV, чтобы поздравить его с успехами и просить царя принять Сибирь под свою защиту.

В том же году в Москву прибыли несколько кабардинских князей – просить царской помощи против турецкого султана и крымского хана. Двумя годами позже два кабардинских князя, Темрюк и Тизрют, появились в Москве, предлагая услуги на царской службе и прося защиты от шамхала (князя) Тарки, который правил горной территорией, прилегающей к восточному берегу Каспийского моря на север от Дербента. Характерно, что шамхал в свою очередь отправил в Москву послов, чтобы заключить союз против кабардинцев.¹⁷⁶

В конце 1554 г. московское правительство ощутило, что наиболее опасная стадия марийского восстания миновала. В мае 1555 г. энергичный князь Петр Иванович Шуйский был назначен наместником и воеводой Казани с огромными полномочиями. Стало возможным думать о консолидации государственной и церковной администрации в Казанском царстве на постоянной основе. Более того, суд над еретиками в Москве был почти закончен, и Макарий и другие чины церкви могли теперь обратить свое внимание на казанские церковные дела.

В 1555 г. была основана казанская епархия.

Непосредственной целью церковного установления в новой стране было обслуживание там духовных интересов русских – в первую очередь тех, кто служил армии, администрации, и купцов. В дополнение, однако, от церкви ожидалось проведение миссионерской работы среди татар (все они были мусульманами), финских и тюркских народов. Сюда включались подчиненные им племена, подобные марийцам и удмуртам, большинство из которых все еще были язычниками, последователями древних родовых культов. Крещение в Москве в 1553 г. бывших казанских царей, Утемыш-Гирея и Ядигара, было всего лишь первым шагом в этом направлении. Известно, что к 1555 г. в Казани и в ее округе существовало много вновь крещенных татар и марийцев.

Никакая широкомасштабная колонизация территории Казанского ханства не была возможна до конца 1550-х, ко времени которых всяческие восстания были подавлены. С другой стороны, в пограничных Районах Нижнего Новгорода, Муроме и Курмыш, которые постоянно разорялись казанскими татарскими рейдами до 1552 г., теперь стало спокойно. Эта территория немедленно привлекла крестьян из перенаселенных центральных районов московской территории.¹⁷⁷

Решение основать епархию в Казанском царстве было одобрено Собором русских церковных иерархов, созданным совместно царем Иваном IV и митрополитом Макарием. Поскольку число верующих во вновь покоренном районе было мало, Вятские земли и также Свияжск были сделаны частями новой епархии. Настоятель Гурий из Селижаровокого монастыря (Тверская земля) был избран (жребием) и рукоположен в сан архиепископа Казани и Свияжска 3 февраля 1555 г.

¹⁷⁶ 176. ПСРЛ, 13, часть 1, 233-234, 259, 283; КРО, 1, №1, 3-5; Соловьев, 6, 489-490; Н.А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. Москва, 1958, с. 26-28; Кушева, с. 237-238.

¹⁷⁷ 177. Веселовский. Исследования... опричнины, с. 149-150.

Гурий был человеком глубоко духовным, но нездоровым. Он принял Казанскую епархию как крест. Двумя его главными помощниками были монахи Герман Полев и Варсонофий. Следует вспомнить, что Герман был одним из следователей по делу ереси Башкина. Он был рукоположен в сан архимандрита Свияжского монастыря. Варсонофий, сын серпуховского священника, был до своей казанской миссии настоятелем Песношского монастыря (где царь Иван IV посетил Вассиана Топоркова в 1553 г.). Варсонофий последовал за Гурием в качестве архимандрита Преображенского монастыря в Казани. В юности Варсонофий был схвачен крымскими татарами в ходе одного из их набегов на Россию и провел три года в плену. Здесь он выучил татарский язык и хорошо познакомился с догматами ислама. Таким образом, он был подготовлен к миссионерской деятельности в Казани.

Для поддержания Казанской епархии царь выделил земли в казанском регионе, равно как и десятину государственного дохода Казанского царства. Кроме того, последовало повеление, что митрополит, епископы и монастыри по всей Московии должны помочь новой епархии сбором денег и зерна.¹⁷⁸

В Москве велась тщательная подготовка миссии Гурия и его сопровождающих в Казани. Путешествие Гурия заранее планировалось как торжественное шествие православного христианства по завоеванной стране.¹⁷⁹

Идеологически важность этой экспансии православия из Москвы на Восток была подобна обращений Руси в христианство во времена Владимира Святого и учреждению христианской церкви в Киеве. В середине XI века в своем знаменитом «Слове о законе и благодати» митрополит Илларион восторгался тем, что «вера благодатная распространилась по земле и наконец достигла русских людей». В «Похвале» Владимиру Илларион одобрял способность князя "любить невидимые и небесные ценности более, нежели материальные". В том же духе Илларион написал молитву о русских и Руси как христианской стране.¹⁸⁰ Когда Гурий тронулся из Москвы в Казань, то получил инструкции читать молитву Иллариона «за царя и все православное христианство» на церемонии расставания с московскими властями и народом, а также в городах, через которые проезжал кортеж Гурия – в Коломне, Рязани, Свияжске, и наконец, по прибытии в саму Казань.

Следует отметить, что в XVI веке молитва Иллариона была доступна русским читателям в отдельных копиях и была включена в несколько пересмотренной форме в церковные руководства как молитва в начале нового года (который начинался в Московии, как и в Византии, 1 сентября).¹⁸¹

В несколько пересмотренной форме молитва Иллариона должна была читаться Гурием в ходе его путешествия в Казань, поскольку в ее оригинальном тексте упоминается «владыка», а не царь, да и то лишь в конце молитвы.¹⁸²

Кортеж Гурия прибыл в Казань 28 июля. Перед отъездом из Москвы Гурий получил множество специальных наставлений от царя Ивана IV и митрополита Макария. Как архиепископ, он получил власть судить церковных людей во всех тяжбах и мирян во всех духовных делах.¹⁸³

Важный момент в полученных Гурием инструкциях касался миссионерской деятельности церкви. Возможно, что при формулировке этой части инструкций Сильвестр сотрудничал

¹⁷⁸ 178. ПСРЛ, 13, часть 1, 249-250; Макарий. История русской церкви, 6, 342-246; Glazik. Islam mission, pp. 44-45.

¹⁷⁹ 179. О церемониальном распорядке и расписании путешествия Гурия в Казань см.: ААЭ, 1, 241 (документ 1), 257-259. Ср. Соловьев, 8, 67-68.

¹⁸⁰ 180. «Слово о законе и благодати» Иллариона см. в издании Ф.Г. Калугина; Пономарев, ред. Памятники, 1, 59-78; L. Muellers edition, pp. 57-140.

¹⁸¹ 181. Пономарев, 1, No 15, 82; Mueller, Illarion, pp. 174-175.

¹⁸² 182. Полный оригинальный текст см.: Пономарев, 1, 76-78; Muellers, pp. 129-140.

¹⁸³ 183. Это в дополнение к установлению десятины для поддержания епархии было в соответствии с церковным уставом и церковной политикой князя Владимира. См.: Киевская Русь; Origins of Russia, pp. 302-303.

с митрополитом Макарием. Было запрещено крестить татар против их воли. Гурию советовали благородно увещавать их, не заставляя их обратиться в христианство силой.¹⁸⁴ Полагают, что в течение восьми лет службы Гурия в Казани (он умер в 1563 г.) около двадцати тысяч мусульман и язычников обратились к христианству.¹⁸⁵

Двойственная природа – духовная и мирская – православного царства в период конца 1540-х и 1550-х гг. отразилась в установленных отношениях между архиепископом Казани и казанским воеводой, князем Петром Шуйским. Гурий получил инструкции митрополита Макария обсуждать дела с воеводой и давать последнему свои совет по всем важным церковным и государственным делам. Царь, в свою очередь, написал Шуйскому, посылая ему копию инструкций Макария для Гурия и приказывая Шуйскому «консультировать архиепископа в наших (государственных) делах и заниматься нашими Делами вместе с ним».¹⁸⁶

Одновременно в Москве был заложен новый роскошный собор, чтобы отметить завоевание Казани и обращение ее в православную веру. Собор был посвящен Покрову Богородицы, празднуемому русской церковью 1 октября (Казань штурмовали 2 октября). Этот храм теперь известен как Собор Василия Блаженного. Фактически же Василию Блаженному, юродивому, который умер около 1552 г., посвящена лишь часовня внутри него.¹⁸⁷

Собор Покрова был построен в 1555-1557 гг. Его основными строителями были псковские мастера, Барма и Постник. Архитектурно это – комплекс из девяти церквей, а не единое здание.¹⁸⁸

V

К 1555 г., когда правительство царя Ивана IV обрело уверенность, что оно способно установить жесткий контроль над Казанским царством, оно вновь обратилось к внутренним реформам.

С 1549 г. одной из главных целей московского правительства стала радикальная реорганизация провинциальной администрации, т.е. уничтожение системы кормления провинциальных наместников и районных глав, назначаемых царем, и замена ее местным самоуправлением.

В конце 1552 г. царь Иван IV приказал боярам принять решение об отмене системы кормления, но их обсуждение ни к чему не привело.

В это же время за систему кормления взялся Адашев и добился лучших результатов. Кормление было отменено царским указом, одобренным Боярской Думой. Резюме и мотивационная часть указа, написанные предположительно Адашевым, были включены в официальную летопись. Они дополнялись кратким трактатом о долге православного царя установить справедливость для народа.¹⁸⁹ Я полагаю, что это дидактическое эссе было выполнено Сильвестром, или же митрополитом Макарием в соавторстве с Сильвестром.

До этого времени основная задача администрации кормления была двойственной: бороться с бандитами и другими преступниками и собирать налоги. Соответственно, были созданы два ряда институтов самоуправления: губа (район уголовной юрисдикции) и земство (от земля, населенная территория провинции, противоположной центральному правительству).

¹⁸⁴ 184. ААЭ, 1, No241 (документ 1), 259-260; Соловьев, 8,68-69.

¹⁸⁵ 185. Glazik. Islam mission, p. 50. Соловьев, 8,70, говорит о «нескольких тысячах».

¹⁸⁶ 186. ААЭ, 1, No241 (документы 1-11), 260-261; Соловьев, 8,69-70. Интерпретация Г. Вернадского.

¹⁸⁷ 187. О Василии Блаженном смотри: Федотов. Святые Древней Руси, с.199-202. Василий был канонизирован в 1588 г., и в это время часовня его имени была добавлена к собору.

¹⁸⁸ 188. О соборе Покрова см.: Грабарь. История русского искусства (1-е изд.), 2,38-56; (2-е изд.), 3, с.439-440.

¹⁸⁹ 189. ПСРЛ, 13, часть 1,267-268; ПРП, 4,584-585.

Даже в период боярского правления, когда Иван был ребенком, правительство, с тем чтобы удовлетворить запросы населения некоторых районов, издавало специальные грамоты, отстраняя поставленных на кормление наместников этих районов от рассмотрения уголовных дел и передавая право принимать решения по преступлениям лицам, избранным местным населением. Наиболее всеобъемлющая из таких грамот была адресована Белоозерской провинции в 1539 г.¹⁹⁰

Теперь, с отменой системы кормления, губные институты могли быть постепенно введены по всей стране. Каждая провинция или район получали собственную грамоту.

Правление губы возглавлялось губным старостой, который выбирался местным дворянством – дворянами и сынами боярскими. Другие члены правления избирались горожанами и крестьянами района. Во властные полномочия губного правления входили функции уголовной полиции, суд над преступниками и инспекция тюрем.¹⁹¹

Институты губы были связаны с дворянскими корпорациями и поэтому не могли быть введены в северных районах Московии, в Поморье (бассейн Белого моря), поскольку в этих частях не было боярских или дворянских земельных владений. Население там состояло из горожан и крестьян.

Поэтому в поморских районах функции губы были поручены земскому правлению. С другой стороны, для собственных иных функций земские институты учреждались также в губных районах. Таким образом, существовало некоторое переплетение двух типов местного самоуправления.¹⁹²

Земские грамоты даровались посадским людям и крестьянам (уездным людям) района. Эти районы были различны по размерам (от одной волости, до уезда). Народ избирал: председателя правления, голову или старосту и его помощников в каждом районе; лучших людей (от двух до двенадцати в зависимости от размера района); земского дьяка.

В сферу ответственности земского правления входили поддержание различных местных дел и порядка, сбор налогов, освоение незаселенных частей района и разбор гражданских тяжб (в Поморье также уголовные дела и суд над преступниками).¹⁹³

Институты земства не устанавливались в пограничных провинциях – ни по западной границе между Московией, Литвой и Ливонией, ни на юге. Там местная администрация контролировалась воеводой каждой провинции.

Вслед за отменой системы кормления в 1556г. был издан указ, регулирующий военную службу боярства и дворянства в соответствии с их вотчинами и поместьями. Это уложение о службе, как и предшествующее о кормлении, известно нам по резюме, очевидно написанному Адашевым.¹⁹⁴

Введение уложения было обусловлено фактом того, что многие вельможи и другие воины, которые имели крупные земельные владения, не адекватно были представлены на военной службе. Теперь было установлено, чтобы и хозяева вотчин, и обладатели поместий поставляли одного полностью экипированного всадника (с запасным конем в случае дальней кампании) за каждые 150 десятин хорошей земли.

¹⁹⁰ 190. Ее текст см.: Владимирский-Буданов. Хрестоматия, 2,109-116.

¹⁹¹ 191. Владимирский-Буданов. Обзор, с.194-196; Соловьев, 7,34-35; Ключевский. Сочинения, 2,355-361; Зимин. Реформы, с.418-420.

¹⁹² 192. О реформе земского самоуправления 1555 г. см.: Соловьев, 7,34-37; Ключевский. Сочинения, 2,365-368; Владимирский-Буданов. Обзор, с. 196-197; Ельяшевич, 2,58-65; Зимин. Реформы, с. 422-424.

¹⁹³ 193. О историческом и географическом фоне формирования местных сообществ в Северной России, равно как и последовательное описание функционирования институтов земства там в XVII в. см.: Богословский. Земское самоуправление, 1-2.

¹⁹⁴ 194. ПСРЛ, 13, часть 1,268-269; ПРП, 4,586.

Более того, предписывалась перепись поместий, чтобы привести размеры владений в соответствие с выполняемой военной службой. Излишки земельных владений изымались и передавались тем, чьи поместья были слишком малы или же тем, у кого их не было вообще.

Уложение о военной службе 1556 г. было очень важным документом в русской социальной и военной истории. Оно соответствовало потребностям как дворян, так и сынов боярских, главной опоре русской армии с середины XVI до середины XVII столетия. Подчеркивая связь между земельными владениями и военной службой, уложение давало адекватное определение юридической природе поместья.¹⁹⁵ Уложение содержало также формулировку роли дворянских районных объединений при мобилизации армии.

Дворянское войско не было постоянной армией. Для сезонной защиты южных провинций от татарских набегов, а также для походов (как в случае Казани), каждый раз мобилизовалась специальная сила. Она состояла из больших соединений, называемых полком. Каждый полк включал различное число более мелких соединений (сотни). Районные дворянские объединения составляли основу формирования сотни. Более населенный район (формально именуемый городом, укреплением или селением) должен был мобилизовать полную сотню, два или три меньших района должны были объединяться для формирования сотни.

Дворянство каждого района (уезда) избирало податного чиновника для хранения списков людей, годных для службы, равно как и документов о их соответствующих землевладениях.

Введение институтов губы способствовало консолидации провинциальных дворянских объединений.¹⁹⁶

---

¹⁹⁵ 195. Ельяшевич, 2, 27-29, 46-53.

¹⁹⁶ 196. Веселовский. Исследования... опричнины, с. 187-189, 197

4. Ливонская война и опричнина.

I

Карта 1. Театр Ливонской войны

В 1550-х гг. московское правительство стояло перед лицом двух главных внешнеполитических проблем: татарской – на юге и ливонской – на северо-западе. Обе были связаны с третьей вечной проблемой московитской политики – отношениями Москвы с Польшей и Литвой.

Задача защиты России от набегов казанских татар была разрешена завоеванием Казани. Присоединение Астрахани сильно укрепило русские позиции в борьбе с крымскими татарами. Последние, однако, продолжали представлять для России постоянную опасность.

Хотя завоевание Казани и Астрахани открыло России путь на юго-восток, потенциальным московитским «окном в Европу» была Ливония.

Двумя людьми, отвечавшими за проведение русской внешней политики как на Востоке, так и на Западе в 1550-х гг., были Алексей Адашев и дьяк Иван Висковатый. Как мы знаем, в 1554 г. они были ответственны за важные переговоры с ногайцами относительно астраханских дел. В том же году Адашев и Висковатый заключили договор с ливонским посланником, согласно которому ливонцы были вынуждены признать старое обязательство епископа Дерпта выплачивать ежегодную дань великому князю московскому.¹⁹⁷

Адашев был убежден, что следует прежде всего рассмотреть татарскую проблему, чтобы спасти Московию от разорения, порождаемого постоянными набегам крымских татар и уводом в плен тысяч людей при каждом рейде. С тем, чтобы защитить русские интересы в Ливонии, Адашев полагал достаточным временно использовать вместо войны дипломатию. В случае неизбежности войны в балтийском регионе – как при конфликте со Швецией (1554-1557 гг.) – нельзя было требовать присоединения территорий за рамками существующих границ, чтобы не допустить продолжения войны.

Оценка ситуации Висковатым кажется очень близкой к адашевской. Когда в 1563 г. царь Иван IV старался умиротворить крымского хана, то он проинструктировал своего посланника, Афанасия Нагого, сказать хану, что царь желает мира с татарами, и что в агрессивности московитской политики в предшествующие годы виноваты царские помощники – Иван Большой Шереметев, Алексей Адашев и Иван Висковатый.¹⁹⁸

Различие между Адашевым и Висковатым состояло в том, что Висковатый как проницательный дипломат никогда открыто не противоречил царю. В результате он сперва избежал царского гнева, когда царь решил повременить с Крымом и сконцентрировать всю силу Московии на попытке завоевать Ливонию. 9 февраля 1561 г. Висковатый был назначен печатником (хранителем царской печати, или канцлером).

В 1555г. крымский хан Девлет-Гирей, чтобы отвлечь внимание Русских от Астрахани, попытался совершить набег в направлении Тулы, до которой он так и не добрался. Это продемонстрировало московитскому правительству необходимость принятия срочных мер для лучшей защиты южных провинций Московии.

По мнению Адашева, наилучшим методом сдерживания татарских набегов могли бы стать регулярные упреждающие вылазки против крымских татар вместе с основанием баз-крепостей, из которых можно двинуться далее. В конечном счете, целью было принуждение хана признать свою вассальную зависимость по отношению к царю, и, в случае неудачи этой уловки, прямо завоевать Крым, как это было сделано в случае Казани и Астрахани.

Адашев и другие ведущие деятели московского правительства хорошо понимали, что для достижения их цели первостепенную значимость имело бы сотрудничество, или же в любом случае нейтралитет, с Польшей и Литвой. Вследствие этого в январе 1556 г. Москва адресовала Польше предложение заключить «вечный» мир и военный союз против Крыма. Польша отказалась.

Несмотря на это, подданные короля Сигизмунда Августа, украинские казаки, чья военная и политическая мощь лишь начинала укрепляться, оказались готовы сотрудничать с Моск-

¹⁹⁷ 197. См.: Карамзин, 8,267-268; Соловьев, б, 499-501; Форстен. Балтийский вопрос, 1, 85-87; Kirchner, pp. 96-97; Россия в средние века; Королюк, с. 34

¹⁹⁸ 198. Карамзин. Примечания, 9, №76, с. 23; И.И. Смирнов. Очерки, с. 259-260; Лурье. Примечания к письмам царя Ивана. Послания Ивана Грозного, примечание 16, с. 637.

вой против татар.¹⁹⁹ Член украинской аристократической семьи, князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, староста Черкасс, стал предводителем днепровских казаков. Когда в марте 1556 г. московское правительство послало отряд путивльских казаков под командованием воеводы Чернигова дьяка Ржевского на Средний Днепр с экспедицией против Очакова, Вишневецкий, не ожидая одобрения своего государя, великого князя литовского Сигизмунда Августа, решил поддержать эту экспедицию и послал команду черкасских казаков для усиления отряда Ржевского.²⁰⁰

Ржевский спустился по Днепру до Черного моря и совершил набег на Очаков, после чего вернулся в Путивль. Вишневецкий тогда решил выстроить форт на острове Хортица ниже Запорожья. Это – первое определенное упоминание о Запорожской сечи (по-украински – сичь), как казаки называли свой основной лагерь.

В сентябре 1557 г. Вишневецкий послал гонца к царю Ивану IV, прося последнего принять его на свою службу и позволить поддержать Запорожскую Сечь. Царь отправил Вишневецкому двух посланцев с некоторой денежной суммой. В октябре Вишневецкий со своими казаками штурмовал татарскую крепость, перебил гарнизон, захватил и привез на Хортицу пушки.²⁰¹

В 1558 г. Вишневецкий и Ржевский предприняли две кампании в направлении вниз по Днепру к Крымскому перешейку.

Однако Вишневецкий не смог удержать Хортицу в схватках с крымскими татарами, поскольку ему не хватало поставок и его казачий гарнизон был мал. Вследствие Ливонской войны царь Иван IV не считал возможным поддержать осуществление Вишневецким контроля региона Среднего Днепра и вместо этого пригласил его приехать в Московию, что он и сделал в ноябре 1558 г. Царь даровал ему в качестве бенефиция город Белев.²⁰²

После разведывательных рейдов Ржевского и Вишневецкого к подступам Крыма Адашев и его последователи решили, что пришло время для военного похода на ханство.

Как Адашев, так и Курбский побуждали Ивана IV вести основную русскую армию против Крыма лично, или же поставить для этого его лучших воевод. Однако к этому времени уже началась Ливонская война, и царь под влиянием своих новых советников отказался от этого.²⁰³ В качестве компромисса он согласился в 1559 г. предпринять небольшими силами две малые кампании против Крыма. Вишневецкий был послан на реки Донец и Дон для организации морских операций на Азовском море, а Даниил Адашев (брат Алексея) – на Днепр к Очакову. По обоим направлениям русские нанесли татарам поражение.²⁰⁴

Приблизительно в это же время новый раунд переговоров между Москвой и Польшей (в декабре 1558 г. и в марте 1559 г.) закончился отказом поляков сотрудничать с Москвой против Крыма. Неудача переговоров была частично результатом обоюдных интересов в Ливонии.

Вовлеченность Москвы в Ливонскую войну положила конец планам Адашева систематически осуществлять наступательные операции против Крыма.

Вишневецкий не видел более смысла в продолжении своей службы царю. В 1561 г. он вернулся в Черкасы. Поскольку он не получил помощи от польского правительства для осуществления своего плана войны против Крыма, он отправился в Молдавию в попытке захватить власть в этой стране и использовать ее ресурсы против турок и крымских татар. В ходе

¹⁹⁹ 199. См.: Россия в средние века

²⁰⁰ 200. I.d., p. 227.

²⁰¹ 201. ПСРЛ, 13, часть 1, 277.

²⁰² 202. I.d., p. 286.

²⁰³ 203. Относительно планов Адашева и реальной подготовки систематических военных операций против Крыма см. Кушева, с. 212-217.0 попытки Адашева и Курбского убедить царя Ивана IV вести большую кампанию лично см.: Fennell, History, pp. 122-125.

²⁰⁴ 204. ПСРЛ, 13, часть 11, 315-316, 318-319, Fennell, History, pp. 124-127. Новосельский, с. 427.

борьбы между двумя соперничающими партиями в Молдавии сторонники Вишневецкого были разбиты. Он был взят в плен и отправлен в Константинополь, где его в 1563г. казнили.

II

Ливонская проблема горячо обсуждалась в московских правительственных кругах. К 1557 г. точка зрения сторонников войны с Ливонией постепенно взяла верх над адашевской, поскольку сам царь Иван IV разделял их взгляды.

Вопрос о том, какой курс внешней политики в то время более соответствовал интересам русского государства и русского народа – сдерживание Крыма или нападение на Ливонию – обсуждался не только тогда и не только русскими. Он до сих пор представляет интерес для историографов и составляет предмет разногласий.

Подавляющее большинство историков России согласно, что царь Иван IV был прав в своем решении прервать действия против крымских татар и взяться за Ливонию. Они утверждали (и утверждают), что надежный доступ к Балтике был необходим России как политически, так и экономически и что независимая и враждебная Ливония была препятствием развитию нормальных культурных отношений между Россией и Западом.

С военной точки зрения Ливония была слаба и, как резонно мог полагать царь Иван IV, не могла отразить русского нападения. С другой стороны, как указывают большинство историков, задача подчинения Крыма, в особенности без союза с Польшей, была в военном плане неразрешима для России на этой стадии. Заметным противником этой точки зрения является Костомаров.²⁰⁵

Согласно марксистской терминологии классовой борьбы, превалирующее заключение советских историков состоит в том, что Ливонская война соответствовала интересам поднимающихся классов русского дворянства и купечества и в этом смысле была прогрессивной, в то время как программа продвижения на юг была в интересах феодальной аристократии и поэтому – реакционной.²⁰⁶

Нет сомнения, что обе проблемы – татарская и балтийская – были важны для России. Вопрос стоял в том, какой из них в данный исторический момент уделить приоритетное внимание.

Утверждение, что завоевания на юге поддерживались феодальной аристократией в противовес дворянству и купечеству, не выдерживает критики. Южные пограничные земли Московии длительный период были заселены людьми пограничья – мелким дворянством и казаками. И лишь к концу XVII века вельможи стали интересоваться приобретением земельных владений в этих местах. И нам известно, что феодальные аристократы, подобные князю Семену Лобанову-Ростовскому, не одобряли даже предыдущую кампанию против Казани.

Фактически же татары покушались на интересы не только бояр, дворянства или какого-либо особого класса, а на интересы русских всех классов. В первую очередь от татарских рейдов страдали крестьяне, поскольку их постоянно уводили в плен. Ввиду этого, борьба с татарами в это время была подлинно национальной задачей.

По словам Костомарова, «...первой предпосылкой благополучия и процветания России было разрушение этих (татарских) грабительских сетей... (и) присоединение их территорий. Не жажда завоевания побуждала к этому, а инстинкт самосохранения».²⁰⁷

Но можно ли представить в это время завоевание Крыма? Это, конечно, должно было предполагать более напряженные усилия, нежели завоевание Казани и Астрахани. Тем не

---

²⁰⁵ 205. Костомаров. «Личность», с. 397-405.

²⁰⁶ 206. Лурье. Послания Ивана Грозного, с. 484-488; Королюк, с. 27-29; Зимин. Опричнина, с. 471-472.

²⁰⁷ 207. Костомаров. Личность, с. 399. Интерпретация Г. Вернадского.

менее, если бы не произошла Ливонская война, русские наверняка справились бы с этим предприятием.

После разведывательной кампании Ржевского против Очакова в 1556 г. Адашев и Курбский попытались убедить царя Ивана IV лично возглавить, или же в любом случае разрешить, большой поход на Крым. Но царь, увлеченный идеей покорения Ливонии, согласился выделить Даниилу Адашеву и Вишневецкому для двойной атаки 1559 г. против Крыма через реки Днепр и Донец-Дон лишь несколько тысяч человек.

Итак, вопреки возможностям, которые открывали планы Адашева и Курбского, полномасштабная кампания против крымских татар была заменена двумя разведывательными рейдами. Но даже они оказались как таковые удачными и могли бы стать даже более важными, если бы за ними последовал главный поход.²⁰⁸

Более того, в походах на Крым русским не приходилось полагаться лишь на свою военную мощь. Как и в случае с Казанью и Астраханью, они могли рассчитывать на разногласия среди самих татар. В каждой татарской орде существовало соперничество среди основных родов, или их ветвей, и в каждом ханстве некоторые из вельмож были способны противостоять хану. Эта ситуация часто оказывалась для русских выгодной, особенно при формировании среди татар прорусских партий.

Следует вспомнить, что с середины XV века многие татарские группировки пошли на русскую службу. Наиболее влиятельной была Касимовская. Все вместе они составляли значительную военную силу, верную царю. Не менее значимым был факт того, что татарские цари и царевицы, верные России, были связаны кровными узами или браком с независимыми татарскими ханами и вельможами; во многих случаях они играли роль посредников между Россией и мусульманским миром и таким образом поддерживали дипломатическую игру Москвы.

Поэтому московское правительство надеялось поставить во главе Крымского ханства подходящего владыку, который признает себя вассалом царя Ивана IV. Этот замысел срабатывал ранее в отношении Казани и Астрахани. Царь Касимова Шах-Али – одно время царь Казани – был хорошим советником Ивана IV в Казанской кампании 1552 г.

И, разумеется, подходящий кандидат на крымский трон появился в 1556 г. – царевиц Тохтамыш. В русских летописях он назывался «братом» Шаха-Али. Татары так называли не только брата в буквальном смысле, но также первого или даже второго двоюродного брата. Тохтамыш был внуком хана Ахмата из Золотой Орды; Шах-Али был внуком брата Ахмата, Бахтияра. Таким образом, он был вторым кузеном.²⁰⁹

Тохтамыш жил в Крыму многие годы. Около 1556 г., когда группа вельмож организовала заговор против хана Девлет-Гирея, они предложили возвести Тохтамыша на крымский трон. Заговор был раскрыт агентами Девлет-Гирея, но Тохтамышу удалось бежать к ногайцам.²¹⁰

Царю Ивану о прибытии Тохтамыша сообщил ногайский князь Исмаил. Иван, Шах-Али и, конечно, Адашев сразу поняли важность новости. В русских отношениях с Крымом Тохтамыш мог оказаться козырной картой.

В июле 1556 г. царь Иван IV написал Исмаилу, что Шах-Али хочет видеть «своего брата Тохтамыша». Иван IV попросил Исмаила отправить Тохтамыша в Москву без промедления. И добавил: «Нам необходим Тохтамыш для наших государственных дел, равно как и для ваших» (Исмаил поддерживал русских против Крыма).

²⁰⁸ 208. См.: Fennell. History, pp. 124–125 и ремарку Веселовского о потенциальной значимости кампании Даниила Адашева против Перекопа в 1558 г., Веселовский. Исследования...опричины, с. 10.

²⁰⁹ 209. Вельяминов-Зернов, 1,423–428:2,7,10–11.

²¹⁰ 210. ПСРЛ, 13, часть 1,277.

Одновременно Иван IV написал самому Тохтамышу (обращаясь к нему, как к султану Тохтамышу), пригласил его в Московию и обещал содержать его в чести и даровать богатое владение. Тохтамыш согласился и прибыл в Москву в декабре 1556 г.²¹¹

Нет сомнения, что в своих планах 1557 г. по проведению большой кампании против Крыма Адашев был готов наделить выдающейся ролью царя Шаха-Али, царевича Тохтамыша и других верных татарских царевичей и мурз (князей) вместе с их свитами.

Особенно интересно поэтому, что для первого русского похода против Ливонии в январе 1558 г. царь Шах-Али был назначен главнокомандующим русской армией, а царевич Тохтамыш командующим авангардом. Астраханский царевич Кайбула (Абдула) получил назначение командующим правым флангом русской армии.

Еще один татарский царевич и много мурз, равно как и множество кабардинских князей и их придворных, участвовали в Ливонских кампаниях. Соединения касимовских, Городецких и казанских татар последовали в Ливонию вместе с русскими.²¹²

Я склонен думать, что предшествующий перечень командующих офицеров был первоначально предложен Адашевым для крымской кампании. Заметим, что Тохтамыш – кандидат на крымский трон – должен был командовать авангардом русской армии. Как нам известно, царь Иван IV отверг план главного похода на Крым и приказал вместо этого готовиться к войне с Ливонией. Но план командного звена армии был сохранен для Ливонской войны.

Разумеется, все эти верные татарские силы, а также кабардинцы, будь они посланы против Крыма, а не Ливонии, были бы более ценны для России. Они бы не только дали русским решающее превосходство в кавалерии, но могли бы сыграть важную роль в психологической и пропагандистской войне. Они могли бы подорвать единство крымского хана и его вельмож и подавить их волю к сопротивлению.

Суммируя наши выводы и замечания, суть ситуации состояла в том, что хотя русские могли выбирать, начать или нет войну против Ливонии, в отношении Крыма у них не было выбора. Набеги на Россию давали крымским татарам основную часть их дохода. Они могли быть сдержаны или остановлены лишь силой.

Русские могли использовать больше или меньше сил в своей борьбе против крымских татар, но они не могли закончить борьбу до полного подчинения Крыма. Ливонский театр военных действий отвлекал туда основные русские силы. Татары, естественно, использовали эту возможность для усиления своих набегов на Московию. Кроме того, их поддерживала Польша. Следует отметить, что за все двадцать четыре года Ливонской войны было лишь три года, когда в источниках не упоминались татарские походы на Россию.²¹³

Итак, на этой стадии крымская проблема в отличие от ливонской не могла быть разрешена московским правительством. Реальная дилемма, с которой столкнулся царь Иван IV, состояла не в выборе между войной с Крымом и походом на Ливонию, а в выборе между войной только с Крымом и войной на два фронта как с Крымом, так и с Ливонией. Иван IV избрал последнее. Результаты оказались ужасающими.

III

Прошло уже три года после московско-ливонского договора 1554 г., а ливонцы даже не начали выплачивать царю установленную дань. В 1557 г. ливонские посланцы просили царя вовсе отменить плату или по крайней мере снизить ее. Им было сказано, что в случае невыплаты царь соберет эту сумму сам.

---

²¹¹ 211. Веляминов-Зернов, 1,424-426.

²¹² 212. ПСРЛ, 13, часть 1,287 и 289.

²¹³ 213. Новосельский, с. 17-18.

В этот момент в ливонские дела вмешалась Литва, которая, как и Московия, желала выхода к Балтике. В борьбе между ливонскими рыцарями и архиепископом Риги Вильгельмом Сигизмунд Август (король Польши и великий князь Литвы) предоставил свою поддержку архиепископу. Брат последнего, герцог Альбрехт Прусский, был вассалом Польши.

Ливонский орден запросил мира и согласился заключить военный союз с Литвой против Москвы (сентябрь 1557 г.).²¹⁴ Этот союз был нарушением русско-ливонского соглашения 1554 г.

В январе 1558 г. русские войска вторглись в Ливонию. Русская армия находилась под высшим командованием царя Шаха-Али из Касимова. Его помощником был дядя царя Ивана IV, князь Михаил Глинский. Среди командиров передовой гвардии были боярин Алексей Данилович Басманов и Даниил Федорович Адашев; среди командиров арьергарда – князь Андрей Михайлович Курбский.

Кроме русских контингентов (псковичей, московских дворян и стрельцов) армия состояла из касимовских и казанских татар (ведомых их царевичами и князьями), кабардинцев (под предводительством князей Черкасских) и марийцев (черемисов).²¹⁵

Поскольку война началась вопреки совету Алексея Адашева, его политика состояла в предотвращении ее территориального развертывания, которое бы повело к углублению русской вовлеченности в балтийские дела, а это Адашев считал вредоносным для России и русского народа. Поэтому он попытался ограничить военные планы и привести под русское влияние население тех частей Ливонии, что были наиболее близки к России и наиболее легко достижимыми. После достижения некоторых преимуществ он был настроен на заключение при первой же возможности мира, или по крайней мере перемирия.

После вхождения в Ливонию русские разграбили страну и встретили лишь незначительное сопротивление. Затем они обратили свое внимание на укрепленные города, которые они надеялись взять осадой с помощью своей тяжелой артиллерии.

11 мая 1558 г. Алексею Басманову и Даниилу Адашеву сдалась Нарва (древнерусское имя ее было Ругодив). Гарнизону и наиболее богатым бюргерам разрешили уйти. Горожане дали клятву верности царю.²¹⁶

В июле русские под командованием князя Петра Ивановича Шуйского осадили процветающий город Дерпт (Дорпат; по-русски – Юрьев; по-эстонски – Тарту). 18 июля представители архиепископа Дерпта, дворянство и городской совет предложили условия собственной сдачи, по которым жители должны иметь свободу выбора – выехать или остаться в городе. Те, что решат остаться, будут иметь свободу вероисповедания и все свои личные и корпоративные права.²¹⁷ На следующий день Шуйский подписал все условия, которые должны были быть подтверждены царем.

Царь издал для города грамоту, в которой он с небольшими изменениями утвердил условия и гарантировал жителям право свободной торговли в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Нарве, равно как и право покупать дома и сады в тех же городах. Жители этих четырех городов должны были иметь те же права соответственно в Дерпте.²¹⁸

В результате военных успехов и мудрой политики по отношению к завоеванным городам, вся восточная часть Эстонии была занята русскими. Через Нарву русские получили удобный доступ к морю. Торговые корабли различных стран незамедлительно начали использовать порт Нарву (позднее русские попытались создать там собственный флот).

²¹⁴ 214. Россия в средние века; Грабинский. с. 113; Forsteuter, pp. 108-110; Historia Polski, 1, part 2, 235-236.

²¹⁵ 215. ПСРЛ, 13, часть 1, 287.

²¹⁶ 216. Соловьев, 6, 502-503; Форстен, 1, 93-96; Королюк, с. 37-38.

²¹⁷ 217. Суммарное изложение условий см.: Соловьев, 6, 505.

²¹⁸ 218. Hist. Rus. Mon., Suppl., No85, pp. 233-236; Соловьев, 6, 505-506.

Русские предприняли серьезные попытки улучшить жизнь эстонских крестьян. Землевладения немецких рыцарей и монастырей были конфискованы и частично стали доступны для использования крестьянами. Русские поставляли им хлеб, семена, скот и лошадей.²¹⁹

В течение зимы 1558-1559 гг. русские совершили рейды в северную часть Латвии до окраин Риги. Ливонцы, находясь в отчаянной ситуации, жаждали передышки, надеясь выиграть время и дожидаться помощи со стороны императора Священной Римской империи или от Польши.

Ливонские агенты вошли в контакт с королем Дании Фридрихом II, который предложил свое посредничество за заключение перемирия между царем и Ливонией. Адашев посоветовал царю согласиться. По мнению Адашева, путем аннексии Восточной Эстонии, включая Нарву и Дерпт, Россия получила желанное – доступ к Балтике. Он полагал, что России следует теперь всю свою мощь обрушить на Крым.

Царь нехотя согласился одобрить перемирие. Оно было заключено на шесть месяцев – с мая по ноябрь 1559 г.

Ливонские рыцари воспользовались перемирием для обеспечения литовской поддержки. 31 августа 1559 г. в Вильно было заключено соглашение между великим князем литовским (королем Польши) Сигизмундом Августом, и магистром ливонского ордена Готардом Кетлером, согласно которому Сигизмунд Август принимал орден под свою защиту. 15 сентября король расширил свой протекторат также на архиепископа Риги. Сигизмунд Август обещал послать литовские войска для помощи в борьбе ливонцев против Московии при следующем условии: юго-восточная часть Ливонии вдоль Западной Двины должна быть немедленно занята литовскими войсками.²²⁰

Одновременно епископ острова Эзеля (современное название – Сааремаа) обратился за защитой к Дании. Секретным соглашением с королем Фридрихом II епископ уступил остров Эзель брату короля, герцогу Магнусу, за 30000 таллеров.²²¹

Затем, в октябре 1559 г., даже до того, как истек срок соглашения о перемирии, Кетлер предпринял поход против Дерпта, но был отброшен.

В отместку царь Иван IV вопреки совету Адашева решил возобновить военный натиск, направленный на завоевание всей Ливонии. Весной и летом 1560 г. русские нанесли крупное поражение ливонским рыцарям при Эрмесе (Эргем) и под командованием князя Андрея Курбского и Даниила Адашева штурмовали Феллин (Вильявди), который рассматривался как наиболее сильная крепость в Ливонии (август 15560 г.). Вдохновленные поражением рыцарей, латвийские крестьяне поднялись против своих господ.

Однако русские победы 1560 г. оказались весьма кратковременными. Они просто ускорили активное вмешательство Литвы и Швеции в дела Ливонии.

Летом 1561 г. шведы захватили Ревель (Таллинн) и всю центральную и западную часть Эстонии.

Раздел Ливонии был закреплен соглашением от 28 ноября 1561 г. в Вильно между королем Сигизмундом Августом и магистром Кет-лером. Ливонский орден был распущен. Кетлер стал герцогом Курляндским в качестве вассала короля Польши. Договор о подчинении Ливонии Польше-Литве был формально подписан архиепископом Риги в феврале 1562 г. и герцогом Кетлером в марте того же года.²²²

---

²¹⁹ 219. Форстен, 1, с.96; Королюк, с. 38-39.

²²⁰ 220. Россия в средние века; Форстен, 1,242-244; Королюк, с. 42-43.

²²¹ 221. Форстен, 1,195-198; Королюк, с. 43.

²²² 222. Форстен, 1,246-253; Королюк, с. 48-49.

Россия твердо удерживала Восточную Эстонию с Нарвой и Дерптом. Раздел всех остальных частей Ливонии между тремя враждебными друг другу силами (Литвой, Данией и Швецией) исключил, по крайней мере на этой стадии, возможность их коалиции против Москвы.

Захват Данией острова Эзель совсем не означал вмешательства в русские интересы. Со Швецией Москва заключила двадцатилетнее перемирие летом 1561 г. И, наконец, соглашение между Литвой и Москвой было возможным в случае признания Москвой литовского контроля над Латвией. Любая русская попытка завоевать Латвию означала бы войну с Литвой (и, следовательно, с Польшей) и подрывала бы московитские ресурсы даже в случае удачи, которая едва ли была возможна. Кроме того, война с Литвой придавала бы смелости крымским татарам, и они могли бы вновь пойти на Московию.

Эта ситуация хорошо осознавалась Адашевым и его последователями. Царь Иван IV не только проигнорировал их советы, но и решил, что настало время отделаться от советников.

IV

Царь Иван, равно как и сторонники продолжения войны, осуждали Адашева, который, как они утверждали, заключением договора 1559 г. лишил Россию возможности завоевать всю Ливонию раз и навсегда.

Насколько можно судить на базе доступных нам источников, лишь меньшинство среди лидеров в правительстве и армии противостояли Адашеву и принадлежали к тому, что можно назвать партией войны. Их сила заключалась в том, что сам царь Иван IV разделял их взгляды. В свою очередь, их поддержка обнадежила царя, который теперь был готов взять инициативу в свои руки и стать фактическим самодержцем, а не только таковым по названию.

Смерть царицы Анастасии, случившаяся в это время, болезненно затронула Ивана IV и усилила его злобу и раздражение против Адашева и Сильвестра.

В нервном состоянии Иван IV посчитал Сильвестра, Адашева, Курбского и их сторонников виновными в гибели Анастасии.²²³ Курбский пишет, что враги Сильвестра и Адашева донесли царю, что они якобы извели Анастасию колдовством.²²⁴

Фактически же сам царь Иван IV более других был повинен в кончине Анастасии. Ее здоровье было подорвано частыми родами и скорбью о тех ее детях, которые умерли в детстве. В дополнение к этому, постоянное паломничество в различные монастыри, часто связанное с охотничьими выездами, при которых царь Иван IV всегда настаивал, чтобы Анастасия и ее дети следовали за ним, утомляло ее все более и более каждый год.

В начале октября 1559 г., когда Анастасия уже болела, царь Иван взял ее и двух царевичей, Ивана, родившегося в 1554 г. и Федора, родившегося в 1557 г., в Можайск для паломничества и охоты. Там Иван получил известие о нарушении ливонцами перемирия. Он захотел немедленно вернуться в Москву, но дороги были из-за дождей непроходимыми. И лишь 1 декабря царь и царица вернулись в Москву. Путешествие закончилось, и после него Анастасия начала угасать. Она умерла 7 августа 1560 г.²²⁵ Описывая ее похороны, летописец говорит, что толпы народа, богатые и бедняки, причитали и плакали, следуя за похоронным кортежем, "Поскольку она была столь добра и ни на кого не имела зла"²²⁶

Разрыв между Иваном IV и Сильвестром с Адашевым произошел еще до смерти Анастасии, после возвращения царя и больной царицы из Можайска.

²²³ 223. Fennel. Correspondence, pp. 98-99, 190-192.

²²⁴ 224. Fennell. History, pp. 152-153.

²²⁵ 225. Веселовский. Исследование... опричнины, с. 92-93.

²²⁶ 226. ПСРЛ, 13, часть II, 328. Интерпретация Г. Вернадского.

В своем первом письме Курбскому (1564 г.) Иван IV говорил: «Когда началась война, т.е. война против (ливанцев) немцев... священник Сильвестр вместе с тобою, его советниками ожесточенно атаковали нас по этому поводу, а что же до болезни, которая из-за наших грехов посетила нас, нашу царицу и наших детей, то они утверждали, что это случилось из-за них, т.е. вследствие нашего неподчинения им».²²⁷

В начале 1560 г. Сильвестр покинул Москву и удалился от дел в Кириллов монастырь Белоозерского края.

В апреле 1560 г. Алексей Адашев был назначен главным воеводой группы русской армии в Ливонии, которой командовал князь ИФ. Мстиславский. Одновременно брат Алексея, Даниил, получил схожее назначение в армейскую группу, находившуюся под командованием князя Курбского. Эти русские силы слились у сильнейшей ливонской крепости Феллин, которую они захватили в августе 1560 г.

Алексей Адашев был назначен губернатором Феллина, Даниил стал своего помощником. Тактичная политика Алексея была оценена населением не только Феллина, но также и других ливонских городов. Многие из них были готовы сдаться Адашеву добровольно.²²⁸

Успехи Адашева взволновали его недругов при дворе Ивана IV, которые боялись, что царь будет теперь склонен в знак признания его способностей отозвать его назад в Москву, чтобы вновь привлечь к участию в государственных делах. Они прибегли к клевете и убедили царя, что Адашев – предатель.

Во второй половине сентября царь провел в Москве совместное заседание Боярской Думы и церковного Совета для суда над Адашевым и Сильвестром. Ни один из них не был вызван. Они были судимы в отсутствие, путем процедуры, которая шла против принципов русского законодательства.

Митрополит Макарий запротестовал против нарушения закона и потребовал, чтобы обвиняемые были вызваны в Москву. Его предложение было отклонено. Курбский заявляет, что церковный Собор состоял в основном из врагов Сильвестра.

Сильвестр был приговорен к ссылке в Соловецкий монастырь на Белом море. Адашев был заключен в тюрьму в Юрьеве (Дерпте). Он умер там же в декабре того же года.²²⁹

Враги Адашева ложно утверждали, что он покончил жизнь самоубийством, приняв яд, так как боялся нового суда и более сурового наказания. Более правдоподобно, что он был отравлен по приказу из Москвы.

Через неделю после смерти царицы Анастасии царь Иван IV решил жениться вновь, на иноземной принцессе.²³⁰ Он, вероятно, руководствовался соображениями и внутренней и внешней политики. Жена-иностранка поставила бы царскую семью над боярскими фракциями. В международном плане такая женитьба могла поднять его престиж и улучшить дипломатические отношения.

Веселовский полагает, что родня покойной царицы Анастасии, Захарьины-Юрьевы, могли предложить царю идею жениться на иностранке, поскольку брак с московской боярской невестой означал бы закат их влияния при дворе Ивана IV. В любом случае Захарьины должны были поддержать решение Ивана IV.²³¹

Царь заявил митрополиту Макарию и боярам, что он отправит посланников для выбора подходящей невесты в три страны: Литву, Швецию и Кабарду (Черкессию). Из дипломатических соображений царь склонялся к литовскому браку. Если бы это не удалось, для противо-

---

²²⁷ 227. Fennell. Correspondence, pp. 96-97.

²²⁸ 228. Fennell. History, pp. 158-159; Веселовский, Исследования... опричнины, с. 102.

²²⁹ 229. Веселовский. Исследования... опричнины, с. 103-104.

²³⁰ 230. См.: Россия в средние века.

²³¹ 231. Веселовский. Иссл. опр., с. 295-298.

действия Литве могла стать полезной связью со шведским королевским домом. Кабардинская принцесса поддержала бы черкесскую помощь против крымских татар.

Брачные переговоры с Литвой и Швецией закончились провалом, и 21 августа 1561 г. Иван IV женился на кабардинской княжне Кученей, дочери князя Темрюка. Она была наречена при крещении Марией. Ее отец присягнул в верности царю Ивану ГУ в июне 1557 г. Брат Кученей, Салнук, также перешел в христианство (с именем Михаил). Царь Иван IV очень ценил его службу.²³²

Положение новой царицы в московском обществе было незавидным. Некоторые из бояр бранили ее. Князь Александр Воротынский впал в немилость частично вследствие его неподобающих замечаний оней.²³³ Таким образом, у Марии не было оснований сдерживать царя в его последующих преследованиях предполагаемых предателей среди бояр и высших чиновников.

После смерти Алексея Адашева несколько его родственников и друзей, включая брата Даниила, стали жертвами гнева царя Ивана IV и были казнены (1561-1562 гг.). За исключением Даниила Адашева все они принадлежали к низшему дворянству.

В своем конфликте с членами аристократических фамилий царь Иван IV до сих пор воздерживался от смертной казни. Князь Иван Дмитриевич Вольский, первосоветник Боярской Думы,²³⁴ который был обвинен в намерении бежать в Литву, был арестован, но после двухмесячного заключения прощен при вмешательстве митрополита Макария. Он, однако, должен был произнести особую клятву верности, сопровождающуюся гарантиями многих его друзей (1562 г.).²³⁵

В тот же год два князя Воротынских, известный воевода Михаил Иванович (участник Казанской кампании) и его брат Александр, были обвинены в некоем предательстве. Царь конфисковал их владения. Оба были арестованы и высланы, Михаил – на Белоозеро, Александр – в Галич. Александр был прощен в 1563 г., получил царское порицание еще раз в 1564 г. и затем принял монашеский обет. Михаил был прощен и получил назад часть своих владений в 1564 г.²³⁶

Один из выдающихся бывших членов Избранной рады, князь Дмитрий Курлятев был за неизвестно какое предательство арестован со своей женой, сыном и двумя дочерьми. Всей семье пришлось принять постриг.²³⁷

В мае 1563 г. дьяк князя Владимира Андреевича Старицкого обвинил князя и его мать, княгиню Евфросинью, в заговоре. Царь вызвал епископов, чтобы получить их согласие на суд. Это было необходимо, поскольку Владимир Старицкий был владетельным князем царской крови (двоюродным братом Ивана IV). Митрополит Макарий и епископы посоветовали Ивану IV простить Старицких. Иван IV послушался, но вслед за тем взял бояр, дьяков и других придворных князя Владимира на свою службу и заменил их людьми, в чей верности он мог быть уверен. Это было равноценно организации слежки за князем Владимиром.²³⁸

Все эти казни и репрессии привели в замешательство высших представителей русской армии и администрации, которые вместе составляли правящий институт – двор (двор как центр армии и администрации государя). Никто не считал себя в безопасности.²³⁹ Мораль была подорвана. Некоторые думали о побеге в Западную Русь, т.е. в Великое княжество Литовское.

²³² 232. Зимин. Опричнина, с. 86.

²³³ 233. Там же, с. 90 и 97.

²³⁴ 234. Максимович. Первосоветник, с. 149.

²³⁵ 235. Веселовский. Иssl. опр., с. 112-113, 124-125.

²³⁶ 236. Там же, с. 113.

²³⁷ 237. Там же, с. 113-114.

²³⁸ 238. ПСРЛ, 13, часть II, 368.

²³⁹ 239. Веселовский. Иssl. опр., с. 114.

Единственным человеком, который оказался способным в силу своего морального авторитета сдержать нрав царя, был престарелый митрополит Макарий. Его смерть 31 декабря 1563 г. была великой потерей как для царя Ивана IV, так и для России.

Литовские князья хорошо знали об этой ситуации. По их совету Сигизмунд Август начал посылать секретные послания тем московским боярам и чиновникам, которые явно намеревались бежать от царя Ивана IV. Он пригласил их перейти на литовскую сторону и обещал высокое положение и владения в Литве.

В начале 1564 г. такое послание получил князь Курбский. После ареста и смерти Адашева положение Курбского стало ненадежным. После смерти же митрополита Макария Курбский потерял все надежды относительно восстановления нормальных отношений между царем и правящим классом в целом (не только бояре были затронуты царскими репрессиями). 30 апреля 1564 г. Курбский бежал из Юрьева (Дерпт), где он занимал пост воеводы, к литовской заставе Вольмар (Валмиера) в Латвии. Он проследовал в Вильно и был радушно принят королем Сигизмундом Августом.²⁴⁰

V

Разногласия между царем Иваном IV и правящим институтом царства, за которые сам царь был более ответственен, чем кто-либо другой, стали особенно опасными для России" поскольку они имели место в период участия Москвы в войне с Литвой, поддерживаемой Крымом.

Война с Литвой началась в начале 1562 г. Сначала внимание Москвы было отвлечено набегами крымского хана Девлет-Гирея, который разграбил Мценск, Одоев, Белёв и многие другие города.²⁴¹

И лишь в декабре мощная русская армейская группа, усиленная татарами и кабардинцами, была собрана для основного похода против Литвы. Высшее командование принял сам царь Иван IV. С ним вместе были князь Владимир Старицкий, царь Симеон Касаевич (последний царь Казани) и многие татарские царевицы, включая Тохтамыш и его брата Бекбулата.²⁴² Князья Иван Бельский и Петр Шуйский были двумя старшими русскими воеводами. Князь Андрей Курбский был одним из командиров арьергарда.²⁴³

Русское наступление было направлено на Полоцк. Оно было успешным, и Полоцк сдался 15 февраля 1563 г. Москва таким образом получила точку опоры на Западной Двине, которая была важным торговым путем к Риге.

Царь, следуя практике Адашева, в своих инструкциях воеводе князю Петру Ивановичу Шуйскому, которого он назначил править Полоцком, и его помощникам, приказал изучать древние обычаи справедливости и управления Полоцка и разрешить полоцким дворянам самим избирать судей.²⁴⁴

Натянутость отношений между царем и его подданными выглядела даже на этой ранней стадии войны с Литвой зловещей. На пути к Полоцку Иван IV в порыве гнева избил до смерти князя Ивана Шаховского. Дворянин Богдан Колычев дезертировал и поскакал в Полоцк предупредить власти о приближении царской армии. Ему не поверили.²⁴⁵

В июне 1563 г., как раз через три месяца после успешного возвращения царя из Полоцка, он приказал арестовать и привести к нему в Александровскую слободу князя Владимира Ста-

²⁴⁰ 240. См.: Россия в средние века.

²⁴¹ 241. Новосельский, с. 428.

²⁴² 242. О Бекбулате см.: Вельяминов-Зерцов, 2,4-11.

²⁴³ 243. ПСРЛ, 13, часть II, 349.

²⁴⁴ 244. АИ, 1, No163; Бестужев-Рюмин, 2,273; Россия в средние века.

²⁴⁵ 245. Веселовский. Иссл. опр., с. 114-115.

рицкого и его мать Евфросинью. Благодаря вмешательству митрополита Макария царь простил Старицких, но лишил Владимира его свиты и поместил под пристальный присмотр своих агентов.

Евфросинья, видя крушение своих надежд, обратилась к царю с просьбой разрешить ей принять монашество. Просьба была удовлетворена, и 5 августа она стала монахиней, выбрав своей обителью Воскресенский монастырь на Белоозере. Царь приказал содержать ее в хороших условиях и назначил следить за оказанием ей всевозможного уважения трех чиновников. Предположительно, они были проинструктированы наблюдать за ней и мешать ее связи с противниками Ивана IV.

В январе 1564 г. литовцы разбили русские войска под командованием князя Петра Ивановича Шуйского на реке Улла к юго-востоку от Полоцка. Сам Шуйский был убит в битве.²⁴⁶ А в апреле Курбский бежал в Литву.

В октябре крымский хан Девлет-Гирей с армией, предположительно достигавшей шестидесяти тысяч, атаковал Рязанскую землю и основательно разграбил ее, не встретив практически никакого сопротивления. Огромное количество людей попало в плен и было уведено татарами. Подмога из Москвы прибыла слишком поздно. Татары уже вернулись домой с многочисленными трофеями.²⁴⁷

Для предотвращения возможности нападения со стороны Швеции, Иван IV должен был согласиться на продолжение шведско-русского перемирия еще на семь лет (1564-1571 гг.), в течение которых шведы сохраняли Ревель (Таллинн) и Пернов (Пярну).²⁴⁸

Литовское нападение на Полоцк в октябре 1564 г. было отбито, но дезертирство бояр и дворянства продолжалось.²⁴⁹ Тем временем многие из тех бояр и сынов боярских, что оставались верными царю, во главе с новым митрополитом Афанасием попросили у Ивана IV прекратить казни, заключить мир с Литвой и обратить свое внимание на Крым.

Это должно было означать возвращение к программе Адашева, а для Ивана IV – признание провала его политики и соглашение на ограничение его самодержавной власти.²⁵⁰ Психологически это было для него невозможно. В то же время, он осознал зловещее значение разрыва между ним и управляющим институтом папства; Он не только был разозлен; он был напуган. Стоявший перед ним выбор состоял либо в отставке, либо в усилении царской диктатуры.

Царь нашел выход из тупика, учредив опричнину.

Иван IV решил рискнуть и отречься от престола, но сделать это так, чтобы его отречение не было принято народом, и он в результате получил бы полную власть и смог бы безжалостно расправиться со своими врагами, реальными или предполагаемыми.

Дабы обеспечить все наверняка, он начал тихо собирать группу служилых людей, которым он мог абсолютно доверять. От них он потребовал особой клятвы верности. Он намеревался создать из них опричный двор, который станет его личным войском, а также внутренним институтом для наблюдения за деятельностью официальной национальной администрации.

Иван IV боялся объявить о новом институте – опричнине – в Москве, где попытка такого государственного переворота могла быть предотвращена существующим правящим институтом бояр, дворян и дьяков. Поэтому он решил временно оставить столицу и удалиться туда, где он будет лучше защищен своими телохранителями – «бандой сатаны», как именовал их Курбский.²⁵¹

²⁴⁶ 246. Россия в средние века

²⁴⁷ 247. Новосельский, с. 428-429.

²⁴⁸ 248. Королюк.с.62.

²⁴⁹ 249. Веселовский. Иssl. опр., с. 122.

²⁵⁰ 250. Там же.с.116.

²⁵¹ 251. Историю государственного переворота см.: ПСРЛ, 13, часть II, 391-395; Карамзин, 9, 76-85; Соловьев, 6, 550-553; Ключевский, 2, с. 173-176; Шмурло, 2, часть 1, 106-107; часть II, 62-78 (обзор мнений историков об опричнине); Зимин. Оприч-

3 декабря 1564 г. царь со своей семьей покинул Москву и направился в деревню Коломенское к югу от города, а оттуда двинулся на моления в Троицкий монастырь. Но это не было обычным паломничеством. Царь приказал избранной группе бояр, дворян, боярских сынов и дьяков, в чьей благонадежности он не сомневался, сопровождать его. Он также приказал отряду провинциальных дворян и боярских сынов следовать за ним в боевом порядке. Среди того, что он взял с собою, были царская казна, иконы, ювелирные изделия и одежда.

21 декабря царь и его кортеж отъехали из Троицкого монастыря в Александровскую слободу на ярославской дороге. Здесь они остановились и укрепили стены и башни.

Обычно, когда царь покидал Москву даже на короткое время, он назначал какого-нибудь боярина для присмотра за столичными делами и административными формальностями в его отсутствие. На сей раз ничего подобного сделано не было. Результатом стали напряжение и замешательство, усиливавшиеся с каждым днем.

3 января 1565 г. Иван IV послал в Москву гонца с письмом митрополиту Афанасию и боярам. В этом письме царь обвинил весь управляющий институт – бояр, сынов боярских и дьяков – во многих преступлениях, таких, как разграбление государственной казны, захват земель, Уклонение от военной службы и предательство. Иван IV также винил иерархов церкви во вмешательстве в пользу виновных, которых хотел наказать. Он объявил, что по причине всего этого он должен оставить трон и просить Бога указать ему подобающее место уединения.

Одновременно с этим письмом посланник Ивана IV привез и другое, адресованное купцам и простолюдинам Москвы, заверявшее, что царь благорасположен к ним. Иван IV приказал зачитать это послание публично.

Очевидно, что царь попытался внести смятение в умы московских жителей, настраивая простых горожан против чиновников и высших классов. Угроза народного восстания, подстреканного царем, была реальной. Правящий институт капитулировал.

Митрополит Афанасий отказался лично поехать в Александровскую слободу, но согласился послать туда в качестве своих представителей архиепископа Новгорода и архимандрита Чудова монастыря, с тем чтобы просить царя вернуть свое расположение боярам, дьякам и всему народу, не оставлять трона, править по своему усмотрению и наказать предателей по своему разумению.

Царь выиграл эту рискованную игру. Его нервное напряжение в ходе этих судьбоносных событий может быть оценено по донесению ливонца Иоанна Таубе, отмечавшего, что ко времени своего возвращения в Москву в феврале, царь потерял все волосы на голове.²⁵²

5 января царь великодушно простил духовенство, бояр и народ и объявил об условиях возвращения на трон в специальном указе, который устанавливал режим опричнины.²⁵³ Эти условия гласили:

1. Царь будет обладать полной свободой власти наказывать и, если необходимо, казнить предателей и конфисковывать их собственность.

2. Царь создаст внутри государства свой собственный отдельный двор. Он изберет персонал своего двора – от бояр до мелких слуг – среди доверенных людей.

3. Даже становясь главой своего личного суда и личных войск, царь сохранит власть как глава государства.

4. Бывшая государственная и военная администрация будет продолжать функционировать, но бояре должны будут адресовать все важные дела царю.

нина, с. 127-134. Лучший анализ дан Веселовским. Иссл. опр., с. 133-144.

²⁵² 252. Таубе, с. 34; Веселовский. Иссл. опр., с. 137-138.

²⁵³ 253. Общий текст указа в летописи см.: ПСРЛ, 13, часть II, 394-395. Оригинальный документ не сохранился. Он хранился в царском архиве, см. каталог документов царского архива, составленный предположительно около 1572 г. «Описи царского архива» под ред. С.О. Шмидта. Москва, 1960, с. 37.

Таким образом, должно было быть введено двоевластие: царская опричнина и земщина. Национальная администрация сохраняла свои традиционные формы, но была подчинена абсолютной диктатуре царя.

Опричнина давала царю средства реализации своей диктатуры и обеспечивала его личную безопасность. В то же время она означала глубокий раскол в близком окружении царя – среди его родственников и крупных бояр. Например, Захарьины-Юрьевы (по линии первой жены Ивана IV) и князь Михаил Черкасский (брат второй жены Ивана), равно как и бояре Алексей Басманов и Иван Чеботов, безоговорочно следовали царю. Другие, находившиеся в брачных отношениях с царской родней, подобно князю Ивану Мстиславскому, князю Александру Горбатову и Головиным, а также бояре Иван Федоров и князья Дмитрий, Петр и Иван Куракины оставались в стороне.²⁵⁴

Расправа с предполагаемыми предателями началась немедленно после обнародования указа. В феврале 1565 г. были казнены князь Александр Борисович Горбатый, его сын Петр, два других князя и окольничий Петр Головин. Князья Дмитрий и Иван Куракины были насильственно пострижены в монахи. Многие дворяне и бояре были высланы в Казань. Вся их собственность была конфискована.²⁵⁵

С целью создания экономической базы для опричнины к опричным приказам были приписаны и поставлены под их прямой контроль многие города и районы с их землями и доходами.

Александровская слобода оставалась главным оплотом опричнины, но в самой Москве был также построен опричный двор и к нему была приписана значительная часть города.

Многое из провинциальных городов, взятые в опричнину, были в центральной части Московии: на запад и юго-запад от Москвы – Вязьма, Можайск и Медынь; на юг – Малоярославец и две части Перемышля; на восток – Суздаль и Шуя. В дополнение под опричную власть отошли многие города и районы на севере Московии, такие, как Тотьма и Устюг, район Ваги.²⁵⁶ Со временем еще многие города были присоединены к опричнине.

Институт опричнины обладал сильной личной армией Ивана IV численностью в одну тысячу опричников. Среди них были князья, бояре, дворяне и сыны боярские. Впоследствии опричный корпус был увеличен. К 1570 г. он включал около шести тысяч человек. Многие иностранцы – ливонские немцы, подобные Иоанну Таубе, и немцы из Германии, такие, как Генрих фон Штаден – были приняты в ряды опричников.

Хотя агенты английской Русской компании в Московии не участвовали в опричнине индивидуально, они обратились к царю с просьбой принять в опричнину всех английских купцов. Они сделали это, чтобы застраховать себя и собственность компании против любого вмешательства опричников. Царь нуждался в английских технических специалистах и импорте английских товаров, включая оружие, и поэтому принял компанию под свою защиту.

По тем же причинам богатейшие русские купцы и промышленники того времени, Строгановы с Урала, попросили царя принять их в опричнину. Они были приняты, и поскольку их финансовая помощь была существенна для царской казны, Строгановым не досаждали.

Судьба русских землевладельцев и землепользователей в районах опричнины была особой. Они были насильственно изгнаны из своих владений, дабы освободить место опричникам. Взамен им отдавались земли в районах земщины, в основном в Среднем Поволжье. Высылка земских землевладельцев в Казанский регион имела две цели: убрать ненадежных бояр и сынов боярских из центральной части Московии и колонизировать вновь приобретенные районы.

²⁵⁴ 254. Веселовский. Иссл. опр., с. 147.

²⁵⁵ 255. ПСРЛ, 13, часть II, 395-396; Веселовский. Иссл. опр., с. 145-149.

²⁵⁶ 256. ПСРЛ, 13, часть II, 394-395; Веселовский. Иссл. опр., с. 162-163.

Следует отметить, что в районах, первоначально взятых в опричнину, было мало боярских вотчин. Изгнание, таким образом, в основном затронуло дворянство.

Поскольку опричники должны были получить большие по размеру поместья, нежели сыны боярские, число изгнанных должно было быть по крайней мере на 50 % больше, нежели опричников, расселенных в бывших владениях изгнанных. Итак, когда число опричников достигло шести тысяч, число изгнанных должно было достигнуть девяти тысяч.²⁵⁷

Правительство практически ничего не сделало для организации миграции изгнанных. Им самим приходилось искать подходящие земли и затем регистрировать их в поместном приказе. В некоторых случаях процедура занимала два или более года.

Не меньшими были беды крестьян в поместьях, определенных для опричников. Немногое опричники подались в царскую гвардию, будучи искренне преданными царю. Большинство было привлечено надеждой сделать блестящую карьеру. В то же время они не были уверены, выживет ли опричнина и не является ли она всего лишь причудой царя. Поскольку цель состояла в быстром обогащении, у них не было стимула для хорошего управления полученными ими земельными владениями; они пытались извлечь из них как можно большую выгоду, пока не поздно. В результате крестьяне во многих поместьях, из которых были изгнаны бывшие владельцы или держатели земли, разорились.²⁵⁸

Жизнь в новом царском дворце приобрела внешнюю видимость монастырской. Опричники носили в стенах дворца черную одежду и именовались братьями; но молитвы перемежались дикими оргиями. У каждого опричника к седлу коня были привязаны собачья голова и метла. Эти эмблемы должны были подчеркнуть их собачью преданность царю и готовность вымести из страны предательство.

Кроме своих жандармских обязанностей опричники в период войны несли службу в гвардейских полках. Сначала, когда они подчинялись жесткой дисциплине, они часто оказывались полезными, но позднее стали деморализованными.

В качестве института опричнина разрушила русскую систему армейской мобилизации и организации. Большая часть русской армии в это время состояла из дворян и сынов боярских. Их районные объединения отвечали как за уголовное судопроизводство, так и за армейскую мобилизацию.

Дворяне и сыны боярские, изгнанные из районов опричнины, были разбросаны по другим провинциям, а их объединения распались.²⁵⁹ Как было сказано, число изгнанных было не менее девяти тысяч, т.е. равнялось почти трети всего числа дворянской армии (около тридцати тысяч).

Что же до опричников, расселившихся на землях изгнанных дворян и детей боярских, то они нахлынули из различных частей страны и нуждались во времени для военной организации.

VI

Как уже указывалось, среди причин конфликта между царем Иваном IV и московским правительством, приведших к созданию опричнины, была убежденность предводителей земства в том, что главную угрозу представляют крымские татары, а не литовцы и, следовательно, основная задача московского правительства – борьба с Крымом, а не с Литвой. Это казалось столь очевидным, что даже после создания института опричнины царь Иван IV должен был обратиться прежде всего к неблагоприятной ситуации на южных границах Московии.

---

²⁵⁷ 257. Веселовский. Иссл. опр., с. 185.

²⁵⁸ 258. Там же, с. 186.

²⁵⁹ 259. Там же, с. 186-187.

В 1565 г. шли переговоры с Литвой и Швецией о мире или, по крайней мере, о перемирии. Сильные русские соединения под командованием князей И.Д. Вольского и И.Ф. Мстиславского (оба были старшими боярами земщины) были переведены с литовского фронта на берега Оки для охраны Москвы от татарских нападений. В октябре Девлет-Гирей действительно совершил набег на Волхов, но быстро ушел, когда получил известие о приближении русских. В 1566 г. он не предпринимал походов на Московию.²⁶⁰

В мае 1566 г. литовские делегаты во главе с Юрием Ходкевичем, прибыли в Москву, чтобы начать мирные переговоры с московским правительством. Московскую делегацию возглавлял боярин Василий Михайлович Юрьев (согласно Зимину, опричник). Одним из помощников Юрьева был дьяк Иван Висковатый.²⁶¹

Литовцы были готовы сдать Московии Полоцк и ту часть Ливонии, что уже удерживали русские, т.е. Юрьев (Тарту), Нарву и некоторые малые города. Царские делегаты были готовы отдать Литве несколько маленьких ливонских городов, но настаивали на передаче русским Риги и Полоцкого края к западу от реки Двины (еще удерживаемой литовцами), поскольку им принадлежал город Полоцк.

Переговоры зашли в тупик. Царь настаивал на присоединении Риги. Однако он желал заручиться в этом вопросе поддержкой ведущих правительственных и армейских групп и торгового люда.

Поэтому он решил созвать для обсуждения ситуации и принятия решения земский Собор. Заседания Собора длились с 28 июня по 21 июля 1566 г. В Соборе приняли участие церковный совет, возглавляемый митрополитом Новгорода Пименом (старейший митрополит Афанасий, испытывавший отвращение к режиму опричнины, ушел в отставку 16 мая); Боярская Дума; дворяне первой статьи; дворяне второго класса (дворяне и сыны боярские); дьяки и служащие; высший слой купечества: гости, московские торговцы и смоляне (смоленские купцы, торгующие в Москве или московские купцы, вовлеченные в иностранную торговлю через Смоленск). Из них 204 человека представляли дворянство и 75 человек – купечество.²⁶²

Каждая из групп, составлявших Собор, давала свои рекомендации отдельно. Все вместе, за исключением Ивана Висковатого, настаивали, чтобы не делать более уступок Литве. Висковатый, не решаясь открыто пойти против царя советом отдать Ригу, предложил, чтобы ливонские посланники дали заверения, что литовцы оставят Ригу в покое.²⁶³ Итак, Висковатый в скрытой форме рекомендовал отложить решение о Риге.

Его мнение не было принято во внимание. 5 июля литовским посланцам сообщили, что дальнейшие переговоры бесполезны. 12 июля они покинули Москву. В феврале следующего года царь послал в Вильно в качестве своего великого посла к Сигизмунду Августу боярина Ф.И. Умного-Колычева. Миссия Колычева провалилась. Он вернулся в Москву в октябре 1567 г.

Обе стороны – Литва и Москва – готовились к возобновлению войны. Сигизмунд Август продолжил свою пропагандистскую войну, тайно посылая московитским боярам предложения бежать с царской службы в Литву. Он обещал им достойное содержание. В 1567 г. четыре выдающихся московских боярина, князь Иван Бельский, князь Иван Мстиславский, князь М.И. Воротынский и Иван Федоров, получили подобные приглашения от Сигизмунда Августа и гетмана Григория Ходкевича. Каждый из них немедленно доложил об этом царю и заверил

²⁶⁰ 260. Новосельский, с. 429.

²⁶¹ 261. О московско-литовских переговорах с мая по июль 1566 г. см.: Сборник РИО, 71. 361-394; Зимин. Опричнина, с. 162-166.

²⁶² 262. Протоколы земского собора 1566 г. см.: Готье. Акты земских соборов, с. 1-12; об этом соборе см.: Латкин. Земские соборы, с. 71-80; Ключевский. Состав представительства на земских соборах, Сочинения, 8,5-112; Зимин. Земский собор 1566 года, Ист. зап., 71, (1962), 196-235; Там же. Опричнина, гл.4, с. 159-210.

²⁶³ 263. Готье. Акты, с. 4-5.

его в своей верности. Иван IV приказал им послать назад оскорбительные ответы с отказом, которые он подготовил лично,²⁶⁴ что они и сделали. (Ивана Федорова все равно казнили). В других случаях получатели хранили письма в тайне и готовились к побегу, во всяком случае, старались не лишиться себя такой возможности.

Как мы видели, при учреждении в 1565 г. опричнины духовенство обещало отказаться от своего традиционного права защищать тех, кто потерял расположение царя. Несмотря на это, митрополит Афанасий продолжал отстаивать подозреваемых перед царем. И поскольку царь редко удовлетворял его петиции, Афанасий 16 мая 1566г. ушел в отставку.

Иван IV выразил желание (при сложившихся обстоятельствах являвшееся приказом), чтобы на митрополичью кафедру был избран архиепископ Казани Герман Полев. Царь помнил, что Герман был одним из следователей по ереси Башкина в 1553 г. В 1555 г., когда была создана архиепископская кафедра в Казани, Герман был одним из ближайших помощников первого архиепископа Казани Гурия. После смерти Гурия Герман сменил его.

Гермаи был стойким защитником православия от еретиков (как показало дело Башкина), но он был глубоко религиозным человеком, а не раболепным искателем царского благоволения. Он был возмущен жестокостями опричнины. Сперва он отказался от кафедры митрополита. Когда же церковный Собор, несмотря на его нежелание, избрал его, он отправился к царю и увещевал его прекратить расправы. Царь разгневался, и Герман не был рукоположен. Он умер в Москве 6 ноября 1567 г., согласно официальной версии, от эпидемии. Курбский говорит, что он был либо задушен, либо отравлен.²⁶⁵

После устранения Германа царь и церковный Собор предложили Эфедру митрополита настоятелю Соловецкого монастыря Филиппу, который принадлежал к боярской семье Колычевых. В качестве соловецкого настоятеля Филипп показал себя талантливым администратором. Он был приглашен в Москву, но, подобно Герману, не хотел принимать приглашение. Он последовательно настаивал, чтобы царь прекратил ненужные казни и уничтожил опричнину. Несмотря на это, царь согласился на рукоположение Филиппа. Филипп должен был пообещать не вмешиваться в дела опричнины, а царь разрешил бы ему давать советы. Это было подтверждением традиционного права высших иерархов вступаться за угнетаемых и преследуемых. Предположительно, царь дал секретное обещание Филиппу воздержаться от злоупотреблений. 20 июля 1566 г. Филипп был рукоположен в сан митрополита.²⁶⁶

На протяжении года после этого террор был не столь жесток. Царь продолжал подозревать существование предательства или, по крайней мере, предательских намерений среди бояр. Ему никогда не приходило в голову, что он своей непомерной жестокостью раздражал служилых людей и толкал их на измену или побег. Получение же в 1567 г. четырьмя видными боярами писем от короля Сигизмунда Августа повело к новой волне террора.²⁶⁷

К осени 1567 г. митрополит Филипп понял, что для него настало время вмешаться. Сперва он увещевал Ивана IV наедине с ним, а когда это не возымело результата, он стал вызывать к нему публично в Успенском соборе в марте 1568 г. Чтобы найти повод избавиться от Филиппа, Иван IV стал искать клириков, которые могли бы выступить обвинителями митрополита. Духовник царя Евстафий и три епископа (одним из них был архиепископ Новгорода Пимен) начали плести против Филиппа интриги. Пимен жаждал кафедры митрополита для себя.

²⁶⁴ 264. Эти письма опубликованы в «Посланиях Ивана Грозного», с. 241-247. Ср.: Россия в средние века.

²⁶⁵ 265. Веселовский. Иссл. опр., с. 372.

²⁶⁶ 266. О Филиппе см.: Г.П. Федотов. Св. Филипп, митрополит московский. Paris: YMCA Press, 1928; Карташев, 1,445-458; Зимин. Опричнина, гл. 5, с.212-260.

²⁶⁷ 267. О режиме террора, установленном Иваном IV и перечне его жертв см.: Шмурло, 2, часть II, 86-98; Веселовский. Иссл. опр., с. 323-478.

Монах того же Соловецкого монастыря, настоятелем которого Филипп был раньше, с одобрения властей предоставил информацию о предполагаемом неверном поведении Филиппа в период его настоятельства. В начале ноября совет епископов постановил сместить Филиппа с должности. Карташев называет этот совет «наиболее позорным из всех церковных соборов во всей истории России».²⁶⁸

Филипп был вывезен в Отроч монастырь в Твери, где около двадцати лет (до 1553 г.) держался в заключении Максим Грек (который умер в 1556 г.). Ожидания Пимена не оправдались. Царь избрал в качестве наследника Филиппа архимандрита Троицкого монастыря Кирилла. Совет епископов согласился; ничего более не следовало ожидать. Кирилл был рукоположен митрополитом 11 ноября 1568 г. Он возглавлял русскую церковь все время расцвета опричнины – 1569-1570 гг. (он умер в 1572 г.) – и никогда не осмелился поднять против нее свой голос.

VII

Некоторое время после создания опричнины царь Иван IV чувствовал себя в относительной безопасности, поскольку верил, что сломал хребет боярской оппозиции. Поддержка, оказанная Ивану IV земским Собором 1566 г. для продолжения Ливонской войны, не могла не дать ему удовлетворения. Однако он должен был заметить подозрительно скрытое несогласие Ивана Висковатого.

Вскоре начало ощущаться общее неудовлетворение продолжающимися казнями, изгнаниями и злоупотреблениями опричников против людей земщины. Пропагандистская кампания короля Сигизмунда Августа и литовских князей, которая настраивала москвитов против политики Ивана IV, таким образом обрела подходящую почву.

Царь должен был знать обо всем этом от своих агентов и шпионов, которые, вне сомнения, преувеличивали опасность, чтобы подчеркнуть полезность опричнины и получить новые милости. Царь теперь начал верить, что среди бояр и дьяков существовал заговор против него. В достоверных источниках не существует указания, что какой-либо организованный заговор действительно имел тогда место. Вне сомнения, многие люди должны были быть напуганы и готовы бежать, что многие и делали. Разумеется, атмосфера была натянутой. Новые преследования лишь увеличивали число недовольных.

Царь ощущал, как почва уходит из-под его ног. В панике он начал думать о побеге за границу. В ноябре 1567 г., дав английским купцам широкие новые привилегии, Иван IV потребовал в своих переговорах с Дженкинсоном, чтобы королева Елизавета согласилась на военный союз между Англией и Московией против Польши. В дополнение он послал через Дженкинсона секретное послание к Елизавете, предлагая соглашение о взаимном предоставлении политического убежища в случае необходимости.²⁶⁹

В июне 1568 г. Елизавета послала нового посла, Томаса Рандольфа, в Россию. Он должен был добиться новых привилегий для английских купцов, но избежать обсуждения вопроса о политическом союзе. Однако Елизавета велела передать царю, «что, если какое-либо несчастье приключится в его владениях,...мы заверяем его, что он будет дружественно встречен в наших владениях».²⁷⁰

²⁶⁸ 268. Карташев, 1,447.

²⁶⁹ 269. Tolstoy. *England and Russia*, pp. 39-40.

²⁷⁰ 270. Там же, с. 45.

По прошению Рандольфа Иван IV принял английских купцов в России в опричнину (20 июня). Одновременно Иван IV послал к Елизавете для конфиденциальных переговоров своего посланника Андрея Совина.²⁷¹

Кажется очевидным, что причиной жестокого обращения царя с митрополитом Филиппом были его недоказуемые подозрения, что митрополит связан с воображаемым заговором.

Даже более уязвимым, нежели Филипп, был царский двоюродный брат князь Владимир Андреевич Старицкий. Следует вспомнить, что в течение болезни Ивана в 1553 г. группа бояр попыталась сделать Владимира его наследником. Царь не мог забыть этот эпизод, равно как не могли его забыть и его противники.

В действительности, сам Владимир никогда не стремился к власти. Это его интриганка-мать, княгиня Евфросиния, урожденная княжна Хованская, мечтала сделать своего сына царем. Но она была вынуждена в 1563 г. уйти в Белоозерский монастырь, жила там под строгим надзором и, таким образом, была лишена возможности вести какую-либо дальнейшую политическую деятельность.

В 1566 г., при опричнине, Владимира заставили поменяться землями с царем Иваном IV. Он потерял Старицу и всю основную территорию владений своего отца. Люди на полученных им взамен землях не были связаны с ним патриархальными традициями.²⁷²

Таким путем были поколеблены основания его авторитета и власти, и он сделался абсолютно зависимым от царской воли. При подобных условиях Владимир не мог бы согласиться возглавить заговор против царя Ивана IV, даже если бы стремился к этой роли. Тем не менее, в глазах противников царя Ивана Владимир продолжал быть потенциальным кандидатом на трон. Этого не могли не знать агенты Ивана IV, и его подозрения насчет Владимира вспыхнули вновь.

Весной 1569 г. ситуация стала для России опасной. В Люблине совместный польско-литовский сейм обсуждал объединение между Польшей и Литвой. Литовские князья неохотно согласились на объединение, поскольку силы одной лишь Литвы были недостаточными, чтобы справиться с армией московитов. Поляки отказались помочь без того, чтобы окончательно связать Литву с Польшей. Дабы увеличить польское преобладание, король Сигизмунд Август в противовес возражениям литовских князей издал два декрета (5 марта и 6 июня), передающие украинские области Великого княжества Литовского (Волынскую, Киевскую, Брадлавскую) Польше. 1 июля 1569 г. был подписан акт объединения.²⁷³ В результате Люблинской унии военный потенциал Литвы более чем удвоился.

Тем временем в Каффе турки готовились к кампании против Астрахани. Ни турки, ни крымские татары не признавали присоединения к России в 1556 г. Для турецкой стороны важное стратегическое значение имела Астрахань. Она была стержневой точкой, которая позволила бы туркам использовать Каспийское море для нападения на Персию и сохранить дружественные отношения с центрально-азиатскими тюркскими ханствами. Кроме того, турки не могли смириться с русским наступлением на Северный Кавказ, который поддерживался кабардинскими князьями, опиравшимися на Астрахань. Наконец, те астраханские и казанские вельможи, которые уехали в Турцию и Крым, чтобы избежать русского правления, продолжали побуждать султана и крымского хана вытеснить русских из региона Средней и Нижней Волги.

В политике султана и хана, однако, существовало различие. Хотя крымские ханы были вассалами султана, они старались поддержать свою автономию и избежать прямого турецкого вмешательства в татарскую политику. Они не желали заменять русский контроль над Астраха-

---

²⁷¹ 271. Там же, с. 67.

²⁷² 272. Веселовский. Иссл. опр., с. 165.

²⁷³ 273. Россия в средние века.

нию контролем османских турок. В то же время хан Девлет-Гирей не решался открыто противостоять султану и вынужден был с ним сотрудничать.

В 1568 г. султан Селим II и его советники решили предпринять кампанию против Астрахани. Эта экспедиция была щедро оплачена турецким великим визирем Мехматом. Подготовка к ней началась летом 1568 г. Было решено послать войска, пушки и снаряжение вверх по Дону на судах до места, где восточный изгиб Дона подходит наиболее близко к западному изгибу Волга. Донские казаки в этом месте перетаскивали свои легкие суда из одной реки в другую. Турки решили прорыть здесь канал, чтобы дать возможность флотилии войти в Волгу и добраться до Астрахани по реке.²⁷⁴

Турецкий экспедиционный корпус под командованием Касым-паши был собран в Каффе весной 1569 г. и подошел к Азову (по-турецки – Азаку) в июне. Согласно А.Н. Курату, турецкие вооруженные силы насчитывали пятнадцать тысяч воинов и ожидали примерно столько же крымских татар, малых ногайцев и черкесов. Кроме того, на галерах насчитывалось около двух с половиной или трех тысяч гребцов, в основном военнопленных, среди которых было около ста пятидесяти казаков и московитский посланник к ногайцам, Семен Мальцев, который позднее написал отчет об экспедиции.

Армия Касым-паши достигла пространства между Доном и Волгой 15 августа. «Но, поскольку почва была холмиста и две реки разделяло около сорока миль, Касым-паша и его помощники поняли,...что любая идея канала исключалась. Вместо этого они решили тащить некоторые из судов волоком по суше».²⁷⁵

В течение пятнадцати дней тысячи людей работали киркой и лопатой, выравнивая землю, но когда они попытались тащить суда, поставленные на колеса, колеса начали ломаться, и эту затею оставили. Флотилия была отослана назад в Азов со всеми пушками, за исключением нескольких легких полевых орудий. Донские казаки, которые не решались противодействовать турецким силам на их пути по Дону, преследовали отступающую флотилию, но урона ей не нанесли.

Армия Касым-паши не имела альтернативы, кроме похода на Астрахань, следуя по линии правого берега Волги через песчаную пустыню. Они достигли полуразрушенного города Астрахань 16 сентября. Русская крепость и новое поселение вокруг нее тянулись на десять миль на юг по острову у левого берега Волги.

Тем временем московское правительство послало к Астрахани для усиления гарнизона по Волге лодки с соединением войск и запасом военного снаряжения. Экспедиционным корпусом командовал князь Петр Серебряный. Поскольку у турок не было подходящих судов, они не могли помешать экспедиции прибыть в Астрахань.

Турецкий обстрел крепости оказался неэффективным (у турок были лишь легкие полевые пушки). Попытки турецких саперов взорвать стены крепости также не удались. Турки оказались в трудной ситуации. Крымские татары не желали оставаться на зиму, турки тоже начинали роптать. Касым-паша был вынужден дать приказ отступать. Его войска начали отступление 26 сентября.

Турецкое возвращение к Азову (около пятисот миль) заняло почти месяц. Солдаты и кони умирали от голода и жажды. «Лишь относительно малое число прибыло в Азак (Азов) невредимыми».²⁷⁶

²⁷⁴ 274. О турецкой экспедиции в Астрахань см.: Соловьев, 6,601-606; Н.Д. Смирнов. Россия и Турция, 1,100-159; Садиков. Поход татар и турок на Астрахань, ИЗ, 22 (1947), 132-166; Н. Inalcik. The Origine of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal (1569), annales de University dAnkara, 1(1946-1947), 47-110; Новосельский, с. 24-27; Kurat, The Turkish Expedition to Astrahan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal, SEEP, no.94 (1961), pp.7-23; W.E.D. Allen. Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century. London, Central Asian Research Centre, 1963; Кушева, с. 248-252.

²⁷⁵ 275. Kerat in SEER, 94, 17.

²⁷⁶ 276. I.d.,p.20.

Через Афанасия Нагого, своего посланника в Бахчисарае, московское правительство было осведомлено о подготовке турок к астраханской кампании. Но Нагого когда началась кампания заключили в тюрьму, и после этого Москва могла рассчитывать по части информации о перемещении турок только на донских казаков.

Московское правительство собрало в Нижнем Новгороде войска, несколько подразделений были посланы вниз по Волге, чтобы помочь гарнизону Астрахани. Одновременно были усилены оборонительные войска вдоль Оки.²⁷⁷

Царь назначил Владимира Старицкого командующим военными силами, собранными в Нижнем Новгороде. Но этот факт ни в коем случае не может рассматриваться как свидетельство доверия царя к князю.²⁷⁸ Посылая его в Нижний Новгород, Иван IV, очевидно, надеялся убрать его из Москвы, по крайней мере на время. Таубе передает, что когда князь Владимир остановился в Коломне на пути в Нижний Новгород, местные власти и все население с воодушевлением приветствовали его.²⁷⁹

6 сентября 1569 г. умерла вторая жена Ивана IV Мария, черкесская княгиня. Она никогда не была популярна среди князей и бояр земства; ее брат, князь Михаил Темрюкович Черкасский, был одним из наиболее влиятельных людей опричнины. Поэтому Иван IV предположил, что она была отравлена заговорщиками, и что следующей жертвой будет он. Эти опасения стоили жизни князю Владимиру. По приказу царя он был схвачен и доставлен в Александровскую слободу. 9 октября царь обвинил Владимира в организации покушения на его жизнь и приказал ему принять яд. Жена Владимира и младшая дочь погибли с ним. Одиннадцать дней спустя мать Владимира, княгиня Евфросинья, была задушена.²⁸⁰

Царь подозревал, что у Владимира много сочувствующих в Новгороде, и теперь он обратил свое внимание на этот город, где не умерли традиции былой политической свободы, и жители пользовались остатками административной автономии. Его подозрения усилились, когда он получил секретную информацию от некоего Петра Волынца (или Волинского), что архиепископ Пимен, бояре и весь город Новгород желают выйти из-под власти царя Ивана IV и перейти на сторону короля Сигизмунда Августа.²⁸¹

Из каталога царских архивов, составленного около 1572 г., нам известно, что среди документов 1569 г. была анонимная петиция, в которой докладывалось, что Петр Волинский слышал «подстрекательские слова» против царя от Федора Новосильского.²⁸² Это, очевидно, относилось к предполагаемому предательству новгородцев.

Существует ли зерно правды в этом обвинении – трудно сказать. Кажется возможным и даже естественным, что многие новгородцы хотели избавиться от Ивана IV и предпочли бы автономии при Сигизмунде Августе режиму опричнины, но нет достоверных свидетельств о существовании организованного с такой целью заговора. Принимая во внимание строгий надзор опричников за страной, лишь малые тайные группы заговорщиков могли существовать без немедленного их обнаружения.

Другое секретное сообщение информировало Ивана IV о предполагаемой измене псковичей, Псковский летописец говорит, что злые люди клеветнически донесли царю Ивану, будто как Новгород Великий, так и Псков хотят перейти на литовскую сторону.²⁸³

²⁷⁷ 277. Сибирский сборник, с. 22-23; Новосельский, с. 430; Зимин. Опричнина, с. 288.

²⁷⁸ 278. «Пискаревский летописец», материалы по истории СССР, 2. Москва, 1955, 76.

²⁷⁹ 279. Таубе, с. 45.

²⁸⁰ 280. Зимин. Опричнина, с. 290-292.

²⁸¹ 281. Новгородские летописи, с. 85; Карамзин, 9, 147-148; Зимин. Опричнина, с. 294.

²⁸² 282. Описи царского архива, с. 7.

²⁸³ 283. Насонов, ред. Псковские летописи, 1, 115.

Последствием всего этого было то, что царь Иван IV начал готовиться к карательной экспедиции против Новгорода и Пскова. Для гарантии он решил наказать и Тверь, поскольку боялся, что традиции былой независимости могли сохраниться и в этом городе.

Тем временем царь должен был обратить свое внимание и на ливонские дела. С апреля 1569 г. Иван IV рассматривал план создания в Ливонии буферного государства, возглавляемого датским принцем, герцогом Магнусом в качестве вассала царя. Предположительно, автором плана был Иван Висковатый. Магнуса этот проект заинтересовал, и в сентябре он отправил своих посланников в Москву. Было достигнуто предварительное соглашение, и 27 ноября посланники получили от царя в Александровской слободе грамоту, содержащую условия для создания вассального Ливонского государства.²⁸⁴

К этому времени все было готово для начала кампании против Твери и Новгорода. В ней приняли участие только опричные войска. Но некоторые первоначальные лидеры опричнины, подобные боярину Алексею Даниловичу Басманову и князю Афанасию Вяземскому, были против этого предприятия. За свое противостояние Басманов в 1569 г., до начала кампании, был казнен; Вяземский погиб предположительно в 1570г.²⁸⁵

Появление недовольных среди опричников должно было глубоко потрясти царя. Он не отменил кампании, но в качестве меры предосторожности решил взять с собой стрелецкий полк.

Экспедиция была подготовлена в Александровской слободе с большой секретностью. Опричники запланировали нанести первый удар при достижении Клина, первого на их пути города бывшего Великого княжества Тверского. Им дали перечень лиц, рассматриваемых как потенциально опасных. Они должны были быть схвачены или сразу же на месте убиты. В определенных монастырях и церквях следовало конфисковать для царской казны деньги и драгоценности. Опричникам разрешалось грабить собственность жителей, рассматриваемых как предателей.²⁸⁶

Убийства и грабежи начались в Клину и продолжились в Твери. Не только бояре и их служилые люди, но также купцы и ремесленники, фактически люди из всех социальных групп были в числе жертв. Точное количество погибших неизвестно, но в одной лишь Твери оно предположительно составило около девяти тысяч убитых.²⁸⁷

Царь использовал общее замешательство, чтобы избавиться от бывшего митрополита Филиппа. По его приказу палач Малюта Скуратов, один из наиболее безжалостных опричников, задушил Филиппа в его собственной келье в Отрочем монастыре 23 декабря.

2 января 1570 г. авангард опричной армии достиг Новгорода. Они немедленно выставили стражу вокруг города, чтобы ни один человек не смог бежать.²⁸⁸ 6 января прибыл царь с полутора тысячами стрельцов и главной силой опричных войск. Царь арестовал митрополита Пимена, названного в секретном донесении 1569 г. главой заговора. Иван IV, однако, не казнил Пимена, а заключил в монастырь для последующего суда над ним.

Но он считал ответственным за действия Пимена новгородское духовенство и приказал конфисковать собственность новгородских монастырей. Дабы еще более наполнить казну, царь также приказал захватить имущество новгородских купцов. Опричникам был разрешен грабеж в пределах и вокруг города по их усмотрению.

Немецкий опричник Генрих фон Штаден рассказывает: «Я был с великим князем (царем) (в новгородской кампании) с одним конем и двумя слугами... Я возвратился в мое имение с

²⁸⁴ 284. Форстен, 1,535-538; Зимин. Опричнина, с. 287.

²⁸⁵ 285. Веселовский. Иссл. опр., с. 372 и 428.

²⁸⁶ 286. Зимин. Опричнина, с. 295-302.

²⁸⁷ 287. Там же, с. 296, ?4.

²⁸⁸ 288. Новгородские летописи, с. 395. Ср. Зимин. Опричнина, с. 298.

сорока девятью конями, из которых двадцать два были запряжены в сани с добром. Все это я отправил в мой дом в Москве».²⁸⁹

Всеобщий разбой и убийства продолжались около месяца. Согласно Альберту Шлихтингу, другому немецкому опричнику, 2770 выдающихся и богатых людей было убито в Новгороде в это время, «не считая людей меньшего социального статуса, равно как и бесчисленной массы простых людей».²⁹⁰ Ливонец Иоанн Таубе заявляет, что было убито двенадцать тысяч богатых новгородцев (мужчин и женщин), а также более пятнадцати тысяч бедных ремесленников и простых горожан.²⁹¹ Этот подсчет кажется надежным. Цифра в шестьдесят тысяч, отмеченная псковским летописцем, вероятно, преувеличена. Сам летописец ссылаясь на слухи.²⁹²

От Новгорода царь повел опричников на Псков, куда он прибыл, согласно Псковской летописи, в первую неделю февраля (между 6 и 13 февраля). Псков, однако, избежал всеобщего разграбления. В церквах и монастырях были конфискованы иконы и ценности, но опричникам воспрещалось грабить собственность священников. Они должны были удовлетвориться коротким грабительским набегом на псковских купцов. Летописец приписывает смену настроения Ивана IV во Пскове – от желания все уничтожить до прощения – двум причинам: находчивости псковского воеводы князя Юрия Токмакова, который убедил псковичей принять царя как почетного гостя и одарить его подарками; и религиозному пылу юродивого, благословенного Николая Салоса, который угрожал Ивану IV божьей карой, если он продолжит резню.²⁹³

У царя Ивана IV могли быть и другие соображения, чтобы не задерживаться во Пскове. Его отношения со Швецией стали натянутыми, и он нуждался в мире или, по крайней мере, перемирии, с Польшей и Литвой. К тому времени как он прибыл во Псков, Иван IV, возможно, получил известие, что польско-литовские послы были на пути к Москве (они прибыли туда 3 марта). Псков избежал дальнейшего разорения, и царь увел опричников в Александровскую слободу.

VIII

В слободе царь организовал учет своим трофеям. Они хранились в специальном строении, хорошо защищенном от огня.²⁹⁴ Иван IV приказал после этого воздвигнуть две новые каменные церкви и наполнить их ценными иконами, сосудами и драгоценностями, конфискованными в новгородских и псковских церквах и монастырях. «После этого, – отмечал Иоанн Таубе, – он уверовал, что господь Бог простил все его грехи».²⁹⁵

Иван IV, однако, не считал дело о предполагаемом заговоре законченным. Он еще не разобрался с новгородским архиепископом Пименом, которого информаторы называли главой заговора. Царь нуждался в нем для расследования дела. Ивана IV преследовал страх, что главный виновник заговора, находящийся за Пименом, так и не установлен и что главы кружка заговорщиков будут обнаружены среди московских бояр и дьяков. Прежде чем нанести по ним удар, он тайно собирал информацию о главных лицах правительства. Ни малейшее свидетельство не ускользало от Ивана IV, если оно могло быть использовано для суда над подозреваемыми.

²⁸⁹ 289. Staden, pp.191 and 185.

²⁹⁰ 290. Шлихтинг, с.29.

²⁹¹ 291. Таубе, с.50.

²⁹² 292. Насонов, ред. Псковские летописи, 1,115.

²⁹³ 293. Там же, с. 116. О Николае Салосе см.: Федотов. Святые древней Руси, с. 201-202.

²⁹⁴ 294. Staden, p.146.

²⁹⁵ 295. Id., p.96; Таубе, с.51.

мыми. Таким путем был подготовлен специальный процесс: дознание по поводу измены архиепископа новгородского Пимена и других.²⁹⁶

Пимен и новгородские официальные лица, купцы и сыны боярские были обвинены в подготовке перехода Новгорода и Пскова по власть короля Сигизмунда Августа. Московскими сообщниками Пимена и новгородцев называли трех высокопоставленных опричников: Алексея Басманова, его сына Федора и князя Афанасия Вяземского, а также нескольких земских дьяков, включая Ивана Висковатого.

По результатам секретного расследования царь лично решал, кого из обвиняемых казнить или наказать иным образом, а кого простить. Имя архиепископа Пимена было упомянуто в последней категории. Факт прощения предполагаемого главы заговора демонстрирует шаткость обвинений и относительно других подозреваемых.

Алексей Басманов был казнен еще до разбоя в Новгороде, поскольку противостоял этому предприятию. Федор Басманов (любовник Ивана IV), очевидно, не был казнен, но умер в 1570 или 1571 гг.²⁹⁷

Будучи озабочен обеспечением своей личной безопасности, Иван IV в то же время остро ощущал необходимость обращения к серьезным проблемам, встающим перед Москвией в сфере международных отношений. Он желал достижения мира с Польшей, чтобы иметь возможность воевать со Швецией. По той же причине очень нужна была нормализация отношений с Турцией. Царь боялся, что турки предпримут еще одну кампанию против Астрахани.

Еще до начала рейда на Новгород было решено послать боярского сына Ивана Новосильцева в Константинополь, чтобы вести переговоры о восстановлении дружественных отношений с Турцией. Новосильцев выехал из Москвы в январе 1570 г., в то время как Иван IV все еще пребывал в Новгороде.²⁹⁸

Иван IV прибыл в Москву из Александровской слободы 4 мая 1570 г. и немедленно погрузился в дипломатическую деятельность. В реальности именно Иван Висковатый был центральной фигурой в московской дипломатии. Но Иван IV уже сомневался в верности Висковатого и желал от него избавиться. Но услуги Висковатого были столь Важны, что Иван IV намеревался в полной мере использовать его таланты для рассмотрения трудных текущих проблем перед тем, как убрать его.

К 22 июня русско-польские переговоры завершились проектом трехгодичного перемирия между Польшей и Москвой, который подлежал ратификации со стороны короля Сигизмунда Августа.

Следует отметить, что польский посол Ян Кротовский был активным членом евангелического сообщества гусситских традиций, известного как чешские братья (по-английски обычно – богемские братья),²⁹⁹ и один из его ведущих проповедников, Ян Рокита, сопровождал его. Кротовский был сторонником мира между Польшей и Россией. Он был даже человеком, примыкавшим к группе, которая приветствовала выдвижение кандидатуры Ивана IV на польский трон после Сигизмунда Августа, чья смерть, вследствие его плохого здоровья, ожидалась в близком будущем.

План Кротовского состоял в том, чтобы убедить царя разрешить чешским братьям свободу веровать и проповедовать в Московии. Политически это могло сделать кандидатуру Ивана IV более приемлемой для польской и литовской шляхты, среди которой был в это время попу-

---

²⁹⁶ 296. Его резюме было зафиксировано в рукописи, хранившейся в московском Посольском приказе, в 1626 г. См.: Карамзин. Примечания, 9, No299, с. 110-111.

²⁹⁷ 297. Веселовский. Иссл. опр., с. 227.

²⁹⁸ 298. Отчет Новосильцева о его миссии (статейный список) см.: Путешествия русских послов, с. 63-99; Н.А. Смирнов. Россия и Турция, 1, 117-122; Зимин. Опричнина, с. 450.

²⁹⁹ 299. О чешских братьях см.: Россия в средние века; Флоровский. Чехи, 370-376.

лярен протестантизм.³⁰⁰ Кротовский лелеял надежду, что в конце концов сам царь будет обращен к учению братьев. Кротовский мог быть подвигнут в своем начинании благорасположенностью Ивана IV к протестантизму и протестантам.³⁰¹

Рокита принял на себя задачу разъяснения учений братьев царю Ивану и москвитам. У Кротовского не было трудностей с организацией религиозного диспута между царем и Рокитой, поскольку Иван IV считал себя законченным теологом и любил религиозные беседы с московскими епископами и монахами, а также с иностранцами.

Публичная дискуссия между царем и Рокитой имела место 10 мая 1570 г. Царь поставил перед Рокитой несколько вопросов о доктрине братьев. Затем Рокита объяснил свои воззрения. По просьбе царя Рокита составил отчет о дискуссии. После этого царь написал ответ, который был передан Роките 18 июня. В нем царь резко критиковал протестантизм. Надежды братьев, таким образом, не оправдались.³⁰²

Иван IV жаждал нормализовать русско-польские отношения, но был готов порвать со Швецией. 1 июня Иван Висковатый встретился со шведскими посланниками в Москве. Переговоры ни к чему не привели.

К этому времени датский герцог Магнус, которого Иван IV избрал как своего вассального короля Ливонии, был на пути в Москву, к тому же продумывался поход на Ревель (Таллинн).

Чтобы помешать шведским посланникам сообщить об этом королю Иоанну, царь приказал отправить их в Муром и задержать там.

10 июня Магнус прибыл в Москву и был принят с великой торжественностью. Он был официально провозглашен королем Ливонии, дал клятву верности царю и был помолвлен с княжной Евфимией Старинкой, старшей дочерью покойного князя Владимира. Браки между православными и западными христианами были довольно редкими в Древней Руси. Помолвка Евфимии с лютеранином была еще одним примером терпимого отношения Ивана IV к протестантизму.

Магнус привел с собой лишь малый контингент солдат, но в качестве короля Ливонии он был назначен командующим русскими войсками, посылаемыми против шведов. 25 июня он с русской экспедиционной армией двинулся в Ливонию. Он приступил к осаде Ревеля 21 августа.

Царь считал неподобающим казнить предполагаемых заговорщиков во время пребывания шведских и польских послов в Москве в мае и июне 1570 г.

Однако казни начались вскоре после 2 июля, как только польская посольская миссия покинула Москву. Согласно Шлихтингу, Третьяк Висковатый, брат канцлера Ивана Висковатого, погиб первым.³⁰³ По сведениям Гваньини, Третьяк был казнен за то, что якобы оклеветал князя Владимира Старицкого.³⁰⁴ Это было характерно для Ивана IV – возлагать на других людей ответственность за преступления или ошибки, совершенные им самим. Тот факт, что он отдал дочь князя Владимира Евфимию в жены герцогу Магнусу, также демонстрирует, что к этому времени Иван IV посмертно восстановил доброе имя князя Владимира. В противном случае Магнус считал бы это предложение оскорблением, а не почестью.

20 июля были казнены князь Петр Семенович Серебряный, ветеран казанской кампании 1552 г. и защитник Астрахани 1569 г., и дьяк Мясоед Вислый.

³⁰⁰ 300. О распространении протестантизма в Польше и Литве этого периода см.: Россия в средние века.

³⁰¹ 301. Об этом сюжете см.: Платонов. Москва и Запад, с. 28-29.

³⁰² 302. Флоровский. Чехи, 1,376-381. В печати находится отличное издание всех необходимых документов с введением и комментарием Валерия А. Туминса (The Naque, Mouton), Издание профессора Туминса опирается на оригинальную русскую версию, ответа царя Ивана Роките, что прежде была неизвестна. Этот манускрипт был приобретен библиотекой Гарвардского университета в 1959 г.

³⁰³ 303. Шлихтинг, с. 41.

³⁰⁴ 304. Зимин. Опричнина, с.436.

Публичный суд над предполагаемыми предателями, состоявшийся пять дней спустя, стал кульминацией событий. Массовые казни организовывались с мрачной торжественностью в Китай-городе в Москве. Жители Москвы были приглашены присутствовать на этом спектакле. Тысячи горожан явились после того, как царь объявил, что им не причинят никакого вреда. Царь появился полностью вооруженным, в сопровождении опричников и полутора тысяч стрельцов. Шлихтинг рассказывает, что царь лично обратился к толпе и спросил, прав ли он, наказывая предателей. Люди громкими выкриками выражали свое одобрение.³⁰⁵

Для орудий пыток и казни была построена специальная платформа. В огромном котле развели огонь для кипячения воды. Затем из тюрьмы доставили привлеченных к делу о заговоре, их было около трехсот человек. Более чем половину из них царь помиловал.

Все остальные были казнены, большинство из них жесточайшим образом. Дьяк Василий Щелкалов зачитал имена всех приговоренных и огласил обвинения. Первым казнили думного дьяка Ивана Висковатого. Он твердо держался до конца, резко отвергая все обвинения. Согласно Шлихтингу, в этот день были казнены 116 человек, большинство из которых занимали важные места в государственной и земской администрации.³⁰⁶

На некоторое время после массовых казней царь почувствовал себя в большей безопасности. Относительно балтийских дел он был полон надежд, что его новая схема, связанная с созданием вассального Ливонского государства сработает, и что Магаусу удастся завоевать Ревель. По этой причине Иван IV был менее заинтересован теперь в заключении соглашения с Англией и обеспечении там себе убежища.

Осенью 1570 г. царский посланник Андрей Совин возвратился из Англии с двумя письмами, написанными 18 мая королевой Елизаветой Ивану IV. Одно из них было официальным, выражавшим в туманной форме согласие заключить союз с царем; другое – личного порядка, в котором она повторила свое обещание в случае необходимости обеспечить ему убежище, но не вела речи о взаимном соглашении.³⁰⁷

Царю не понравилось это упущение, ибо он настаивал на союзе. Кроме того, он был раздражен тем, что Елизавета не послала к нему собственного посла для заключения формального договора о союзе. Из отчета Совина царь знал, что англичан интересовало лишь дальнейшее развитие торговых отношений. Поэтому царь решил припугнуть их, написав Елизавете, что отменит привилегии английских купцов в России.³⁰⁸

Тем временем переговоры Новосильцева с султаном провалились. А в Ливонии все более осложнялась осада Ревеля.

Дания не послала флот на помощь Магаусу. У русских не было собственной флотилии, только несколько каперов, базировавшихся в Нарве. На море, таким образом, главенствовали шведы, которые могли послать ревельскому гарнизону подкрепления и амуницию. А в марте московское правительство получило известие, что крымский хан готовит кампанию против Москвы. Царь должен был собрать войска на линии реки Оки, чтобы быть готовым к отражению татарского нападения. Ввиду этих обстоятельств, в Ливонию нельзя было послать никакого подкрепления.

16 марта 1571 г. Магаус вынужден был снять осаду Ревеля. Царь даровал королю Ливонии маленький эстонский город Оберполлен. В это время внезапно умерла невеста Магнуса княжна Евфимия Старицкая. По слухам, она была отравлена.

³⁰⁵ 305. Шлихтинг, с. 46.

³⁰⁶ 306. Там же. "Пискаревский летописец", с. 79, дает число 120.

³⁰⁷ 307. ToIstoy. England and Russia, nos. 25-26 (pp. 90-101).

³⁰⁸ 308. ToIstoy, no 28 (pp. 106-110); Английский перевод Даниэля Сильвестра, pp. 110-115. Послания Ивана Грозного, с. 139-143. См. также: Lubimenko, Relations, pp.47-48.

1 января 1571 г. царь назначил князя Михаила Ивановича Воротынского ответственным за оборонительные сооружения по реке Оке, а также за подразделения мобильных войск, наблюдавших за перемещениями татар.³⁰⁹

К апрелю хан Девлет-Гирей собрал татарскую армию, сила которой оценивалась в сорок или более тысяч воинов.³¹⁰ Несколько русских перебежчиков, пострадавших от опричнины сынов боярских, предложили хану свою помощь в качестве проводников или шпионов. Один из них сообщил хану, что царь располагает для противодействия татарам лишь небольшим войском опричников и посоветовал ему направиться прямо к Москве.³¹¹

Когда хан начал кампанию, великие ногайцы (большинство из которых были до этого времени союзниками Москвы) использовали эту возможность для опустошительного набега на район Казани.³¹²

Русская армия, численностью около пятидесяти тысяч,³¹³ состояла как из опричных, так и земских полков. Царь назначил опричника, князя Михаила Черкасского (брата царицы Марии), главнокомандующим всей армией. Земские войска находились под командованием князей Ивана Вольского и Ивана Мстиславского.

Между силами опричнины и земщины были значительные разногласия, и в целом моральный дух войск был низок. Царь Иван IV не мог не заметить этого, когда в сопровождении полутора тысяч стрельцов прибыл в Серпухов, где находился штаб князя Черкасского. Царь был в нервном состоянии и искал козла отпущения, которого бы мог обвинить в плохом состоянии армии. Формально ответственность легла на командующем армией, князе Черкасском.

Видимо, в этот самый момент царь получил информацию, которая заставила его усомниться в верности Черкасского. Согласно сообщению, отец Черкасского, кабардинский князь Темрюк и одновременно тесть царя со стороны его второй жены, царицы Марии, предал царя и вместе с другими кабардинскими князьями присоединился к хану Девлет-Гирею в его кампании против России.³¹⁴

Информация была ложной.³¹⁵ Она была, возможно, сознательно распространена агентами Девлет-Гирея, вероятно, одним из русских перебежчиков. Тем не менее, Иван IV приказал казнить Черкасского. Согласно Штадену, это было сделано стрельцами.³¹⁶

В панике Иван IV поспешил прочь в Александровскую слободу, но, все еще не чувствуя себя в безопасности, отправился далее – к Ростову, Ярославлю, Вологде и, наконец, остановился в Беляозере.³¹⁷

Армия была оставлена в замешательстве и начала торопливо отступать к Москве. 23 мая Девлет-Гирей подошел к окраинам столицы и поджег южный посад. Не только пригородные районы, но и многие строения в Кремле и Китай-городе были сожжены. Огромное количество людей погибло в пламени или задохнулось от дыма. Среди них был и князь И.Д. Бельский.³¹⁸ Татары разграбили окраины Москвы, а затем, захватив трофеи и более чем сто тысяч пленных (цифра Таубе), отступили.

³⁰⁹ 309. Зимин. Опричнина, с. 457.

³¹⁰ 310. Цифра сорок тысяч дана Таубе, см. Таубе, с. 52. Другие источники дают большие цифры.

³¹¹ 311. Зимин. Опричнина, с. 451.

³¹² 312. Новосельский, с. 30.

³¹³ 313. Там же.

³¹⁴ 314. Staden, p.124.

³¹⁵ 315. См.: Кушева, No277, с. 254.

³¹⁶ 316. Staden, pp. 49-50.

³¹⁷ 317. ПСРЛ, 13, часть 1,301; Веселовский. Ист. опр., с. 307-308.

³¹⁸ 318. Таубе говорит, что более 120 000 погибли в этот день (Таубе, с. 53-54).

IX

В середине июня царь возвратился в Александровскую слободу и начал расследование причин поражения русской армии, среди коих он подозревал и предательство некоторых командиров. Среди шести опричных воевод (не считая ранее казненного князя Михаила Черкасского) трое были объявлены виновными и казнены.

Главный земский командующий, князь Иван Мстиславский, под пытками признался, что он и боярские воеводы одобрили стремление хана Девлет-Гирея пойти на Москву. Мстиславский поклялся, что никогда больше не предаст Россию. Царь простил Мстиславского, после того как два видных опричника (один боярин и один окольничий) и один земский боярин подтвердили его благонадежность. Обвинение против него явно было ложным.³¹⁹

Казнь трех опричных воевод показывает, что царь был разочарован в опричнине как военной силе и терял веру в преданность опричников в целом.

После массовых казней, последовавших за нападением на Москву крымского хана и столичного пожара, Иван IV обратился к семейным делам и начал подготовку к своему третьему браку и первому браку царевича Ивана. Царь выбрал в невесты Марфу Собакину из рода Нагих, дочь боярского сына из Коломны; царевич должен был жениться на Евдокии Сабуровой. Свадьба Ивана IV состоялась 28 октября; Ивана Ивановича – 4 ноября.

Супруга царя заболела и скончалась через две недели после свадьбы. Царь был уверен, что ее отравили. То, что такое могло случиться в Александровской слободе – цитадели опричнины – усилило страхи и додозрения Ивана IV.

Тем временем был получено известие, что один из главных советников Ивана IV в ливонских делах Иоанн Таубе предал царя и 21 октября с помощью подразделения ливонских войск, состоявшего на русской службе, попытался захватить крепость Дерпт. Попытка была отбита русским гарнизоном, и затем Таубе попросил убежища у командующего шведскими войсками в Ревеле. После получения отказа он предложил свою службу королю Сигизмунду Августу и перешел на польско-литовскую сторону.³²⁰

В дополнение к этой неприятной новости царь узнал, что крымский хан готовится к новой кампании против Москвы.

При всем этом, после окончания двойного свадебного празднества в Александровской слободе и смерти несчастной царицы Марфы Иван IV объявил о своем решении начать войну против Швеции. В декабре он повел объединенную опричную и земскую армию к Новгороду, который был избран базой военной операции. Его сопровождали царевич Иван, крещеный татарский царевич Михаил Кайбулович из астраханского царского дома, царь Саии-Булат из Касимова и король Магнус.³²¹

Иван IV прибыл в Новгород накануне Рождества и на следующий день послал воинский контингент в рейд по шведской территории. 7 января Иван IV принял шведских послов (задержанных в июне 1570 г.) и согласился на перемирие до 25 мая. Он разрешил посланникам возвратиться в Швецию и послал с ними письмо королю Иоанну в котором он выразил свое желание продолжать переговоры, но настаивал на передаче Москве Ревеля.

В действительности царю хотелось избежать в это время войны со Швецией. Его тайной целью прибытия в Новгород была подготовка убежища в случае новой атаки на Москву хана Девлет-Гирея. Царь пришел к убеждению, что Александровская слобода слишком близка к Москве и, следовательно, уязвима.

---

³¹⁹ 319. Веселовский. Иссл. опр., с. 308; Зимин. Опричина, с. 463-464.

³²⁰ 320. М.А. Таубе. Иоганн Таубе, советник царя Ивана Грозного, Новый Журнал, 71 (1963), 187-189.

³²¹ 321. Сибирский Сборник, с. 31-35.

Поэтому он приказал доставить в Новгород свою казну (или ее большую часть). Согласно новгородскому летописцу, царские ценности были перевезены на 450 телегах. С.Б. Веселовский полагает, что полный вес перевезенного груза составил 9000 пудов (около 164 тонн). Казна была уложена в подвалах трех церквей и охранялась стрельцами.³²² После этого Иван IV возвратился в Москву для организации обороны против надвигающейся армии хана Девлет-Гирея.

Все выглядит так, будто эти меры были рекомендованы группой высших бояр, а Иван IV лишь одобрил их. Он назначил татарского царевича Михаила Кайбуловича исполнительным главой ближней Думы. Последнего именовали «царевичем Астрахани», видимо, в пику притязаниям Девлет-Гирея на Астрахань. Жена Михаила была дочерью боярина Ивана Большого Шереметева, которого заставили принять постриг в период волны террора лета 1570 г.³²³

По контрасту с неудачными кампаниями прошлых лет, когда опричные полки воевали отдельно от земских сил, каждый полк на сей раз состоял из частей обоого типа. Во главе основной армейской группировки (большого полка) были два ведущих земских воеводы – князь Михаил Воротынский и боярин Иван Меньшой Шереметев (младший брат Ивана Большого Шереметева). Следующая по значению армейская группа находилась под командованием опричного воеводы князя Никиты Одоевского и земского боярина Федора Шереметева. Армия состояла из более чем двадцати тысяч человек.³²⁴

И именно в это время царь Иван IV пожелал жениться вновь. Подобно своему третьему браку, он избрал дочь сына боярского из Коломны, Анну Колтовскую. Трудность состояла в том, что, согласно канонам православной церкви, жениться разрешалось лишь трижды. Митрополит Кирилл умер 8 февраля. Временным главой церковной администрации был архиепископ Новгорода Леонид, который собрал совет епископов. Ни один из них не решился противиться желанию царя, и 29 апреля Иван IV получил разрешение на новый брак.

После свадьбы Иван IV и его молодая жена отправились в Старицу и затем – в Новгород, куда и прибыли 1 июня. Царь был торжественно принят архиепископом Леонидом и духовенством.

Проходили дни и недели, царь напряженно ждал новостей из армии. В это время он написал новое завещание.³²⁵ 31 июля пришло известие, что хан с огромными силами приближается к Оке. На следующий день царь даровал собору Святой Софии «большую свечу». 3 августа архиепископ и духовенство вознесли в соборе молитвы.

Три дня спустя два специальных гонца принесли царю весть о победе.

Решающая битва произошла 30 июля на расстоянии сорока пяти верст (тридцати миль) к югу от Москвы. Как татары, так и их союзники ногайцы понесли тяжелые потери. Несмотря на это, в течение двух дней Девлет-Гирей пытался отбиться. Он был вновь разбит и бежал с остатками своей армии в Крым.³²⁶

На сей раз в русской армии не было разброда. Между опричниками и земскими войсками царил духовное единение и действовали они слаженно. Стратегически победу обеспечил князь Воротынский. Среди других командиров важную роль сыграл опричник князь Н.И. Одоевский.

17 августа царь отправился из Новгорода в Москву. Две недели спустя за ним последовали повозки с его казной. Он вернулся в Москву не столько в праздничном, сколько в смущенном состоянии духа. За последние два года он потерял веру как в верность, так и в дееспособ-

³²² 322. Новгородские летописи, с. 119-121; Веселовский. Иссл. опр., с. 194 и 310-311.

³²³ 323. Садиков. Очерки по истории опричнины, с. 71; Зимин. Опричнина, с. 439 и 465.

³²⁴ 324. Зимин. Опричнина, с. 468-469.

³²⁵ 325. Веселовский. Иссл. опр., с. 305.

³²⁶ 326. Зимин. Опричнина, с. 473-474.

собность опричного корпуса. Более того, он начал понимать, что пропасть между опричниной и земщиной угрожала самому существованию Русского государства.

В завещании, написанном в Новгороде, Иван IV оставлял решение о сохранении или роспуске опричнины на волю своих сыновей, Ивана и Федора.

Война с татарами в 1572 г. укрепили его уверенность в необходимости роспуска опричных войск. Разделение и напряженность между опричными и земскими соединениями были одной из причин поражения предыдущего года. Теперь же совместные действия войск под главным командованием земского воеводы завершились успехом.

Стало ясно, что роспуск опричнины необходим как для укрепления армии, так и для восстановления национального единства. И Иван IV сделал это, правда, почти случайно.

5. Последствия опричнины и конец Ливонской войны

I

Завещание царя Ивана IV, написанное в Новгороде в августе 1072 г. в атмосфере напряженности, во время ожидания новостей с татарского фронта, открывается исповедью в его грехах, выдержанной в витиевато-покаянном стиле. «Я превзошел в беззаконии всех преступников от Адама до наших дней... поэтому каждый ненавидит меня... Я животен в моих помыслах... Я осквернил самую мою голову неподобающими желаниями и мыслями; мой рот – убийственными и похотливыми словами; мой язык – непристойностью и богохульством, произнося слова обиды и гнева; мои руки – прикосновением к тому, что не подобало мне, – ненасытным грабежом; мои чресла – чудовищным развратом... направляя их на любое возможное злое дело... мои стопы, всегда торопясь свершить злые дела, убийство и грабеж».³²⁷

При составлении своего завещания царь Иван IV был, кроме того, угнетен страхами и подозрениями относительно боярского заговора. Он действительно продолжал полагать, что преследуем боярами. Его посетила мысль, что это было Божьим наказанием за его грехи.

Явно ссылаясь на опричнину, которую он создал для защиты себя от боярской оппозиции, Иван IV продолжал: «...вследствие множественности моих преступлений, из-за гнева Божия, я был изгнан своенравными боярами из моей вотчины (Москва) и должен был скитаться в различных краях (Александровская слобода, Вологда, Старица, Новгород).»

Затем, обращаясь к двум своим сыновьям, царевичам Ивану и Федору, царь предупреждает их, что если Бог не ослабит свой гнев, то они могут также пострадать за его грехи. Они должны молить бога и никогда не отчаиваться;³²⁸ царевич Иван (когда станет царем) должен относиться к Федору, как к сыну; Федор должен подчиняться старшему брату как своему отцу; и каждый из них должен любить другого и не ссориться с ним. Они должны помогать друг другу в сохранении своих служилых людей в подчинении. И в случае междоусобной борьбы или восстания, Иван и Федор должны будут судить виновных справедливо и, в случае их виновности, отменять смертные приговоры, когда возможно. «Царь должен быть терпелив по отношению к преступникам.»

В этом духе, упраздняя в 1572 г. опричнину, Иван IV, кажется, понимал необходимость восстановления справедливости и организации нормальной работы государственной администрации. Однако, поскольку его боязнь боярской оппозиции не уменьшалась, он продолжал прибегать к произволу и террору, но уже не до такой степени, как во время опричнины.

Иван Тимофеев, автор «Временника», важного историко-политического произведения об истоках смутного времени, полагал, что Иван IV, вводя опричнину, хотел разделить Россию на две части, верность одной из которых не подвергалась сомнению, в то время как другая – большая – стала объектом его попытки подавить действительную или предполагаемую оппозицию.

«Он (царь) представил ненависть всех городов его земли, и его гнев разделил один народ на две половины... Как будто топором он надвое разрубил все свое царство»³²⁹ Но корпус опричнины постепенно деградировал в недисциплинированную банду и стал совершенно ненадежным. И Ивану IV, кажется, не оставалось ничего другого, как разогнать его.

---

³²⁷ 327. ДДГ, No104, с. 426-427. Интерпретация Г. Вернадского.

³²⁸ 328. Там же, с. 427, 432.

³²⁹ 329. Тимофеев. Временник, с. 11-12. Интерпретация Г. Вернадского.

Многие историки, включая таких авторитетных, как С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов, полагали, что понятие «опричнина» было упразднено, и наихудшие злоупотребления опричников прекратились, но этот институт по его сути продолжал существовать до конца правления царя Ивана IV, называясь «двором». Л.М. Сухотин и позднее С.В. Веселовский показали – и, по моему мнению, убедительно – что такая точка зрения едва ли справедлива.³³⁰

Как мы знаем, двор был традиционным институтом княжеской администрации и управления. Когда московский князь стал правителем национального государства, его двор значительно расширился и стал институтом правления царства. Когда царь Иван IV создал опричнину, он выкроил для себя личный двор из управляющего национального двора – земщины.

Когда опричнину упразднили, ожидалось, что приказы, а также персонал обоих дворов – национального и личного царского, объединятся. Но это была нелегкая задача.

При учреждении в свое время опричного двора перечень персонала был составлен, исходя из степени знатности соответствующего положения (разрядные списки). Они пересматривались каждый год. Так появились две различных лестницы административной значимости – списки опричнины и земщины. Те, кто входил в опричный двор, обладали преимуществом по сравнению с земским двором. Когда опричнина прекратила свое существование, опричники потеряли свой былой привилегированный статус.

Каждый случай включения бывшего опричника в общий (земский) список должностей и назначений должен был рассматриваться индивидуально. Ситуация была еще более усложнена местническими генеалогическими притязаниями.

Слияние опричных и земских приказов тоже шло непросто. Оно и не могло быть достигнуто сразу. Некоторое время бывшие опричные приказы продолжали функционировать отдельно под названием «дворовых приказов». Но никогда более они не имели былой значимости.

Упразднение опричнины означало возвращение земельных прав тем землевладельцам и держателям земли, чьи поместья или землевладения были конфискованы для опричников. Удовлетворить требования прежних обладателей было непросто, процесс этот шел беспорядочно и постоянно вызывал замешательство. Упразднение опричнины оказалось легче декларировать, чем залечить раны, ею порожденные.

Оценивая роль опричнины и ее последствия, многие историки выражают мнение, что несмотря на все ее ужасы, опричнина выполнила важную социальную и политическую задачу – расшатала власть княжеской и боярской аристократии, чем очистила путь подъему дворянства.³³¹

Бесспорно, что подъем дворянства вместе с реорганизацией московитской армии, начатой в царствование Ивана III, составили одну из основных социально-политических тенденций русской истории XVI и XVII веков. Укрепление позиций дворянства как в армии, так и в местной администрации было одной из важных реформ, начатых в 1550-х гг. Адашевым и его окружением. Эта политика продолжалась и после устранения Адашева. Меры, направленные на поддержку дворянства, сопровождались при Адашеве и после него указами, ограничивающими земельные права княжеских и боярских семей.

В 1562 г. бывшие удельные князья (теперь же находившиеся на службе царя) Ярославля, Ростова, Твери, равно как и князь Воротынский, Трубецкой и Одоевский были лишены права продавать вотчины или отдавать их в приданое своим дочерям или сестрам. В случае смерти такого князя без наличия у него сыновей его вотчинное владение конфисковывалось царем. Что же касается боярских вотчин, то указ 1562 г. подтверждал более ранний указ, согласно

---

³³⁰ 330. Сухотин. «К пересмотру»; Веселовский. Иссл. опр., с. 196-199.

³³¹ 331. Обзор научных мнений относительно опричнины см.: Шмурло, 2, часть II, 62-86; Веселовский. Иссл. опр., с. 1-37; Зимин. Опричнина, с. 7-80.

которому бояре в определенных районах (бывших независимых уделах) не имели права продавать свои земельные владения. Новое правило гласило, что если боярин из этих районов умирал, не оставив завещания и близкой родни, то его земля подлежала конфискации.

Для того, чтобы эта политика продолжалась, не нужно было принимать такие революционные меры, как введение опричнины. Основными мотивами царя при организации корпуса опричников были обеспечение его личной безопасности и устранение всех потенциальных препятствий к достижению им абсолютной власти. Опричный террор был направлен не только против бояр. Над другими социальными группами – дворянством, духовенством, горожанами и крестьянами – тяготело подозрение в измене. Пospешная мобилизация земли, порожденная опричниной и плохим управлением земельными владениями, данными опричникам, имели своим итогом общий упадок сельскохозяйственного производства.

При опричнине не было никакой систематической конфискации княжеских и боярских латифундий. Более того, в случае опалы или казни князя или могущественного боярина его земельное владение конфисковывалось от имени царя, оно не обязательно передавалось опричному корпусу, но, возможно, присоединялось к владениям царя. Такие конфискации происходили как до создания опричнины, так и после ее упразднения.

Суммируя исторические результаты опричнины, мы должны констатировать, что порожденный ею хаос добавил новые экономические тяготы к принесенным Ливонской войной. Упадок общественной морали и психологическая депрессия нации едва ли были менее катастрофическими. Возможно, что наиболее трагическим результатом опричного террора (равно как и террора царя Ивана IV до и после опричнины) было уничтожение многих одаренных личностей.

То, что Иван IV это понимал, явствует из его завещания 1572 г., в котором он увещевает своих сыновей вести суды политических обидчиков в духе справедливости и выказывать милосердие, где это возможно. Это был совет прекратить беззаконие опричнины и возвратиться к традиционным нормам справедливости с правовыми гарантиями для подсудимых.

Сам царь психологически был не в состоянии следовать этому мудрому совету. Его комплекс преследования все еще преобладал над его добрыми намерениями. Он продолжал верить в существование вечных боярских заговоров. Любое противоречие его повелениям, любую критику его политики кем бы то ни было он воспринимал как предательство. Поэтому расправы, хотя и стали реже, продолжались.

В сфере международной политики основным пунктом разногший между царем Иваном IV и талантливой группой его советников и военных лидеров была, как и во время опалы Адашева, балтийско-крымская дилемма.

Три высокопоставленных боярина, князь М.И. Воротынский, князь Н.М. Одоевский (бывший опричник) и боярин Михаил Яковлевич Морозов, подобно в свое время Адашеву, побуждали царя заняться татарской проблемой и, закончив Ливонскую войну, удовлетвориться восточной частью Эстонии (включая Юрьев (Тарту) и Нарву, все еще удерживаемую русскими).

Воротынский был основным теоретиком организации обороны против татар, а также успешного отражения атаки армии Девлет-Гирея в июле 1572 г. Князь Одоевский также много сделал для этой победы, в то время как царь Иван IV искал убежища в далеком Новгороде. И эта победа привела к отмене опричнины.

Царь Иван IV не мог не признать ценность услуг Воротынского и Одоевского. Одоевский был пожалован боярством (Воротынский имел боярское достоинство). В то же время царь завидовал успеху двух князей и их популярности, возникшей на этой почве. Кроме того они не были просто служилыми людьми царя. Каждый все еще удерживал часть своего бывшего удела. Их сопротивление его внутренней политике не только раздражало Ивана IV, но и казалось ему опасным.

В апреле 1573 г., когда ожидалось очередное нападение татар, Воротынский, Одоевский и Морозов были назначены воеводам русской армии, развернутой по линии защиты реки Оки. Не принимая во внимание соображения безопасности армии и нормы морали, царь Иван IV воспользовался отсутствием князей в Москве, чтобы избавиться от них. Выразительная вставка в разрядную книгу 1573 г. гласит: «Царь Иван подверг бесчестию бояр-воевод князя М.И. Воротынского, князя Н.Р. Одоевского и М.Я. Морозова и приказал их казнить».³³²

Причина этого приказа неизвестна. Я склонен думать, что три воеводы побуждали царя позволить им начать поход на Крым, чтобы закрепить победу 1572 г. Этот план нарушил бы ливонские проекты Ивана IV и, кроме того, его успех способствовал бы еще больше популярности этих людей.

Последствия казни князя Воротынского и его помощников могли бы стать для России катастрофическими, если бы татары тогда решились напасть. Но они хорошо запомнили свое поражение в предыдущем году и не были готовы к новым сражениям.

Казни бояр, подозреваемых Иваном IV в предательстве, продолжались, хотя и не было такой всеохватывающей волны террора, как во время опричнины.³³³

Эти расправы вызвали гнев и возмущение бояр и высших чиновников. Это стало известно царю Ивану IV, и он вновь почувствовал, также как до введения института опричнины, что следует применить некоторую хитрость, чтобы удержать власть и обеспечить личную безопасность.

Способ, который он придумал на сей раз, был схож с тем, что использовался при введении опричнины, но выглядел более хитрым. В 1565 г., создавая опричнину, Иван сохранил титул царя, высшую государственную власть и контроль над земщиной.

В 1575 г., через три года после упразднения опричнины и роспуска опричного корпуса, Иван IV решил доверить высшую власть другому человеку и представить себя как удельного князя. Он принял титул князя московского.

План Ивана IV состоял в том, чтобы сделать себя менее заметным и направить любую общественную неудовлетворенность государственными делами против личности нового правителя. Этому правителю он дал титул великого князя всея Руси. Титул царя теперь стал неопределенным.

В значительной степени успех или неудача плана Ивана IV зависел от личности нового верховного правителя. Иван IV хотел быть уверенным в том, что новый монарх не примет свою роль слишком серьезно и в действительности будет подчиняться его секретным приказам. Кандидат на такую роль не должен был быть близко связан с любым из боярских родов, но устраивать генеалогически и в иных отношениях бояр и высших чиновников.

Ивану IV удалось найти человека, который отвечал всем этим требованиям. Он был крещеным татаринцем царской крови, бывшим царем Касимова Саин-Булатом (его христианским именем было Симеон). Его отец, Бекбулат, был внуком хана Ахмата, правившего Золотой Ордой. Саин-Булат (Симеон Бекбулатович) был, таким образом, потомком Чингисхана.³³⁴

Находящиеся на московской службе татарские цари и царевичи, как мусульмане, так и крещенные, обладали на московитской социальной лестнице почетным первенством. Те, кто перешел в христианство, роднились с русскими аристократическими семьями. Саин-Булат после крещения женился на княжне Анастасии Мстиславской, дочери видного московского боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского, мать которого была племянницей великого князя Василия III (отца царя Ивана IV). Ее отец был крещеным татарским царевичем Казани по

³³² 332. Сибирский сборник, с. 39. Интерпретация Г. Вернадского.

³³³ 333. Перечень лиц, казненных в царствование Ивана IV, включая период после 1572 г., см.: Шмурло, 2, часть П, с. 86-99; Веселовский. Иссл. опр., с. 354-477.

³³⁴ 334. См.: Вельяминов-Зернов, 2, 9-11.

имени Петр. Мстиславские, таким образом, приходились родней царю Ивану IV, стал его родственником и Симеон Бекбулатович. Разумеется, генеалогическое древо Симеона и его связи были довольно впечатляющими.

Саин-Булат был назначен царем Касимова не позднее 1570г. В следующие два года он принял активное участие в Ливонской войне во главе своего двора из касимовских татар. Он перешел в христианство в 1573г.,³³⁵ и приблизительно 1 сентября 1575г. Иван IV возгласил его великим князем всея Руси.³³⁶

В летописи, составленной около 1625 г., известной как «Пискаревский летописец», сказано, что Иван IV короновал царя Симеона.³³⁷

Это – недоразумение, порожденное тем фактом, что Симеон даже до того, как стал высшим правителем России, именовался царем Касимова. Как верховный правитель России, он стал великим князем.

Из «Пискаревской летописи» нам известны некоторые комментарии действий Ивана IV со стороны его современников. «Некоторые люди говорили, что Иван поместил Симеона (на трон), поскольку предсказатели предупредили его, что в тот год случится изменение: царь Москвы умрет. Другие же считают, что он (Иван) проверил намерения народа: (он желал знать), как люди будут реагировать».³³⁸

И те, и другие, вероятно, были правы. Иван IV, подобно многим своим современникам (и не только в России), был суеверен, боялся колдовства и верил в пророчества. Год, в который должно было сбыться предсказание, для москвитов был 7084 годом с сотворения мира (с 1 сентября 1575 г. до 31 августа 1576 г.).

Иван IV не известил иностранные правительства о назначении нового великого князя Руси. Напротив, он, очевидно, старался не дать иностранным посланникам какого-либо представления о событии. Единственным исключением была Англия. Иван IV раскрыл в доверительных беседах свой план Д. Сильвестру, переводчику Русской компании.

29 ноября 1575 г. Иван IV объяснил Сильвестру, почему он готовил убежище в Англии: «Мы планировали это с нашей сестрой (королевой Елизаветой), ибо в высшей степени предвидели меняющееся и опасное состояние князей и то, что они, как и более простые люди, подвержены колебаниям. Все это заставило нас усомниться в нашем собственном могуществе, и случившееся с нами – плод стечения обстоятельств, ибо мы оставив управление государством, которое отныне передается царем в руки чужака, не связанного с нашей землей и короной. Случившееся поэтому вытекает из извращенного и злого поведения наших подданных, которые сплетничают и покушаются на нас, забывая о лояльном поведении по отношению к нашей персоне. Дабы предотвратить это, мы возложили власть на другого князя (Симеона Бекбулатовича), но сохранили у себя всю казну земли нашей в должной мере и в подобающем месте для всеобщего блага.»³³⁹

Два месяца спустя, 29 января 1576 г., Иван IV вновь упомянул «другого князя», но на сей раз намекнул Сильвестру, что все это не навсегда. «Хотя мы и продемонстрировали вам внешне возведение на трон другого в имперской достоинстве, но это возведение на трон не означало нашей отставки, но скорее то, что по нашему решению мы можем вновь принять на

³³⁵ 335. Там же, с. 3,11-24.

³³⁶ 336. О Симеоне и его правлении см.: Лилеев, с. 3.1 -54; А. Николаев. Симеон Бекбулатович, РБС, том «Сабанеев-Смыслов» (1904), с. 466-469; Сухотин, ЗРНИБ, 13,53-59; Шмурло, 2, часть II, с. 54-62; Ischboldin. Essays of Tatar History, pp.114-115; Г. Вернадский. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович, с.151-169; J.M.Culpepper. The Kremlin Executions of 1575 and the Enthronement of Simeon Bekbulatovich, SR, 24 (1965), 503-506; E.Hulbert. The Zemskii Sobor of 1575, SR, 25, (1966), 320-322.

³³⁷ 337. Пискаревские летописи, с. 81-82 и 148.

³³⁸ 338. Там же, с. 82. Интерпретация Г. Вернадского.

³³⁹ 339. Толстой. Россия и Англия, с. 179-180. Интерпретация Г. Вернадского.

себя это достоинство и сделаем это согласно велению Божьему, ибо не был он коронован или избран, а возведен нашей волей.»³⁴⁰

Из этого можно заключить, что к концу января 1576 г. Ивай IV чувствовал себя более уверенно, нежели за полгода до того, как впервые высказался о необходимости назначить Симеона официальным правителем России. Предположительно, главная причина этого изменения настроения лежала в очевидном успехе Ивана IV в создании сильной и надежной охранной службы, которой ему не хватало со времени роспуска опричников в 1572 г.

По контрасту с его радикальными действиями по созданию опричнины в начале 1565 г., Иван IV теперь обратился к законности. Используя новый титул князь московский, он написал ходатайство к государю, великому князю всея Руси Симеону Бекбулатовичу, прося разрешения выбрать себе новых служилых людей.³⁴¹

Петиция Ивана IV была подана Симеону от его собственного имени и от имени двух его сыновей, Ивана и Федора. Все трое назвали себя уменьшительными именами – Иванец и Федорец. Они просили великого князя дать им право отослать прочь тех служилых людей, которым они не доверяли, и набрать взамен людей из числа служащих великому князю. Списки отобранных следовало скопировать и представить великому князю. «И отныне мы клянемся не принимать кого-либо постороннего без твоего ведома. И, пожалуйста, государь, будь благосклонен к тем, кого мы хотим принять на службу, не лишай их своих вотчин, как это делалось ранее по отношению к удельным князьям. А что касается поместий (эти владения должны были остаться в ведении великого князя), разреши им взять с собой зерно, деньги и все их движимое имущество».

Вопрос стоял таким образом, что эта смена служилого люда санкционировалась великим князем. Таким образом он, а не Иван IV, принимал ответственность за содеянное. Вся процедура приобретала более обычный вид, нежели создание корпуса опричников, а служившие при реорганизованном дворе Ивана IV не обладали такими обширными полномочиями, как опричники.

Существуют некоторые данные, позволяющие предположить, что Иван IV попытался использовать Симеона Бекбулатовича при конфискации церковных и монастырских земель. Иван и Алексей Адашевы, бывшие тогда его ближайшими советниками, думали об этом уже в 1551 г. Правительство остро нуждалось в увеличении своего земельного фонда, чтобы обеспечить офицеров дворянской армии поместьями.

Джилс Флетчер, посетивший Московию в 1588 г., упоминал о таком плане в своей знаменитой книге «О государстве Русском» (опубликована в 1591 г.): «Во имя этой цели Иван Васильевич, покойный император, использовал весьма странную практику, которую немногие князья могли принять в самых крайних ситуациях. Он оставил свое царство некоему великому князю Симеону... как будто бы он предполагал отойти от всех общественных дел к тихой личной жизни. К концу года его правления он побудил этого нового царя отозвать все грамоты, пожалованные епископствам и монастырям, в которых они жили многие сотни лет. Все они были отменены».³⁴²

До сих пор нет подтверждений этого шага, которые бы встречались в русских источниках этого периода. Флетчер мог получить эту информацию от русских или от англичан либо других иностранцев живших в Московии в 1576 г.

Если Симеон Бекбулатович действительно отменил все грамоты, дарованные церквам и монастырям, даже если просто заявил о подобных намерениях, это должно было спровоцировать значительное сопротивление со стороны церкви. В любом случае, если мы хотим поверить

³⁴⁰ 340. Там же, с. 184-185. Интерпретация Г. Вернадского.

³⁴¹ 341. Текст прошения см.: ЗОРСА, 2,371-372; РИБ, 22, кол. 76-77; Послания Ивана Грозного, с. 195-196.

³⁴² 342. Fletcher, p.56.

Флетчеру, Иван IV должен был отказаться от своего замысла и, возлагая всю вину на Симеона, лишить последнего его великокняжеской власти.

Флетчер продолжал: «Сделав это (в качестве жеста неудовлетворенности правлением нового царя), он (Иван) вернул себе скипетр и был удовлетворен (как будто во благо церкви и религиозных людей), что они возобновят свои грамоты и сделает это он: оставив и присоединив к короне столько их земли, сколько он считал нужным. Этим путем он извлек из епископств и монастырей (кроме присоединенных к короне земель) огромную массу денег».³⁴³

Эта информация, вероятно, относится к актам церковного Собора 1580 г.

Тем временем 7084 год от сотворения мира, относительно которого Ивана IV предостерегали предсказатели, подошел к концу. С его окончанием Иван IV утвердился вновь в своей высшей власти и принял опять титул царя. Дабы вознаградить Симеона Бекбулатовича за его службу в роли великого князя всея Руси, Иван IV объявил его великим князем тверским.

II

К счастью для Ивана IV и для России во время правления Симеона Бекбулатовича татарские набеги почти прекратились. Это было во многом результатом усиления русской обороны князем Воротынским в 1572 г. и победа над Девлет-Гиреем в том же году. Даже после казни Воротынского его методы отражения нападений татар продолжали применяться.

В апреле 1577 г. украинские казаки предприняли опустошительную вылазку в окрестности Крыма. Московское правительство помогло им деньгами и амуницией и послало подразделение войска. В ответ крымские татары совершили ряд рейдов на польскую Украину в 1577-1578 гг. Казалось, что надвигалась полномасштабная война между Турцией и Польшей. Однако вскоре султан заключил мир с Польшей и приказал татарам участвовать в двух кампаниях против Персии (1578-1579 гг.)³⁴⁴

Набеги крымских татар стали реже, но несколько кампаний против Московии в бассейне Волги предприняли ногайцы (1576, 1577, 1578 гг.). Их рейды были опустошительны, но не столь опасны для Москвы, как совершаемые крымскими татарами.³⁴⁵

В декабре 1572 г. царь Иван IV возобновил Ливонскую войну против Швеции. Он принял на себя верховное командование и назначил царя Касимова Саин-Булата (будущего Симеона Бекбулатовича) первым воеводой армии. В кампании также участвовал король Магнус. 1 января 1573 г. русские штурмовали крепость Пайде (Вейсенштейн). Бывший жестокий опричник Малюта Скуратов был убит в ходе штурма. Взятие Пайде было важным успехом. Затем царь вернулся в Новгород. Но перед отъездом он разделил армию на две группы, послав в южном направлении короля Магнуса и боярина Н.Р. Юрьева, а в западном – царя Симеона с князем И.Ф. Мстиславским, М.Я. Морозовым и князем Иваном Петровичем Шуйским. Первое войско захватило Каркус (к югу от Феллина). Второе потерпело поражение при Лоде и отступило. В целом кампания была удачной. Русские сохранили как Каркус, так и Пайде. Последующее перемирие продолжалось лишь до 1576 г.

После окончания кампании воеводы вернулись в Новгород, где их ожидал царь. Именно в это время царь Саин-Булат решил перейти в христианство.

И именно в Новгороде праздновалась свадьба Магнуса с тринадцатилетней княжной Марией Старинкой. Она была сестрой княжны Евфимии, помолвленной с Магнусом в 1570 г, которая умерла до свадьбы. Иван IV, нуждаясь непосредственно в Магнусе, отвел ему небольшой удел Каркуса и Оберпалена (Пилтсамаа).

---

³⁴³ 343. Ibidem

³⁴⁴ 344. Новосельский, с. 30-31.

³⁴⁵ 345. Там же, с. 30.

Напряженность в отношениях с Литвой несколько спала в связи со смертью великого князя литовского (короля Польши) Сигизмунда Августа, последнего представителя Ягеллонской династии (7 июля 1572 г.). Затем последовал долгий период междуцарствия, в течение которого каждая группа панов, как в Польше, так и в Литве, поддерживала своего собственного выдвиженца, при этом серьезно рассматривались и кандидатуры царя Ивана IV или его сына Федора.³⁴⁶

Многие влиятельные литовские паны не любили царя Ивана, но, не имели возражений относительно Федора. Значительное количество литовско-русской, а также польско-украинской шляхты было благорасположено к кандидатуре Ивана IV (или же Федора). Их мотивы были различными. Православные, равно как и протестанты, рассчитывали получить защиту от вмешательств римских католиков и униатов. Многие из дворян симпатизировали попыткам Ивана IV ограничить влияние боярской аристократии.

Существовало также некоторое количество литовских панов, которые склонялись к поддержке русского кандидата, чтобы изменить баланс власти между Польшей и Литвой, который был нарушен Люблинской унией 1569 г. Если московский царь стал бы королем Польши и великим князем литовским, двуединая Речь Посполитая (содружество Польши и Литвы) превратилась бы в тройственную федерацию. Литовцы тогда смогли бы заручиться поддержкой русских, чтобы противостоять чрезмерным требованиям поляков. Или же начать сотрудничать с поляками на предмет открытия доступа в Московию и постепенного расширения польского и литовского политического, экономического и культурного влияния в России.

Победила профранцузская партия и в мае 1574 г. польским королем был избран Генрих. Но у него было много противников в Польше и Литве, что способствовало попыткам сближения между Веной и Москвой. Император Максимилиан II в своем письме царю осуждал союз Франции с султаном (который поддерживал кандидатуру Генриха на польский трон), просил Ивана IV помочь христианам в борьбе с исламом и предлагал заключить союз с империей против турок.

Максимилиан с возмущением говорил о злодеяниях французского короля, уничтожившего «более чем сто тысяч своих подданных (гугенотов)» в Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.). В заключение император предложил объединить Польшу с Австрией, а Литву с Москвой.

Царь немедленно отправил к Максимилиану посланника с просьбой предпринять необходимые меры, чтобы задержать Генриха на пути в Польшу. Иван IV выразил свое согласие заключить постоянный союз с империей и сотрудничать в выборной борьбе в Польше. Что же касается резни в Варфоломеевскую ночь, то Иван IV писал: "Христианским правителям подобает сожалеть, что французский король действовал столь негуманно по отношению к столь многим людям и пролил столько крови без должного основания (выделено мною – Г. Вернадский)³⁴⁷

Генриху удаюсь благополучно добраться до Варшавы, но его неприятно задела политическая атмосфера и вынужденная зависимость от настроения панов. Как раз в это время умер его брат король Франции Карл. Как только Генрих получил эту новость, он кинулся в Париж. Он был коронован королем Франции (Генрих III) в феврале 1575 г.

В Польше последовал еще один период междуцарствия. Появился новый кандидат на польский трон, поддерживаемый Турцией – князь Трансильвании Стефан Баторий. На его стороне был влиятельный польский род Зборовских. Но многие польские и литовские паны находились в оппозиции к нему. Их группа, включавшая архиепископа Гнезно Якоба Учарского

³⁴⁶ 346. О междуцарствии в польско-литовском содружестве в 1572-1576 гг. см.: Historia Polski 1, part II, 254-261; Карамзин, 9, 229-249; Соловьев, 6, 611-639.

³⁴⁷ 347. Карамзин, 9, 237-238; Карамзин. Примечания, 9, прим. 433-434, с. 163; Соловьев, 6, 634-635. Интерпретация Г. Вернадского.

и Яна Глебовича, обратилась к царю Ивану IV с предложением выдвинуть и поддержать его кандидатуру. Они рекомендовали ему связаться с влиятельными панями и подготовить средства для выборной кампании.³⁴⁸

Иван IV, однако, не желал расточать деньги на неясные цели. Он предпочел поддержать кандидатуру императора Максимилиана. При выборах в Варшаве голоса разделились. В то время, как Сенат провозгласил королем Польши Максимилиана, палата дворянских представителей избрала королем Стефана Батория при условии, что он женится на сестре Сигизмунда Августа Анне. Казалось, что надвигается гражданская война. В то время как Максимилиан медлил, Баторий вышел на сцену действий и был коронован в Кракове 1 мая 1576 г. Так все и разрешилось.

Баторий был способным военачальником и оказался сильным правителем. Его избрание существенно повлияло на направление польской внешней политики и затронуло весь баланс сил в Восточной Европе. Он был сторонником мира с Турцией, соглашения с Крымом и войны с Москвой.

Если же королем Польши был бы признан Максимилиан, династический союз между Польшей и Австрией мог вылиться в согласованные действия империи, Польши и России против турок и татар. Конфликт между Польшей и Россией в Ливонии мог быть урегулирован переговорным, а не военным путем.

Максимилиан умер 12 октября 1576 г. Будь он в это время королем Польши, на польский трон смог бы претендовать другой представитель австрийской ветви дома Габсбургов. Случилось так, что восстание имперской партии против Батория произошло в Гданьске (Данциг).

Царь Иван IV верно понял значение избрания Батория и начал, подготовку к новой войне. С политической стороны он нуждался в незыблемости своей царской власти. Продолжение «царствования» великого князя Симеона могло привести к негативным последствиям. Поэтому 1 сентября 1576г. царь Иван IV лишил Симеона полномочий правителя всея Руси, сделав его взамен великим князем Твери.

Тверь была выбрана не случайно. Этот регион был стратегически важен как дальняя база сбора войск и запасов для ведения Ливонской войны. В случае военных перемен тверские укрепления могли использоваться в целях обороны. Иван IV нуждался в человеке, которому он мог доверять, опытным военном предводителе, способном управлять этой крепостью. Симеон был таким человеком.

Баторий не мог сразу же напасть на Московию. Ему нужно было время, чтобы укрепить свою власть в Польше и получить согласие панов собрать армию и финансировать военные расходы для подавления восстания в Гданьске.

Он мог выиграть время, начав переговоры. Посланник Батория отправился в Москву в ноябре 1576 г., чтобы договориться с царем и боярами о приеме полномочных литовских послов для обсуждения условий мирного договора. В своем письме Ивану IV Баторий назвал себя господином Ливонии и обращался к Ивану IV как великому князю московскому, опуская титул царя, а также титулы князя смоленского и полоцкого. В Москве это сочли сознательным оскорблением. Царь согласился принять полномочных литовских послов, но потребовал впредь величать его всеми титулами.³⁴⁹

Рассматривая войну с Ливонией как неизбежную, царь Иван решил все же сперва вытеснить шведов из Ревеля, чтобы лишить их опорной базы на южном берегу Финского залива. Русская экспедиционная армия под командованием опытного боярина Ивана Меньшого Шереметева и молодого князя Федора Ивановича Мстиславского (шурина царя Симеона) начала

³⁴⁸ 348. Карамзин, 9,239-240; Карамзин. Примечания, 9, No436,163-164; Соловьев, 6, 630-631.

³⁴⁹ 349. Карамзин, 9,249-250; Карамзин. Примечания, 9, No449; Соловьев, 6,647.

осаду Ревеля в январе 1577 г. Шереметев был убит шальным пушечным ядром. Мстиславский, отчаявшись взять крепость, снял осаду 13 марта.³⁵⁰

Как только русская армия ушла, шведы, ливонцы, немцы и эстонцы начали нападать на русские гарнизоны и поселения в Эстонии, даже вблизи Юрьева (Тарту), грабя, пытая и убивая пленников.³⁵¹

В мае царь Иван IV сконцентрировал свои основные вооруженные силы в Новгороде и Пскове. Великий князь тверской Симеон Бекбулатович был назначен первым воеводой большого полка (главной армейской группы), т.е. главнокомандующим. Его помощниками были наместник Пскова князь Иван Петрович Шуйский и боярин князь Сицкий. Боярин Никита Романович Юрьев был одним из двух воевод правой руки (правого фланга). Князь Ф.И. Мстиславский должен был возглавить передовой полк.³⁵²

В Ливонии все ожидали, что русские опять попытаются штурмовать Ревель. Вместо этого, пользуясь тем, что Баторий занят подавлением гданьского мятежа, царь Иван IV начал большую кампанию против литовцев в Ливонии в конце июля 1577 г.

Он определил королю Магнусу задачу завоевания северной части Латвии (к северу от реки Аа). Основные усилия русских были направлены против южной части Латвии. Кампания была удачной. К 1 сентября вся Ливония, за исключением Риги (и шведского Ревеля), была под властью Ивана IV или его вассала короля Магнуса.

Царь был в отличном расположении духа. Он полагал, что Ливонская война, наконец, выиграна. Когда Иван IV достиг Вольмара (Вальмиера), откуда князь Андрей Курбский более тринадцати лет назад написал ему знаменитое вызывающее письмо, он не мог удержаться от возобновления этой полемической переписки.

Иван IV писал князю Андрею: «..мои прегрешения более многочисленны, чем морской песок, но я верю в милость прощения Бога...и наступающее знамя с начертанным на нем крестом, не нуждается в какой-либо военной хитрости, ибо не только Россия, но также и немцы, литовцы, татары и многие народы знают об этом, спроси их сам и убедишься. Я не желаю считать их, поскольку победы были не моими, а Божьими... А ты писал (в 1564 г.), что мы, как оно и было, ввергли тебя в немилость, послали тебя в далекие города (воевать там). Но теперь мы, волей Божьей, несмотря на наши седины, дошли даже далее, чем твои далекие города, и копыта наших коней скакали по всем твоим дорогам, из и в Литву, и пешком мы их достигли, и мы испили воды во всех этих местах... И туда, где ты сам хотел отдохнуть от всех твоих трудов, и в Вольмар тоже, в место твоего отдохновения привел нас Господь».³⁵³ 12 сентября 1577 г. Иван IV написал литовскому администратору Ливонии, Яну Ходкевичу, заявляя, что завоеванием Ливонии он взял лишь ему принадлежавшее и не вторгся в собственно Литву, не пересек литовских земель. Он желал дружественного соглашения с Литвой и просил Ходкевича и литовских панов посоветовать королю Стефану послать своих полномочных послов для заключения мирного договора.³⁵⁴

Вскоре стало ясно, что русским легче было завоевать Ливонию, нежели теперь удерживать ее. Более того, в 1560 г., 1566 г. или даже в 1572 г. царь мог пойти на компромисс и твердо закрепить за Россией соглашением с Литвой и Швецией восточную часть Ливонии с Юрьевым (Тарту) и Нарвой. Это было бы само по себе крупным достижением, обеспечивающим Моско-

³⁵⁰ 350. Карамзин, 9, 252-253; Карамзин. Примечания, 9, №456, 177.

³⁵¹ 351. Карамзин, 9, 254; Карамзин. Примечания, №458, 178.

³⁵² 352. О ливонской кампании русских 1577 г. см.: Карамзин, 9, 254-265; Карамзин. Примечания, 9, №460, 178-179; Сибирский сборник, с. 59; Лилеев, с. 81-82; Новодворский. Борьба за Ливонию, с. 49-53; Лурье в Посланиях Ивана Грозного, с. 518-519; Donnert, pp. 59, 244-245.

³⁵³ 353. Fennell. Correspondence, pp. 188-189, 194-197. Интерпретация Г. Вернадского.

³⁵⁴ 354. Послания Ивана Грозного, с. 205-207.

вию точкой опоры на северном берегу финского залива. Под русским контролем Нарва была важным торговым портом.

Теперь обстоятельства изменились. Как в Польше, так и в Швеции превалировали сторонники твердой политики в отношениях с Москвой. Баторий намеревался не только вырвать Ливонию из рук Ивана IV, но и нанести сокрушительный удар по самой Московии. Дабы выиграть время, он отправил своих послов в Москву в январе 1578 г. Обе стороны отказались от компромиссного разрешения вопроса с Ливонией. Было заключено трехлетнее перемирие, но ни одна из сторон не намеревалась его соблюдать.

В 1578 г. литовцам удалось вытеснить русских из некоторых ливонских городов, занимаемых ими в предшествующий год. Курбский не преминул использовать это, отвечая на хвастливое прошлогоднее письмо Ивана IV: "Что до твоего хвастовства и запугиваний повсеместно, что ты победил проклятых ливанцев на деле силой животворного креста, то об этом мне не ведомо, и я не понимаю, как это соответствует истине: более правильным (было бы сказать) «знаменами с разбойничьими крестами»... Но польские и литовские гетманы еще даже не начинали готовиться (к войне) против тебя, и все твои ни на что не годные негодяи-воеводы – лучше сказать бродяги – были притащены сюда в цепях из-под твоих крестов, в великий Сейм; здесь все присутствующие издевались и надсмехались над всеми негодяями к твоему грязному и вечному позору и (к позору) всей святой Русской земли."³⁵⁵

Письмо Курбского не могло не рассердить Ивана IV. Еще больший удар по его престижу был нанесен, когда король Магнус бежал на сторону Батория.

К 1579 г. Баторий закончил свою подготовку к большой войне с Московией. Его армия была усилена венгерской пехотой и немецкой артиллерией. Вместо похода на Ливонию (чего ожидал Иван IV) Баторий двинулся с почти пятнадцатитысячной армией на Полоцк. Гарнизон (около шести тысяч) отчаянно сопротивлялся и надеялся, что царь пошлет подкрепление, но он не был готов к этому. 31 августа после трехнедельных боев город сдался Баторию.³⁵⁶

И вновь Курбский не мог сдержать свое злорадство. Он припомнил Ивану IV все его преступления и заявил: «И теперь к этому ты добавил еще одно поругание своих предков, более позорное и тысячу раз более катастрофическое: ты сдал великий город Полоцк со всей его церковью, т.е. с его епископом, и духовенством, с его армией и людьми, (тот город), что ранее (1563 г.)... ты взял штурмом»³⁵⁷

Курбский подписал свое письмо: «Написано в прекраснейшем городе нашего государя, славного короля Стефана, Полоцке... на третий день после захвата города».

От Полоцка Баторий повел свои войска к Соколу, который был взят 25 сентября. Курбский прокомментировал и это событие: «Думаешь ли ты все еще в свете этого (злых дел Ивана); трудно постижимого слуху и невыносимого, что сила животворного креста поможет тебе и твоей армии? Ты – слуга первого зверя и самого великого змия, что с незапамятных времен противостояли Богу и его ангелам, намереваясь уничтожить все творение Бога и всю человеческую природу! До какой поры и сколь долго ты будешь удовлетворять себя человеческой кровью?»

Это письмо было датировано: «на четвертый день после победы при Соколе».³⁵⁸

Полоцк обладал большой стратегической ценностью для Литвы. Он лишал Москву ключа к важному торговому пути к Балтике через Западную Двину. В то же время для Литвы он был военным ключом к Москве.

³⁵⁵ 355. Fennell. Correspondence, pp. 212-215 (перевод Феннелла слегка изменен мною).

³⁵⁶ 356. Гейденштейн. Записки, с. 42-73; Карамзин, 9,295-301; Соловьев, 6,652-654.

³⁵⁷ 357. Fennell. Correspondence, pp. 134-135.

³⁵⁸ 358. I.d., pp. 144-147.

Баторий намеревался сделать из города передовой бастион в идеологической войне между Польшей и Москвой – оплот воинствующей римской церкви. Поэтому он основал в Полоцке иезуитский колледж, и он передал иезуитам все, кроме одной, православные церкви и все православные монастыри вместе с принадлежавшими им земельными владениями.³⁵⁹

III

В 1580 г. Баторий предпринял свою вторую кампанию против Московии и штурмовал важную крепость Великие Луки, которая могла служить удобной базой для нападения на Псков или Новгород, а также Тверь или Москву.

Московское царство оказалось под угрозой вторжения, и царь не знал, ни в каком направлении будет нанесен главный удар Батория, ни как его предотвратить.

Баторий захватил стратегическую инициативу. Русские вооруженные силы были распланы малыми соединениями вдоль обширного фронта от Северной земли до Ливонии. Было очевидно, что у русских нет шанса сохранить всю Ливонию и что они должны уйти в восточную часть Эстонии (Тарту или Нарву), чтобы сохранить для себя хотя бы этот регион. Иван IV, однако, боясь потери престижа, колебался начинать общее отступление.

Экономика Московии переживала спад. Ее ресурсы были подорваны крайностями опричнины и продолжительной Ливонской войной. Постоянный набор в армию – солдат, возчиков, различных работников – вел к значительным потерям людских ресурсов как в сельском хозяйстве, так и в ремесленном производстве. Растущая дворянская армия требовала все большее количество земли для поместий, а недостаток в сельских производителях был особенно острым в дворянских владениях, поскольку крестьяне-арендаторы мигрировали на юг из районов ю северу от Москвы, а также из поместий мелких дворян в родовые вотчины бояр, где были лучшие условия. Государственная казна нуждалась в деньгах, дабы справиться с быстро растущими военными расходами. Царь Иван IV и его советники осознавали всю серьезность этой ситуации. Способы борьбы с трудностями были обсуждены и внедрены в жизнь в течение 1580 г.

Кто же были наиболее приближенные советники царя в это время? С 1571 г. почетное место в московском правительстве принадлежало князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, первосоветнику Боярской Думы. Иван IV, однако, не доверял ему. Единственным человеком, сохранявшим доверие Ивана IV на протяжении его правления, был его шурин (по первой жене) боярин Никита Романович Юрьев. Он был опытным государственным деятелем и воеводой, но ему не хватало инициативы.

К 1580 г. более молодой и способный человек высокого положения поднялся до влиятельной роли в государстве. Это был Борис Федорович Годунов, переживший опричнину. Годуновы, подобно Сабуровым, происходили из татарских князей. Их предок, татарский мурза (князь), поступил на службу к московскому великому князю Ивану I и крестился в 1330 г.

В первой половине XVI в. большинство Годуновых служили как дворяне и ни один из них не поднимался выше должности полкового воеводы. Борис и его дядя Дмитрий Иванович были приняты в опричнину в 1571 г. В начале марта 1575 г. сестра Бориса Ирина была выдана замуж за царевича Федора.³⁶⁰ И не позднее чем в 1578 г. Борис женился на дочери Малюты Скуратова Марии. По этому поводу он был возведен в кравчие (дворцовая должность ниже дворецкого;

кравчий отвечал за царский стол во время церемониальных обедов). Одновременно Д.И. Годунов был возведен в бояре. Борис стал боярином в 1580 г.

³⁵⁹ 359. Россия в средние века; Winter, 1,230.

³⁶⁰ 360. См.: О.Л. Яковлева No 88 к «Пискаревский летописец», с. 163.

Другим человеком, связанным с последними годами опричнины и пользовавшимся доверием царя Ивана после ее упразднения, был племянник Малюты Скуратова Богдан Яковлевич Бельский, способный и энергичный человек авантюрного склада, большой специалист по части различных интриг. В 1578 г. он был назначен оружничим (чиновником, отвечавшим за царское оружие). По-видимому, он стал главным советником Ивана IV по военным делам.

Что же до дипломатических дел, то после казни Висковатого в 1570 г. Иван IV лично ведал ими. У него был способный и надежный помощник, глава посольского приказа, думский дьяк Андрей Яковлевич Шелкалов.

Голландец Исаак Масса, который посетил Москву в начале XVII века, говорит, что Андрей Шелкалов был «весьма лукавым человеком, умным и злым. Он работал день и ночь, подобно мулу, всегда жаловался, что у него немного работы и хочет сделать больше»³⁶¹

Первым шагом к увеличению поместного земельного фонда и наполнению государственной казны, на который решились Иван IV и его советники, было изъятие ресурсов церкви и монастырей. Следует помнить, что во время правления Симеона Бекбулатовича (если верить Флетчеру) была предпринята попытка полной конфискации церковных и монастырских земель, но этому помешало сопротивление церковных иерархов.

На этот раз было решено пойти на компромисс и подтвердить права церкви и монастырей на большинство их земельных владений, но запретить им приобретать какие-либо другие земли или же получать землю как дар любым способом и под любым предлогом. Более того, определенные категории земель, до сих пор контролировавшиеся монастырями, подлежали изъятию у них.

Митрополит московский Антоний и высшие иерархи церкви были уведомлены о решении царского синклита (государственного совета) и подчинились ему. 15 января 1580 г., согласно приказу царя, Антоний собрал церковный Собор, который одобрил царские предложения.³⁶²

Собор подтвердил неотчуждаемость основных земельных владений церкви и монастырей и, ввиду насущных потребностей государства и армии в условиях изнуряющей войны, согласился, что в дальнейшем земли не будут более приобретаться и приниматься в заклад или же в виде дара церкви. Земли, до сих пор заложенные церквам и монастырям, подлежали изъятию в пользу государства. То же правило относилось к бывшим родовым княжеским вотчинам, ныне находившимся во владении церквей и монастырей.

Таким путем должно было быть приобретено небольшое количество земли, необходимое для поместий офицеров дворянской армии. Но оставалась нерешенной еще одна проблема владельцев поместий: постоянные перемещения крестьян-арендаторов, что не позволяло толком управлять землями и снижало их ценность.

Немецкий опричник Генрих фон Штаден, который знал ситуацию по своему собственному опыту (он сам получил поместье), писал в своей книге о Московии: «Крестьяне в стране имеют право перехода (из поместья, где они являются держателями земли) в день св. Георгия (26 ноября)». В опричнину из иных поместий уходили все арендаторы земли. В результате этого многие поместья «становились пусты, т.е. лишены рабочей силы в день св. Георгия». В этом случае царь обычно даровал иноземному опричнику новое поместье, обеспеченное рабочей силой, но «не более трех раз». «Теперь (т.е. в разгар кризиса) иностранец может получить поместье с крестьянскими поселенцами лишь однажды и с большим трудом, поскольку большая часть страны опустошена».³⁶³

³⁶¹ 361. Масса, с. 45; Белокуров. О посольском приказе, с. 30.

³⁶² 362. СГГД, 1, No200, с. 583-587; Ельяшевич, 2, 42-44.

³⁶³ 363. Staden, p. 106-108; русский перевод Полосина, с. 121-123. Интерпретация Г.Вернадского.

Положение русских помещиков было не лучшим, чем у иностранцев на русской службе, а, возможно, и худшим. Неудивительно, что дворянство требовало от правительства ограничить свободу перемещения для крестьян.

По моему мнению, возможно, что дворянские офицеры, которые участвовали в Ливонской войне, и в особенности те, кто получил поместья в восточной части Ливонии, давно удерживаемой русскими, находились под влиянием примера крестьянского закрепощения. Помещики ближней Шелонской провинции (пятины) Новгородской земли могли быть также знакомы с условиями в Ливонии.³⁶⁴

Беды дворянства рассматривались царем, ближней Думой (правительственным советом) совместно с церковным Собором в январе 1580 г. Было решено ограничить свободу крестьянского передвижения, но только временно, в качестве чрезвычайной меры. Царь теперь получил право провозглашения любого года «запрещенным» и «заповедным». В такие годы крестьянам запрещалось покидать поместья, в которых они арендуют землю, несмотря на то, что закон о дне св. Георгия не был отменен. Крестьянина, совершившего переход в такой год, насильственно возвращали на место своего прежнего проживания. В годы, не обозначенные как заповедные, крестьянин мог законно покидать поместье. Такие годы были известны как выходные (от выходить – идти прочь, покидать место).³⁶⁵

IV

Летом 1580 г. Иван IV женился на Марии Федоровне Нагой из дворянского семейства Нагих. Брак был неканоническим (он был седьмым у царя) и не мог быть благословлен церковью. Несмотря на это, он был щедро отпразднован по русской традиции. Иван IV нуждался в таком отдохновении.

В это же время Иван IV попытался противостоять планам Батория дипломатическими средствами. Благодаря своим дипломатам и шпионам, а также информации, получаемой от иностранных посланников и купцов, приезжавших в Москву, посольский приказ имел достаточно материала для ознакомления царя с международной ситуацией.

Баторий был не только главой национального государства (Польша) но также и пылким католиком и другом иезуитов. Как его исповедник, так и его придворный проповедник были иезуитами. Его религиозная политика вдохновлялась духом польской контрреформации.³⁶⁶

Между политикой Батория и политикой римской курии и иезуитов существовало различие в подходах. Как польский король и военный лидер Баторий был склонен думать прежде всего о государственных интересах в его собственном понимании. Он пытался с помощью канцлера Яна Замойского укрепить королевскую власть над панами, в результате чего ему приходилось бороться со значительной оппозицией.

В своей внешней политике Баторий желал сконцентрировать все свои силы против России и тем самым избежать войны с Турцией.

Польша была бастионом римского католицизма в Восточной Европе, и римская курия не могла не одобрять агрессивных планов Батория. Целью воинствующих католических лидеров было обращение московитов в римских католиков или, по крайней мере, в униатов.

Для этой цели война должна была сопровождаться религиозной пропагандой и дипломатической обработкой. Со времени правления Ивана III в Москве папы мечтали убедить мос-

³⁶⁴ 364. Vernadsky. Serfdom in Russia, pp. 261-262.

³⁶⁵ 365. Оригинальный текст указа царя Ивана о заповедных летах не сохранился или же в любом случае не обнаружен. Имеются, однако, многочисленные ссылки на него во многих документах. См.: Polosin. Servage russe; Греков. Крестьяне, 2,256-310; Эльяшевич, 2,68-75; Vernadsky. Serfdom in Russia, pp. 258-263; Blum. Lord and Peasant, pp. 254-255.

³⁶⁶ 366. См.: Россия в средние века; Winter, 1,222-230.

ковских правителей принять вместе с народом римско-католическую веру.³⁶⁷ Если бы это произошло добровольно, войны с Москвией можно было бы избежать.

Что касается русско-польских отношений, то поскольку Баторий был избран на польский престол, папа не мог его не поддерживать. Однако, если бы царь Иван IV высказал какое-либо желание признать верховенство папы, у последнего не было бы оснований поддерживать польские агрессивные планы.

Царь Иван IV был осведомлен об этом и верно предполагал, что если бы он смог установить дипломатические отношения с папой Григорием XIII, ему даже не пришлось бы прямо упоминать о возможности религиозного союза; папа сам бы подумал о такой возможности и поэтому мог быть полезным царю в конфликте с Баторием.

Еще одним противоречием во взглядах Рима и Батория была турецкая проблема. С середины XV столетия папы защитить Европу от угрозы нападения растущей Османской империи. Как Венеция, так и империя Габсбургов воевали с турками.

Нежелание Батория присоединиться к антитурецкому крестовому походу в это время могло рассматриваться как пренебрежение долгом христианского правителя. Царь Иван IV именно так трактовал поведение в своей дипломатической деятельности.

5 сентября 1580 г. царь Иван IV отправил посланника, Истома Шевригина, в Прагу (где была резиденция императора Рудольфа II), Венецию и Рим. Переводчик Шевригина знал немецкий, но не знал итальянского. Поскольку в Польше шла война, они должны были ехать через Пернов (Пярну) (который тогда был еще в русских руках), Данию и Саксонию. Письма Ивана IV императору Рудольфу, Дожу Никколо де Понта и папе Григорию XIII были написаны по-русски. При их доставке в каждом случае адресаты сразу же находили переводчиков.

В своем письме к императору Рудольфу Иван IV сослался на свою Прежнюю дружбу с императором Максимилианом и их совместные действия в течение польского междоусобия в 1572-1576 гг. Иван IV выразил свою готовность сражаться с мусульманами в тесном союзе с Габсбургами во имя защиты христианства. Царь жаловался, что Баторий помог исламу своей дружбой с султаном и обвинял его в нападении на Московию. Иван IV просил Рудольфа написать Баторию и побудить его прекратить кровопролития.³⁶⁸

Иван IV развивал ту же тему в своем письме папе Григорию XIII. Клеймя Батория за его сотрудничество с исламскими правителями и пролитие христианской крови, Иван IV писал: «Поэтому мы хотим быть в союзе и согласии с тобою и императором Рудольфом и сражаться вместе против всех мусульманских правителей, с тем чтобы отныне и далее... не проливалось никакой христианской крови и христианские народы жили в мире, освобожденные от рук мусульман. Мы желаем, чтобы ты, папа Григорий, священник и наставник Римской церкви,... приказал Стефану (Баторию) прекратить объединение с исламскими правителями и пролитие христианской крови»³⁶⁹

Хотя Иван IV предложил папе политическое соглашение, он не упоминал о возможности религиозного союза. Однако, как надеялся Иван IV, сам факт установления прямых и дружественных отношений с папой пробуждал надежды последнего на возможность обращения царя и его народа в римско-католическую веру.

Шевригин достиг Праги 10 января 1581 г. и оставался там до 27 января. В качестве посланца, а не посла, он не имел полномочий заключать формальный договор с империей, ему было поручено побудить императора Рудольфа направить своих посланников в Москву для заключения этого договора. Шевригин был встречен в Праге достойно но без энтузиазма. Имперское правительство не было склонно признать притязания Ивана IV на Ливонию,

³⁶⁷ 367. Россия в средние века.

³⁶⁸ 368. ПДС, 1, кол.785-795.

³⁶⁹ 369. Там же, 10, кол.11-12. Интерпретация Г. Вернадского.

поскольку эта страна традиционно рассматривалась в качестве части Империи. Разумеется, император Рудольф не признавал также ливонских притязаний Батория.

Намерение Шевригина проследовать из Праги к папе произвела сенсацию среди дипломатов. Курьеры, неся эту новость, поспешили в Варшаву, Флоренцию и Рим. Поляки были взволнованы; римская курия, иезуиты и венецианская синьория полны надежд. Последующее движение Шевригина строго отслеживалось.

15 февраля Шевригин был принят на аудиенции венецианским дожем. Он предложил от имени царя союз против турок, а также определенные торговые привилегии.³⁷⁰

Шевригин прибыл в Рим 26 февраля и оставался там до 27 марта. Его уважительно и со всеми церемониями принимали, хорошо размещали и кормили. В помощь ему был предоставлен переводчик с итальянского. Через два дня после прибытия Шевригин был принят папой. Аудиенция не была публичной, чтобы не сердить короля Батория. Шевригин передал папе письмо Ивана IV и просьбу царя прислать посла для переговоров.³⁷¹

Вскоре Шевригин был извещен, что царский запрос удовлетворен. Папа назначил своим тайным послом к Ивану IV иезуита Антонио Поссевино.³⁷²

Поссевино был хорошо подготовлен к миссионерской работе, но не знал русского языка. Он уже имел опыт обращения в веру римской курии и польских иезуитов. Король Баторий всемерно поддерживал его деятельность. В 1579 г. папа основал католический университет в Вильно. Во время рекализации шведов и обращения русских было решено основать семинарии, в которых бесплатно смогут получить образование молодые шведы и русские. 1 июля 1579 г. Поссевино открыл такую школу в Браунсберге. Поссевино был также связан с основанием подобной же школы в Оломоуце в Моравии.

Не ожидая возвращения Шевригина и надеясь на прибытие папского посланника, царь Иван отправил королю Баторию 29 июня 1581 г. письмо, в котором обвинял его в союзе с мусульманами и пролитии христианской крови. Это была та же тема, что он развивал в своем письме папе. Но теперь он добавил еще один аргумент: изначальное единство римско-католической и греко-православной церквей.³⁷³

Для доказательства этого Иван ссылался на Флорентийскую унию 1439 г. при папе Евгении: «И греческий император Иван Мануилович (Иоанн VIII, сын Мануэля), и патриарх Константинополя Иосиф присутствовали на этом соборе, равно как и русский митрополит Исидор. И они постановили, что греческая вера будет тождественна римской. Почему же тогда твои паны возражают против распространения греческой веры в Ливонии? Их папа Евгений постановил, что греческая вера тождественна латинской (римской), и теперь они разрушают это (единство) и они отвращают людей от греческой веры в пользу латинской. И это христианство? Мы не заставляем тех в нашей земле, кто принадлежит к латинской вере, отбросить ее, но сохраняем их на нашей службе, так же, как и православных, сообразно с доблестями каждого и послужным списком – пусть хранят свою веру как желают».³⁷⁴

Это была новая интерпретация Флорентийской унии как единства христианского духа, а не подчинения православной церкви папской власти, что Флорентийская уния в действительности подразумевала.³⁷⁵

Ссылка на авторитет Флорентийской унии находилась в противоречии с московитской исторической и идеологической традициями. Царь едва ли мог подумать, что подобный аргу-

³⁷⁰ 370. ПКСРИ, 1, часть I, No 254,183.

³⁷¹ 371. Отчет Шевригина о его остановке в Риме см.: ПДС, 10, кол. 17-25; отчет папского церемониймейстера, ПКСРИ, 1, часть I, No 266,189-200; Winter, 1,227.

³⁷² 372. Polnin, pp. 3-8; ПКСРИ, I, часть I, No 22,24,25,27,30, с.18-24; Winter, 1,227.

³⁷³ 373. Текст письма царя Ивана см.: Послания Ивана Грозного, с. 213-238.

³⁷⁴ 374. Там же, с.229-230. Интерпретация Г. Вернадского.

³⁷⁵ 375. См.: Монголы и Русь, с. 307-309.

мент сможет убедить Батория. По-видимому, Иван IV упомянул Флорентийскую унию в своем письме к Баторию в качестве приманки для папского посланника, выступавшего посредником в конфликте между Москвой и Польшей.³⁷⁶

Шевригин вернулся в Московию тем же окружным путем через Данию. Он прибыл в Старицу, где в это время находился царский штаб, 17 июля 1581 г. Он привез с собой письма Поссевино к царю боярину Никите Романовичу Юрьеву, а также письмо императора Рудольфа, датированное 11 января.

Тем временем Поссевино направился в Польшу, откуда должен был двинуться в Московию. Согласно полученным инструкциям, ему, предстояло сообщить царю, что папа готов посредничать в конфликте между Польшей и Москвой, а также заключить союз с Москвой для борьбы с турками. Поссевино не должен был, однако, забывать, что политическое соглашение между Римом и Москвой будет возможным лишь на базе церковного объединения.³⁷⁷

Намек царя в его письме к Баторию на возможность такого объединения оказался, таким образом, весьма своевременным. Баторий сначала настороженно отнесся к грядущим переговорам Поссевино с царем, поскольку боялся, что иезуиты будут проводить свою религиозную политику в ущерб интересам Польши. Однако Поссевино удалось уверить короля, что римская курия не предаст Польшу, и что переговоры не приведут к возобновлению польского наступления.³⁷⁸ Но, разумеется, переговоры начались практически вместе с военными действиями.

Вместо объявления войны Баторий 2 августа 1581 г. отправил царю Ивану IV язвительное послание в ответ на письмо последнего от 29 июня.³⁷⁹ На обвинение Ивана IV о пролитии им христианской крови Баторий заявлял, что такому кровожадному человеку, как Иван IV, царствование которого проходит в пытках и убийствах собственных подданных, не подобает проповедовать доброту. В дополнение к этому письму он послал царю множество напечатанных в Германии памфлетов, обличающих его тиранию.

Сделав это, Баторий повел свою армию в направлении Пскова. Отдельно в направлении Ржева на Верхней Волге были посланы небольшие отряды, чтобы помешать московитской армии помочь Пскову. Армия Батория подошла к Пскову 26 августа, и началась осада.

Поссевино прибыл в Старицу (через Смоленск) 18 августа и был принят царем два дня спустя. Переговоры продолжались три недели.³⁸⁰

Поссевино желал на основании царского письма Баторию обсудить для начала церковное единство. Иван IV отказался пока поднимать религиозные вопросы, сказав, что это может быть сделано только после заключения мира с Польшей. Что же касается условий мира, то Иван IV согласился отдать Литве Великие Луки (но не Полоцк) и большую часть Ливонии (но не Юрьев и Нарву). 14 сентября Поссевино отправился в лагерь Батория близ Пскова.

Хотя основной удар Батория был направлен против Пскова, следовало ожидать менее массированных польских атак – и они действительно последовали – по всей русско-литовской границе. Кроме того, нужно было учитывать возможность шведского нападения на Новгород. (Шведы действительно двинулись на Нарву осенью 1581 г.).

Дабы справиться с ситуацией, Иван IV решил основные русские силы под командованием великого князя тверского Симеона Бекбулатовича держать в резерве. Согласно псковскому летописцу, резервная армия, стоявшая у Старицы, насчитывала триста тысяч человек.³⁸¹ Цифра кажется сильно преувеличенной. В любом случае, Иван IV не намеревался использо-

³⁷⁶ 376. См. комментарии Лурье в «Посланиях Ивана Грозного», с. 516-517.

³⁷⁷ 377. ПКДСРИ, 1, часть II, №302, с. 222-228; Polnin, pp. 4-7; Winter, 1, 234.

³⁷⁸ 378. Polnin, pp. 9-10; Winter, 1, 235-236.

³⁷⁹ 379. HRM, 1, 323-350 (латинский текст); выдержки из русской версии см.: Карамзин. Примечания, 9, № 561, 213-214. См. также: Polnin, pp. 16-17.

³⁸⁰ 380. ПДС, 10, кол.39-206; Polnin, pp. 14-17.

³⁸¹ 381. Насонов. Псковские летописи, 2, 263.

вать эту армию, разве что возникла бы угроза самой Москве. Он не слишком рассчитывал на военные действия, будучи поглощен идеей получения достойного мира при посредничестве Поссевино. Но по настоянию Батория дипломатические переговоры не прерывали военных операций. При таких обстоятельствах в целях успеха дипломатические усилия Ивана IV должны были быть поддержаны военными действиями.

К счастью для России, Псков оказался твердым орешком. Этот город был сильно укреплен и хорошо оснащен артиллерией и иными военными приспособлениями. Все активное население города приняло живое участие в обороне под умелым предводительством князя Ивана Петровича Шуйского. Дух сопротивления был подкреплён религиозным рвением. Это помогло псковичам перенести тяжелую осаду.³⁸²

Псковичи ожидали, что царь пошлет им подкрепление, но, за исключением подразделения стрельцов, возвращавшихся из Ливонии, помощи не было. Псковский летописец отмечал с горечью, что царь не разрешил своим боярам повести резервную армию на выручку Пскову.³⁸³

Из этого заявления можно заключить, что военачальники резервной армии, включая первого воеводу Симеона Бекбулатовича, хотели предпринять кампанию по освобождению Пскова, но царь не одобрил этого шага.

Старший сын царя и очевидный наследник, царевич Иван, потребовал, чтобы отец решил ему возглавить кампанию. Рассерженный царь ударил царевича своим посохом с такой силой, что он умер через несколько дней (19 ноября 1581 г.).³⁸⁴

К этому времени поляки уже отчаялись взять Псков 29 ноября в Запольском Яме, поселении к югу от Порхова, начались переговоры между польскими и русскими полномочными представителями с участием Поссевино. Осада Пскова продолжалась, но Баторий выехал в Варшаву 1 декабря, оставив командование канцлеру Замойскому. Осаждающие были столь же истощены, что и осажденные, но дух последних оказался сильнее.

15 января 1582 г. было заключено десятилетнее перемирие. Россия сдала Ливонию и Полоцк. Польша вернула Москве русские города, захваченные Баторием во время войны, за исключением Полоцка.³⁸⁵

После заключения перемирия Поссевино направился в Москву для обсуждения с царем возможности церковного объединения. Он прибыл 13 февраля 1582 г. Поссевино выполнил свою посредническую миссию, но, с точки зрения Ивана IV, не очень удачно, поэтому царь неохотно шел на обсуждение с иезуитом религиозных вопросов. Но ему подобало выполнить свои обязательства.

Поссевино неоднократно встречался с царем, вел переговоры с боярами и представил множество меморандумов Ивану, но не смог убедить его согласиться на церковное объединение.³⁸⁶

³⁸² **382.** Об осаде Пскова Баторием см.: Малышев. Повесть; Насонов. Псковские летописи; 2,262-263; Гейденштейн. Записки, с. 198-260; Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. См. также: Соловьев, 6, 663-664, 723-724; Donnert, p. 81, 248; Новодворский. Борьба за Ливонию, гл. 5.

³⁸³ **383.** Насонов. Псковские летописи, 2, 263.

³⁸⁴ **384.** Там же. Веселовский. Иссл. опр., с. 337-359, отдаёт предпочтение иной версии этого трагического события, согласно которой конфликт между царем и его сыном имел не политические, а семейные причины. На мой взгляд, повествование псковского летописца выглядит достоверным. Конечно, возможно, что политический конфликт был отягощен и семейными разногласиями.

³⁸⁵ **385.** Дневник Поссевино относительно переговоров в Занольском Яме, НКМ, приложение, No 32, с. 74-100; Новодворский. Борьба за Ливонию, гл. VI; Historia Polski, 1, part II, 501; Donnert, p. 248.

³⁸⁶ **386.** Русскую хронику остановки Поссевино в Москве (14 февраля - 11 марта 1582 г.) см.: ПДС, 10, кол. 259-350; Описание религиозных споров Поссевино см.: НКМ, приложение, No 33-37, с. 100-125; сводку споров см.: Polnin, pp. 34-59. См. также: Winter, 1, 238-239.

И хотя Баторию удалось вытеснить русских из Ливонии, он не смог достигнуть какого-либо соглашения с третьей соперничающей стороной – Швецией. Таким образом, был открыт путь к будущему конфликту между шведами и польско-литовским государством.³⁸⁷

Осенью 1581 г., пользуясь тем, что как русские, так и польские военные силы были сосредоточены во Пскове, шведы взяли Нарву. Поляки желали сами обладать Нарвой, но не могли более вырвать ее у шведов.

Шведы находились под командованием Понтуса Делагарди, французского наемника, находившегося на датской службе, в свое время попавшего к шведам в плен и предложившего им свои услуги. Взяв Нарву, Делагарди повел свои войска на русскую территорию и захватил Иван-город, Ямгород и Копорье. Дальнейшее шведское наступление на Новгород или Псков, а то и на оба города, казалось неизбежным.

Русские не могли бросить необходимые силы против шведов вследствие опасной ситуации в районе Средней Волги. В 1580 г. черемисы (мари), подстрекаемые и поддерживаемые великими ногайцами, начали новое восстание. В 1581-1583 гг. ногайцы при поддержке мари предприняли несколько опустошительных походов к западу от Волги в район Длатыря, Коломны, Белёва и Новосиля. Чтобы разгромить мари и ногайцев нужно было мощное войско.³⁸⁸

При таких обстоятельствах русские чувствовали себя увереннее, заключая 5 августа 1583 г. со Швецией перемирие, хотя его условия были достаточно невыгодными – шведы сохраняли за собой район Копорья. Единственным оставшимся для России путем к Балтике оставалось устье реки Невы.³⁸⁹

Так окончилась Ливонская война, которая продолжалась четверть столетия. Она потребовала от русских людей максимального напряжения для преодоления многих тягот и жертв и вместе с последствиями опричнины ввергла Россию в глубокий социально-экономический кризис.

V

Ни один из трех претендентов на Ливонию – царь Иван IV, король Польши Стефан Баторий или король Швеции Иоанн III – не считал борьбу законченной. Иван IV мечтал о возобновлении войны и восстановлении своего контроля по крайней мере над Дерптом и Нарвой. Баторий планировал новый крестовый поход против Московии. Отношения между Баторием и Иоанном Шведским также были натянутыми.

Чтобы подготовиться к новой войне с Баторием и продолжить борьбу за выход к Балтийскому морю, царь решил возобновить переговоры с английской королевой Елизаветой. В мае 1582 г. царь отправил к королеве в качестве своего посла дворянина Федора Андреевича Писемского с инструкциями вести переговоры для заключения союза между Англией и Москвой.

Иван IV хотел усилить политический союз брачным – жениться на английской подданной. Перед отправлением Писемского в Англию Иван IV обсуждал такую возможность с английским врачом, Робертом Джекобом, приставленным к царю королевой по его просьбе в 1581 г. Джекоб считал подходящей парой для царя Марию Гастингс, дочь герцога Хантингтона, родственника Елизаветы. Писемский должен был заняться этим делом.

Ивана IV в этот момент уже был женат на Марии Нагой. Но поскольку этот брак (седьмой по счету) не был благословлен церковью, он не имел канонической силы. Более того, вскоре

³⁸⁷ 387. Historia Polski, 1, part II, 501; Donnert, p.249.

³⁸⁸ 388. Новосельский, с.34 и 432.

³⁸⁹ 389. Форстен, 1, 710-711; Kirchner, p.195; Очерки, 3, 391-392; Donnert, pp.61-62, 219.

после женитьбы Иван IV почувствовал отвращение к своей супруге. Писемский был проинструктирован на этот счет – если англичане спросят о семейном положении Ивана IV, то надлежало сказать, что царь готов развестись с теперешней женой.

Новое осложнение возникло в октябре 1582 г., когда Мария родила Ивану сына – злочастливого царевича Дмитрия.

Новость об этом событии достигла Англии в то время, когда Писемский все еще был там. Это, конечно, не способствовало выполнению им задачи организации брака Ивана с Марией Гастингс.

Писемский прибыл в Англию в сентябре 1582 г., но был принят королевой лишь после значительной задержки, поскольку она в это время вела переговоры с польскими посланниками.

Переговоры королевы с Писемским шли весьма медленно. На обсуждение был поставлен вопрос о браке, и поначалу казалось, что королева заинтересована предложением. Писемскому была предоставлена возможность увидеть предполагаемую невесту во время ее прогулки с провожатым по саду. Что же до политического союза, то Елизавета пыталась взамен выторговать для Англии монополию на всю внешнюю торговлю в России. Переговоры ни к чему не привели. 5 июня Елизавета назначила своим новым послом в Россию сэра Боуса. Ему надлежало продолжить переговоры там. Две недели спустя Боус и Писемский отплыли в Россию. Последний увозил с собой для демонстрации царю портрет Марии Гастингс.³⁹⁰

Боус прибыл в Москву 15 октября и был принят царем десять дней спустя. Последовавшие переговоры шли далеко не гладко. Инструкции королевы Елизаветы были согласованы в ходе переговоров с Писемским. Основной целью Елизаветы было обеспечение английским купцам монополии на использование арктического морского пути в Московию и как можно больше иных привилегий. Королева желала избежать определенных обязательств по отношению к царю в его борьбе против Польши, а также охладить его брачные планы.

Стоявшая перед Боусом задача была, конечно же, трудна. Он совсем провалил дело, бестактно и безапелляционно разговаривая с царем и его советниками. Переговоры закончились 20 февраля 1584 г.,³⁹¹ после чего последовала подготовка к отъезду Боуса в Англию.

Как раз в это время здоровье царя, серьезно подорванное излишествами и страхами, резко пошатнулось. 18 марта Иван IV умер. Царем стал его слабоумный сын Федор. Государственными делами занялся дядя Федора, боярин Никита Романович Юрьев. Ни он, ни глава посольского приказа, дьяк Андрей Щелкалов, не разделяли расположенности Ивана IV к англичанам.

«Английский царь умер», – объявил Щелкалов Боусу, которого затем посадили под домашний арест в доме где он остановился, и лишь в мае отпустили в Англию.

VI

В течение двух последних лет своего царствования, после смерти своего сына, в которой он был повинен, Иван IV утратил свое былое лицо. Искренне горя, он дарил крупные суммы денег Троицкому и другим русским монастырям и даже посылал пожертвования монастырям горы Афон, Иерусалима и Синая с просьбой молиться за душу усопшего царевича.

В книгах Троицкого монастыря зафиксировано, что 6 января 1583 г. – через семь недель после смерти царевича – Иван присутствовал на божественной литургии, после которой он вызвал в свой покой двух почтенных монахов (но не архимандрита). Присутствовал и его испо-

³⁹⁰ 390. Толстой. Россия и Англия, с. XXXVI, 189-226, No 41-51; Сборник, 38,1-70, Соловьев, 6,676-679; English Literature, pp. 17-19; Lubimenko. Relations, pp.50-52; Лурье в «Посланиях Ивана Грозного», с.518-519.

³⁹¹ 391. Толстой. Россия и Англия, с. XXXVII-XXXIX; Сборник, 38,71-133; Соловьев, 6,679-683.

ведник. Иван IV «начал плакать, и всхлипывать, и просить (двух монахов) устраивать каждодневные поминальные молебны за царевича вечно, до тех пор, пока стоят монастырь, до конца времен». «И кто бы не забыл и не перестал исполнять эту мою волю и просьбу... предстанет со мною пред судом Божиим при втором пришествии».³⁹²

Как раз после этого путешествия в Троицкий монастырь Иван IV начал составлять перечень (синодик) жертв своего террора. Его копии затем были разосланы во многие монастыри для поминальных служб. Иван IV выделил для проведения этих служб специальные средства. Согласно этому синодику, лишь в одном Новгороде в 1570 г. было убито 1505 мужчин и женщин. Имена убитых при групповом терроре остались неизвестными. В подобных случаях формула молитвы была следующей: «Что же до их имен, то ты Господь, знаешь их».³⁹³

Мы видели, что узнав о резне гугенотов во Франции в день св. Варфоломея Иван IV выразил сожаление и осудил пролитие французским королем такого количества крови «без должного основания». Кажется возможным, что Иван IV в конце концов пришел к пониманию того, что не вся пролитая им кровь может быть оправдана.

Политика террора Ивана Грозного была следствием мучившей его мании преследования. И эта политика, в свою очередь, разжигала ненависть к нему и побуждала множество людей к отчаянным поступкам, в том числе и к побегу.

Выражение независимого мнения или несогласия с политическим курсом Ивана IV в большинстве случаев рассматривалось им как предательство. У него была сложная и весьма противоречивая натура.³⁹⁴ Ему мало было только отдавать приказы. Он стремился доказать свою точку зрения в полемике с противниками, как политическими (подобными князю Курбскому), так и религиозными (подобными Яну Роките или Поссевино). Он был яростным спорщиком.

Иван IV хорошо разбирался в теологии, политической литературе, истории и черпал свои знания из переведенных на церковно-славянский или древнерусский язык книг.

Иван IV верил, что суверенная власть исходит от Бога. Царь – наместник Бога на земле.³⁹⁵ В ранний период своего царствования, находясь под влиянием митрополита Макария и священника Сильвестра, Иван IV был сторонником византийской теории взаимодействия («симфонии») божественной и светской власти, священства и имперского начала. Позднее он возражал против какого-либо вмешательства в государственные дела.

Он считал первым долгом царя приверженность православной вере, и в своем завещании 1572 г. побуждал сыновей быть готовыми пострадать и умереть за православие.³⁹⁶ В то же время Иван IV не признавал за церковью права ограничивать свою собственную власть даже в традиционной форме совета и вмешательства за подвергнутого им бесчестию человека. Он сам должен был дать Богу ответ за свои действия на страшном суде.

Еще более резко Иван IV реагировал на попытки своих подданных ограничить его власть политически. Царь является самодержцем. «Как, скажи пожалуйста, может правитель называться самодержцем, если, сам он не правит?» – вопрошал он Курбского.³⁹⁷

Дабы править как самодержец царь должен научиться своему ремеслу. В своих наставлениях сыну Иван IV увещевал его: «Тебе следует ознакомиться со всеми типами дел: божескими, священническими, монастырскими, военными, судебными; с особенностями жизни в Москве и в иных краях. (Тебе следует знать), как административные институты, функциони-

³⁹² 392. Веселовский. Иссл. опр., с. 339. Интерпретация Г. Вернадского.

³⁹³ 393. О «Синодике» Ивана см.: Шмурло, 2, часть 2,98; Веселовский. Иссл. опр., с. 339-3401

³⁹⁴ 394. Обзор научных мнений относительно Ивана Грозного как человека и правителя: см.: Шмурло, 1, часть 2,99-147.

³⁹⁵ 395. О политической философии Ивана IV см.: Вальденберг, с. 335-356; Лурье в «Посланиях Ивана Грозного», с. 509-513.

³⁹⁶ 396. ДДГ, с.427.

³⁹⁷ 397. Fennell. Correspondence, pp. 46-47.

ругают здесь и в других государствах; каковы отношения этого и других государств. Все это ты сам должен знать... Затем ты не будешь зависеть от совета других, ты сам будешь давать им указания».³⁹⁸

Ивановы наставления сыновьям не были теоретической дидактикой. Они базировались на его собственном опыте. Он сам искренне интересовался церковными и государственными делами и имел о них четкое представление.

В первые годы правления изучать дела божественные Ивану IV помогали митрополит Макарий и протопоп Сильвестр; а познавать искусство государственного управления – Алексей Адашев и дьяк Иван Висковатый.

Иван IV хорошо понимал важность торговых и культурных отношений с Западом. В этом его поддержал протопоп Сильвестр. В «Послании» к своему сыну Сильвестр хвалил Анфима (сына) за участие в торговых делах и поддержание дружеских отношений с иностранцами.³⁹⁹

Своим советникам и подчиненным Иван IV не доверял и обращался с ними дурно. Согласно Курбскому, это было частично результатом совета монаха Вассиана Топоркова.

Существовало немного почтенных людей, к которым Иван IV благоволил в течение всей жизни. Он высоко ценил митрополита Макария и доверял шурина по первой жене боярину Никите Романовичу Юрьеву, а также татарскому царю Симеону Бекбулатовичу. По отношению почти ко всем другим советникам и подчиненным у него легко возникали подозрения. Во многих случаях Иван IV делал подчиненного ответственным за ошибку или отсутствие суждения, в которых он сам был повинен. И он всегда был склонен бросить обвинение в предательстве.

Например, в своем письме от 1581 г. к королю Баторию Иван IV, чтобы преуменьшить успех Батория, взявшего в 1597 г. Полоцк, объяснил его победу изменой русского гарнизона.⁴⁰⁰ В реальности защитники Полоцка доблестно сражались, но были сломлены превосходящими силами Батория. И разумеется, сам Иван IV совершил ошибку, вовремя не послав осажденным помощь. Баторий оказался благороднее Ивана IV, защитив честь полоцкого воеводы в ответном письме.⁴⁰¹

Хотя Иван IV и показал себя жестоким тираном, он был наделен творческим темпераментом. Его можно рассматривать как одного из основных русских писателей XVI столетия, хотя все, что он написал, не было собственно литературой. Но что бы он не писал – политические памфлеты, послания монастырям, государствам и частным лицам, даже его завещание – несет в себе свидетельство его литературного таланта.⁴⁰²

Иван IV был тонким знатоком иконописи⁴⁰³ и церковного пения. Последнему он учился в детстве. Он создал церковный хор, в котором пел сам. Он написал множество сочинений, среди которых стихитра (гимн), взывающий к святому митрополиту Петру, жившему в XIV веке (около 1547 г.).⁴⁰⁴

Художественные пристрастия Ивана IV были многогранны. Характерно, что в дополнение к церковному искусству и музыке он был увлечен народными увеселениями – представлениями скоморохов. Этот вид театрального искусства следовал традициям древнего язычества.⁴⁰⁵ Нехитрые задиристые песни и танцы также были частью репертуара скоморохов.⁴⁰⁶

³⁹⁸ 398. ДДГ, с. 427. Интерпретация Г. Вернадского.

³⁹⁹ 399. Сильвестр, протопоп. «Послание и наказание от отца к сыну». Домострой (издание Чудинова), с. 62.

⁴⁰⁰ 400. Послания Ивана Грозного, с. 218.

⁴⁰¹ 401. HRM, 1,349; Карамзин. Примечания, 9, No 561,213; Лурье. Послания Ивана Грозного, No12, с.661.

⁴⁰² 402. См.: Д.С. Лихачев. Иван Грозный – писатель. Послания Ивана Грозного, с. 452-467.

⁴⁰³ 403. См.: Н. Андреев. Иоан Грозный и иконопись XVI века, АИК, 10(1936), 185-198.

⁴⁰⁴ 404. Финдейзен, 1, 246-247.О «Государевых певчих дьяках» см. там же, с. 241-243; Н. Успенский. Древнерусское певческое искусство, с. 124-127.

⁴⁰⁵ 405. О священной драме языческих племен и ее традициях см.: Vernadsky. Origines of Russia, ch.4, sec.5 (Vernadsky, Essai, 1).

Особую «гильдию» народных увеселителей составляли дрессировщики медведей (медведчики) с их натренированными животными.

Церковь осуждала скоморохов, считая их представления непристойными и языческими. Под влиянием церкви отец Ивана IV великий князь Василий III издал несколько указов, ограничивающих деятельность скоморохов. Схожие указы издавались в начале царствования Ивана IV, но он не обращал на них внимания.

После смерти своей первой жены, царицы Анастасии, удаления протопопа Сильвестра, повторной женитьбы на кабардинской княжне Марии и смерти митрополита Макария Иван начал приглашать скоморохов в свой дворец. Новые советники, среди которых были боярин Алексей Басманов и его сын Федор (фаворит Ивана IV), одобряли это увлечение царя. Скоморохов начали звать во дворец в период становления опричнины. Но не только уличные актеры развлекали гостей на царских пиршествах, сам царь и его свита надевали маски, пели и танцевали.

Благородные господа, не принадлежавшие к веселой компании, иногда приглашались на эти пиры. Подобное приглашение считалось особой милостью. Курбский рассказывает историю боярина князя Михаила Репнина: «Царь начал плясать в масках вместе со скоморохами и то же сделали пировавшие с ним. Теперь, когда этот высокопоставленный и благородный человек увидел эту непристойность, он начал плакать и сказал ему: „Тебе не подобает, о христианский царь, делать подобное“. Но царь начал побуждать его, говоря: „Будь весел и играй с нами“, и сняв маску, он начал одевать ее на его лицо; но он (Репнин) отбросил ее прочь и растоптал, сказав: „Могу я не совершать этих непристойностей и глупостей, я – человек в ранге советника!“ И царь преисполнился гнева и прогнал его с глаз долой».

Несколько дней спустя Репнин был по приказу царя убит (1 января 1564 г.).⁴⁰⁷

Во время опричнины такие банкеты стали правилом и чередовались с церковными службами и покаянием, в зависимости от настроения Ивана IV.

В 1571 г. после карательной экспедиции против Новгорода Иван IV приказал, чтобы скоморохи и иные артисты, которым был славен Новгород, были перевезены с места своего проживания в новгородской земле (они жили в основном в Деревской пятине) ближе к Москве, которая впоследствии стала центром скоморошьего творчества.⁴⁰⁸

В 1573 г. в Новгороде на празднествах по поводу женитьбы короля Магнуса на княжне Марии Старицкой Иван IV развлекал гостей непристойными танцами и песнями, при исполнении которых он лично дирижировал хором.⁴⁰⁹

Основной целью внутренней политики царя Ивана IV было укрепление самодержавной власти правителя против княжеской и боярской аристократии.

Прежде всего царю приходилось считаться с существованием удельных князей, принадлежавших к его собственной семье. Таким был Владимир Андреевич Старицкий, княжеские семьи дома Рюриковичей, Воротынские. Некоторые все еще сохраняли остатки уделов.

Княжеские семьи дома Гедимины, поселившиеся в Московии в XV и в начале XVI века,⁴¹⁰ имели менее глубокие исторические корни в Московском царстве, нежели Рюриковичи, но были более знакомы с польскими и литовскими аристократическими привилегиями и правами. Они, а также нетитулованное боярство, не противостояли объединению Московского государства и таким образом не подвергали опасности единство царства, но старались сохранить высо-

⁴⁰⁶ 406. О скоморохах см.: Финдейзен, 1, гл. 5.

⁴⁰⁷ 407. Fennel. History, pp. 180-181.

⁴⁰⁸ 408. ПСРЛ, 3 (Вторая новгородская летопись), 167; Финдейзен, 1, 243.

⁴⁰⁹ 409. Финдейзен, 1, 243-246 (Финдейзен ссылается на ливонскую хронику Христиана Кельха).

⁴¹⁰ 410. See Backus. Motives of West Russian Nobles.

кое положение Боярской Думы, а также боярства в целом в правительстве, армии и администрации.

Иван IV начал с ограничения власти князя Владимира Старицкого, затем казнил его и упразднил его удел. Аналогичным образом он конфисковал остатки удела Воротынских. Перед созданием опричнины, во время ее и после ее упразднения он казнил значительное число титулованных и нетитулованных бояр, но ему не удалось сокрушить боярство как политический институт.

В действительности политика Ивана IV была непоследовательной. Уничтожив оставшиеся уделы, он создал два новых. Он сделал Симеона Бекбулатовича великим князем тверским и оставил удел (в Угличе) царевичу Дмитрию (сыну Марии Нагой). И даже в ходе опричнины не упразднил Боярскую Думу в земской части царства, лишь стал лично пристально следить за ее деятельностью. Он принял доверенных бояр в свой опричный двор и назначил их в свой личный совет. После упразднения опричнины его советники вошли в объединенную Боярскую Думу.

Анализ состава Боярской Думы в 1578 г. показывает, что ее аристократическая часть – бояре и окольничие – принадлежали к тем же древним семьям, из которых царь обычно выбирал лиц, назначаемых на высокие должности.

К концу царствования царя Ивана IV существовало три их слоя: те, что занимали свои посты еще до введения опричнины (подобные князю И.Ф. Милославскому и Н.Р. Юрьеву); те, кто был членами опричной думы (подобно князю Ф.М. Трубецкому); и те, что были назначены после упразднения опричнины (среди них Д.И. и С.В. Годуновы).

По своему усмотрению царь мог назначать лишь тех государственных деятелей, пост которых не требовал аристократического происхождения – думских дворян. Но Иван IV нечасто пользовался этим правом. До установления опричнины было пять думских дворян и восемь ко времени смерти Ивана. Итак, Боярская Дума сохраняла свой преимущественно аристократический характер.⁴¹¹

Основополагающим процессом социально-политической истории России в XVI столетии был подъем дворянства, дворян и детей боярских, которые составляли большую часть русской армии в это время.

Бояре таким образом были зажаты двумя силами – самодержавием и дворянством.

Процесс этот продолжался на протяжении всего правления царя Ивана IV. В течение первого десятилетия его царствования, во время влияния Адашева, разрешение трехстороннего политического противостояния было найдено путем введения Земского Собора, в котором участвовали бояре и дворяне. Тогда же балы предпринята первая попытка устранить систему местничества. Это сопровождалось подтверждением свободы крестьян судебником 1550 г.

В своей последующей политике царь Иван IV нарушил равновесие политических и социальных сил, которое, казалось, уже было достигнуто. Земский Собор состоялся лишь однажды (в 1566 г.). Опричнина затронула интересы как бояр, так и дворянства, а также тех крестьян, что попали в районы, захваченные опричниками. Она создала хаос в системе мобилизации дворянской армии. И в конце своего правления, чтобы удовлетворить текущие экономические потребности дворянства, царь был вынужден ограничить свободу передвижения крестьян.

В целом политика Ивана IV – как внутренняя, так и внешняя – провалилась.

---

⁴¹¹ 411. См.: Сухотин. К пересмотру, часть II, с. 65-66.

6. Правление Бориса Годунова

I

В то самое время, когда русских остановили и отбросили назад на западе, они начали продвижение на восток в направлении Сибири.⁴¹²

Инициатива первой экспедиции за Уральские горы принадлежала Строгановым, известному роду купцов и промышленников, начавшим свою деятельность в районе Вычегоды на северо-востоке Московии в конце XV века. К 1550 г. Анике Федоровичу Строганову удалось создать процветающее дело с центром в Сольвычегодске. Добыча соли составила первое значительное направление в промышленной деятельности Строгановых, но уже вскоре они занимались также обработкой металлов и рубкой, заготовкой и обработкой леса. Кроме того, они владели и управляли большими земельными поместьями и вели активную как оптовую, так и розничную торговлю солью, рыбой, зерном и мехами.

Когда сыновья Аники – Яков, Григорий и Семен – достигли совершеннолетия, они помогли отцу распространить семейное дело на восток в район Урала. В 1558 г. Григорий Строганов обратился к царю Ивану III с просьбой санкционировать освоение, колонизацию и управление не присоединенными территориями западнее и восточнее реки Камы от места, где впоследствии был построен Соликамск, до устья реки Чусовой. Григорий просил царя разрешить ему построить крепость, вооружить ее пушками и нанять личную армию – артиллеристов и пищальников – чтобы защищать свои владения от нападений ногайцев и других орд. Царь выдал Григорию такую грамоту и, кроме того, даровал ему освобождение от налогов на двадцать лет. По всей видимости, именно Алексей Федорович Адашев разрабатывал и редактировал текст этой грамоты.⁴¹³

Аника и его сыновья оказались умелыми политиками. Когда царь Иван IV ввел опричнину, они поняли, что их дело будет в большей безопасности, если они присоединятся к новому институту. Поэтому они подали царю челобитную с просьбой взять их владения в Сольвычегодске, а также в районе Верхней Камы в опричную часть царства. Царь согласился и 16 августа 1566 г. издал по этому поводу указ.⁴¹⁴

В 1568 г. Яков Строганов попросил царского разрешения на освоение земель по реке Чусовой. Грамота, выданная ему царем, аналогична той, что получил десять лет назад его брат Григорий, за исключением того, что освобождение от налогов было даровано ему только на 10 лет.⁴¹⁵

Видимо вскоре после этого, Аника Строганов отошел от дел и постригся в монахи (под именем Иоасаф). Он скончался в 1570 г., почти достигнув возраста 81 года.

Постепенно продвигаясь в восточную часть Уральского региона, Строгановы старались подчинить себе некоторые местные племена, такие, как вогулы (манси) и остяки (ханты). Представители Строгановых покупали у этих народов меха и даже обложили их налогом в виде

---

⁴¹² 412. О предпосылках и начальном периоде продвижения русских в Сибирь см. Миллер, История Сибири, 1; Соловьев, 6,686-702,715-723; Бахрушин, Очерки; Он же. Труды, 3,4.1,1-149; Миллюков, Очерки, 7,4. II, 188-198; Nolde, Formation. I,130-166; Очерки, 3,69,690-697; Введенский, Дои Строгановых; гл. 1-2; Кузин, с. 15. См. Также Андреев, Очерки по истории источниковедения Сибири, 1.

⁴¹³ 413. Текст грамоты см. Миллер, История Сибири, 1, Приложение, No2, с. 332-334. Адашев упоминается на обратной стороне грамоты среди четырех сановников, которые приказали составить грамоту.

⁴¹⁴ 414. ДАИ, 1, No 118,172; Введенский, Торговый дом, с. 91-92; Дом Строгановых, с. 34; Садиков, Очерки, с. 315.

⁴¹⁵ 415. Миллер, 7, Приложение, No 3,335-337.

меха. Это привело к конфликту с сибирскими татарами, чей хан Кучум считал себя верховным правителем родов племен вогулов и остяков, живших восточнее Уральских гор.

Ханство сибирских татар, первоначально располагавшееся вокруг Тюмени, являлось одним из государств, образовавшихся после распада Великой Монгольской империи, основанной Чингисханом. Незадолго до своей кончины Чингисхан сделал своих сыновей правителями улусов империи под верховной властью великого хана. Западная часть империи Чингисхана стала улусом его старшего сына Джучи. Впоследствии улус Джучи был в свою очередь поделен между его сыновьями. Старший, Орда, получил территорию, включающую Западную Сибирь, Казахстан и низовья Сырдарьи в Центральной Азии. Двое из младших братьев Джучи, Шибан и Тука-Тимур, тоже получили доли в этом районе. Самая западная часть Джучидова улуса, позднее известная как Золотая Орда, стала вотчиной второго сына Джучи, Бату.⁴¹⁶

В семидесятых и восьмидесятых годах XV столетия ханом Тюмени был Ивак, потомок Шибана. В конфликте великого князя Ивана III с золотоордынским ханом Ахматом в 1480 г. Ивак принял сторону Москвы, а в 1481 г. в столкновении с его войском Ахмат был убит.⁴¹⁷

Как в большинстве монголо-татарских ханств XV и XVI веков, власть хана Ивака ограничивали влиятельные княжеские роды. Пытаясь сломить противодействие наиболее могущественного из них, рода Тайбуги, Ивак казнил его главу Мара. В ответ внук Мара Махмед убил Ивака (примерно в 1493 г.) и захватил его царство.⁴¹⁸

В 1555 г., после завоевания русскими Казани и Астрахани, внук Махмеда Ядигар обратился к царю Ивану с просьбой о покровительстве. Царь согласился. В 1557 г. Ядигар принес клятву верности (шерть) и начал выплачивать ежегодную дань тысячей соболиных мехов. Положение Ядигара, однако, оставалось непрочным, поскольку потомки хана Ивака не отказались от своих притязаний на Сибирь. Кучум, с которым предстояло столкнуться Строгановым, приходился Иваку внуком.⁴¹⁹

В 1563 г. Кучум с помощью ногайцев напал на Ядигара, убил его и стал правителем Западной Сибири. Как Джучид и, следовательно, потомок Чингисхана, Кучум имел право на титул хана (по-русски, царя), каковой он себе и присвоил (Ядигар мог претендовать только на титул князя). Чтобы обрести фактическую власть, Кучум должен был преодолеть мощное сопротивление нескольких татарских мурз, а также некоторых племенных вождей остяков и вогулов. Борьба продолжалась семь лет, и только к 1571 г. Кучум с помощью своей ногайской гвардии безжалостно подавил своих противников.⁴²⁰

Став ханом, Кучум прекратил выплачивать дань Москве. Несмотря на это, царь, сосредоточенный на войне с Ливонией, не стал вмешиваться в дела Сибири, а Кучум был слишком занят, чтобы предпринимать какие-либо наступательные шаги против Москвы. В 1571 г. он даже отправил в Москву посла с данью того же размера, что платил Ядигар, и пообещал делать это ежегодно. Однако то было последней данью, которую заплатил Кучум. Он просто желал выиграть время. Окончательно установив свою власть над Сибирским ханством, он прекратил дипломатическую игру и больше не делал вид, что заинтересован в мирных отношениях с царем.

В 1573 г. Кучум послал против Строгановых разведывательную экспедицию под командованием своего племянника Махмед-Кула. Его ратники вырезали мужчин рода остяков, подвластных Москве, и захватили их женщин и детей. Сам Махмед-Кул захватил и зверски убил

⁴¹⁶ 416. См. Монголы и Русь, генеалогические таблицы I и V.

⁴¹⁷ 417. См. *Russia at Dawn*, p.77. (Там я использую имя в форме Ivak, как оно фигурирует в русских летописях).

⁴¹⁸ 418. Вельяминов-Зернов, 2,388-391; Примечание Бахрушина к Миллеру, История Сибири, 7, гл.1, раздел 56, с. 474-475.

⁴¹⁹ 419. См. СГГД, 2, No 68,132; Вельяминов-Зернов, 2,388.

⁴²⁰ 420. Nolde. Formation, pp.156-157; Введенский, Дом Строгановых, с. 76-77.

московского посла, отправленного к казахам, однако не осмелился атаковать крепость Строгановых на реке Чусовой и повернул обратно.⁴²¹

Строгановы решили отомстить и распространить свой контроль на часть территории восточнее горной гряды, чтобы обеспечить лучшую защиту своим владениям на западных склонах Уральских гор. Они выбрали район Тахчея на реке Туре, притоке Тобола. В 1574 г. царь Иван IV, в ответ на их челобитную, пожаловал им эти земли и на двадцать лет освободил их от налогов.⁴²² Из этого документа явствует, что к этому времени в распоряжении Строгановых находился отряд казаков.

Примерно в 1579 г. Строгановы наняли новую группу волжских и донских казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича. До поступления на службу к Строгановым многие из этих казаков в свободное от сражений с крымскими татарами время занимались разбоем, грабя торговые караваны на Волге. Некоторые из них, таким образом, разыскивались московскими властями, и им грозили суд и наказание. Они с готовностью приняли приглашение Строгановых.

Эти казаки оказались весьма полезными Строгановым в следующем году, когда Бегбели Агтаков, вождь вотулов, живущих за Уралом, совершил набег на владения Строгановых на реках Чусовой и Сылве. Бегбели, по всей вероятности, предпринял этот поход по наущению своего сюзерена Кучума. Однако его предприятие окончилось провалом, он был разбит и взят в плен. Строгановы позволили ему вернуться домой после того, как он согласился стать вассалом царя и пообещал впредь никогда не нападать на владения Строгановых.

После набега Бегбели Строгановы поняли, что для того, чтобы предотвратить дальнейшие нападения вассалов Кучума, им необходимо нанести удар самому Кучуму. С этой целью они начали подготовку экспедиционных сил под командованием атамана Ермака. Однако, когда Ермак уже выступил, другой вогульский вассал Кучума, князь Кихек, в сентябре 1581 г. атаковал Чердынь, главный город области, известной под названием Великая Пермь. Не сумев взять Чердынь, Кихек разорил район Кой Городка в верховьях Камы, затем повернул назад вниз по Каме и напал на владения Строгановых. Строгановы оказались в сложной ситуации, поскольку Ермака уже не было. Кихеку не удалось захватить никаких других городов, кроме Соликамска, который он сжег, и в конце концов его разбили люди Максима Строганова у крепости Нижняя Чусовая.⁴²³

Именно Максим Строганов, до набега Кихека, принял наиболее активное участие в подготовке похода Ермака. Он предоставил казакам огнестрельное оружие, пищали и несколько легких пушек, а также порох, свинец и провиант.

Армия Ермака насчитывала только 540 человек, однако все его люди были опытными бойцами. Они делились на 5 групп (сотен), каждая имела собственного командира (сотника), среди которых самым известным являлся Иван Кольцо. К ним присоединились примерно триста добровольцев из людей Строгановых. Силы Кучума были значительно многочисленнее, однако у них не было огнестрельного оружия – ситуация, сходная с имевшей место в кампаниях Эрнандо Кортеса в Мексике и франсиско Писарро в Перу пятьюдесятью годами раньше. Строгановы и Ермак, однако, полагались не только на преимущества огнестрельного оружия. Им было известно о напряженных отношениях внутри Кучумова ханства, и они ожидали, что, по меньшей мере, некоторые татарские князья, а так же вожди вогулов и остяков в предстоящей войне будут на стороне русских. Эти ожидания частично оправдались.

⁴²¹ 421. Миллер, 7, Приложение, с. 339.

⁴²² 422. Там же, No 5, с. 339-341.

⁴²³ 423. Введенский, Дом Строгановых, с. 100-101.

1 сентября 1581 г. войска Ермака оставили свое расположение в нижнем течении реки Чусовой, на лодках поднялись выше и провели зиму 1581-1582 гг. в лагере, который построили на волоке между реками Серебрянкой (притоком Чусовой) и Тагилом (притоком Туры).⁴²⁴

В мае 1582 г. казаки предприняли поход вниз по рекам Тагилу, Туре и Тоболу, разбили татарскую армию, которой командовал царевич Махмед-Кул, и 26 октября захватили столицу Кучума Кашлык (известную также под названием Искер и Сибирь) на реке Иртыш. Кучум и Махмед-Кул бежали на юг по Иртышу, а несколько татарских князей и вождей остяков перешли на сторону русских.

Ермак сообщил Строгановым о своем успехе и в сентябре 1582 г. направил делегацию во главе с сотником Иваном Кольцо просить царя принять во владение вновь присоединенные земли и выслать в Сибирь войска на помощь казакам. Затем Ермак начал распространять свою власть на татарские города вверх по Иртышу, и таким образом отразил попытки Махмед-Кула остановить казаков. В феврале 1583 г. казакам удалось захватить самого Махмед-Кула. Они отправили его в Москву, где того приняли с почетом. Он присягнул царю и был принят на русскую службу.

Царь Иван IV оказал казацкой делегации Ивана Кольцо милостивый прием, щедро одарил посланцев – среди подарков была кольчуга великолепной работы – и отправил обратно к Ермаку. 10 мая 1583 г. князь Семен Волховской получил указ царя проследовать в Сибирь с дружиной в 300 стрельцов. Кроме этого, Строгановым предписывалось предоставить Волховскому 40 добровольцев из числа своих людей.

На пути в Сибирь Волховской с отрядом остановился на зиму 1583-1584 гг. на территории Строгановых. Но отряд прибыл в Кашлык только в ноябре 1584г., а казаки не заготовили необходимого количества провианта. К концу зимы Волховской и несколько его людей умерли от голода.

Кучум и его последователи продолжали доставлять русским беспокойство. Они были недостаточно сильны, чтобы вести против казаков настоящую войну, но заманивали небольшие группы казаков в ловушки или захватывали их врасплох ночью. Так погиб Иван Кольцо, а затем и сам Ермак. Легенда говорит, что, пытаясь спастись от нападавших, Ермак бросился в Иртыш, но тяжелая кольчуга (подарок царя Ивана) потянула его на дно, и он утонул (август 1585 г.).

Яркая личность Ермака произвела неизгладимое впечатление и на русских, и на татар. Сказания о подвигах Ермака были после его смерти занесены в сибирские летописи, о нем сложили много исторических песен (былин). Некоторые из этих песен начинаются описанием собрания (круга) донских казаков, созданного чтобы решить, как избежать наказания за разбой на Волге.

После гибели Ермака уцелевшие казаки и люди Волховского покинули Кашлык и начали отступление назад, к Уральским Горам. Казалось, что русским завоевать Сибирь так и не удастся.

К этому времени, однако, московское правительство царя Федора (сына и преемника Ивана IV) ясно осознало значение Сибири и предприняло энергичные шаги к восстановлению и упрочению русского контроля над этой огромной территорией. Вдохновителем разработки нового плана явился один из ведущих бояр Борис Федорович Годунов.

Еще до того, как известие о гибели Ермака достигло Москвы, в Сибирь был отправлен новый отряд стрельцов под командованием воеводы Ивана Мансурова. А впоследствии подкрепления посылались за Уральские горы почти ежегодно. Воеводе каждой дружины предписывалось в подходящем месте, обычно на берегу реки, построить крепость. Эти укрепленные

---

⁴²⁴ 424. О хронологии кампании Ермака см. примечание Бахрушина к Т. 1, гл. 3, раздел 40 работы Миллера, История Сибири, с. 492-493.

города скоро превратились в центры русской администрации в Сибири. Хотя крепости и рассматривались прежде всего как военные укрепления, воеводы должны были стараться завоевывать расположение местных племенных и родовых вождей, проявлять по отношению к ним дружелюбие и устанавливать ясак (налог мехом) не выше, чем они платили Кучуму до русского завоевания.

В 1586 г. на реке Туре была построена крепость Тюмень, в 1587 г. на Иртыше, напротив впадения в него Тобола, – Тобольск, в 1590-х, – Пелым на Тавде, Верхотурье на Туре, Березов на Нижней Оби, Тара на Иртыше, Нарым на Кети (притоке Оби) и другие. В 1604 г. на Томи (притоке Оби) был построен Томск.

Вместе с тем, как происходило планомерное военное занятие территорий Западной Сибири и учреждение там сети административных центров, северные русские охотники и торговцы мехами продвигались в устье реки Оби, на Крайний Север. В 1601 г. там был основан городок Мангазея, который в первой четверти XVII века стал важным центром торговли мехами.

Хотя большая часть сибирских татар присягнула царю, Кучум продолжал свои отчаянные, но безуспешные попытки вернуть ханство на всем протяжении 1590-х годов. В конце концов, в 1598 г. его разбил воевода Тары Иван Воейков. Кучум бежал, но многие члены его семьи – жены, дочери, сыновья и внуки – попали в плен. Воейков всех их отослал в Москву, где они были милостиво приняты царем Борисом, преемником Федора. Один из сыновей Кучума, Арслан, который и доставил всех в Москву, впоследствии стал царем Касимова.⁴²⁵ Однако к этому времени в иртышских степях на юге Западной Сибири появилась новая угроза русским – калмыки⁴²⁶.

Гарнизоны вновь возведенных крепостей нуждались в снабжении вооружением и провиантом. В каждом городе расселяли ремесленников разных специальностей – плотников, кузнецов, оружейников. Муку сначала доставляли по воде из Руси, однако очень скоро начали развивать сельское хозяйство в окрестностях каждого города, привлекая колонистов.

Правительство обзаводилось будущими крестьянами двумя путями: по договору (по прибору) и, когда не хватало добровольцев, в приказном порядке (по указу). В этом случае город или район был обязан отправить в Сибирь определенное количество мужчин (с семьями, если они не были холостяками). Кроме того, зачастую в Сибирь высылали военнопленных (поляков, литовцев, ливонских немцев и шведов) и преступников. Военнопленных по желанию зачисляли в армию. Тем же крестьянам (преимущественно из Северной Московии), которые желали переселиться в Сибирь, правительство оказывало поддержку субсидиями и другими средствами.⁴²⁷

Как и в случае с завоеванием русскими казанских земель, по следам государства шла церковь. Первые две сибирские церкви были возведены в Тюмени в 1586 г. К 1605 г. несколько других появилось в Верхотурье, Туринске, Мангазее и Березове. Самые первые из основанных в Сибири монастырей – Тобольский (1588 г.). Туринский и Верхотуринский (1604 г.).⁴²⁸ Главной целью церкви в ее продвижении в Сибирь было обслуживание религиозных потребностей русских поселенцев.

В отличие от ситуации в Казани, миссионерская деятельность русской церкви в Сибири в конце XVI и начале XVII веков была незначительной. Как и в Казани, духовенству и местным официальным лицам запрещалось прибегать к насилию при обращении местного населения в христианскую веру. Христианство, если вообще вводилось, должно было побеждать «любо-

⁴²⁵ 425. Вельяминов-Зернов, 3, 2-3.

⁴²⁶ 426. См. Г. Вернадский, «Историческая основа Русско-Калмыцких отношений», Kalmyk-Oyrat Symposium.

⁴²⁷ 427. Lantzeff, *Siberia in the Seventeenth Century*, pp. 164-167; Шунков, *Очерки колонизации*, с. 13; Вернадский, «Миллюков и месторазвитие русского народа», с. 278-279.

⁴²⁸ 428. Lantzeff, pp. 176-177.

вью, а не жестокостью». ⁴²⁹ Новообращенные вступали в русскую общину и прекращали платить ясак, что для государственной казны было невыгодно. Крещеные мужчины приписывались к русской службе. Крещеные женщины восполняли недостаток женского населения среди русских в Сибири.

В целом, московское правительство не вмешивалось в племенной уклад и местные традиции. Чтобы гарантировать уплату ясака, правительство старалось завоевать расположение племенных и родовых вождей, а также других лучших людей. По словам Ланцева, этот «альянс русского правительства с высшим классом аборигенов был очень удобен для управления». ⁴³⁰

Через несколько лет московская государственная казна, а также русские купцы и охотники начали получать большой доход от сибирских мехов. Кроме поступления мехов от местного населения в качестве ясака, правительство располагало налогом в 10 процентов, взимаемым с частных предпринимателей, экспортирующих меха из Сибири.

II

В течение всего этого периода главой русского государства, номинально по крайней мере, являлся благочестивый, но слабовольный Федор, который стал царем в марте 1584 г. после смерти Ивана, однако самостоятельно управлять не мог и нуждался в руководстве. Советниками Федора стали те же влиятельные члены Боярской Думы, которые отвечали за управление в последние годы царствования Ивана IV: боярин Никита Романович Юрьев (дядя Федора), старший член Боярской Думы князь Иван Федорович Мстиславский (троюродный брат Федора) и боярин Борис Федорович Годунов (брат жены Федора). Ближе к этому правящему кругу стояли князья Шуйские. ⁴³¹

Серьезной угрозой смуты являлось существование малолетнего сводного брата Федора, царевича Дмитрия (родился в 1582 г.), сына седьмой жены царя Ивана IV, Марии Нагой. Иван оставил ему в удел город Углич. Хотя восшествие Федора на престол было абсолютно законным, существовала небольшая группа придворных, которые находились к нему или, скорее, к кругу советников, правящих от его имени, в оппозиции и поэтому защищали мнимые права Дмитрия на трон. Они не пытались поставить мальчика во главе царства немедленно – это было бы невозможно – но хотели, чтобы к нему относились, как к прямому наследнику (Федор на тот момент так и не имел детей). Это означало, что опекуны Дмитрия сохраняют свое положение в правительстве. В эту группу входила большая часть Нагих, братьев и родственников царицы Марии. Опасными их делала поддержка одного из ближайших военных советников царя Ивана IV в последние годы, не включенного в правящий круг Федора, оружничего Богдана Яковлевича Вольского, человека больших способностей, честолюбивого и мятежного.

Чтобы предотвратить попытку дворцового переворота, правительство Федора 24 мая 1584 г. отослало царицу Марию с сыном и братьями в удельный город Дмитрия, Углич. Официального разрыва, однако, между Москвой и Угличем не было. Царица Мария и мальчик Дмитрий жили во дворце Углича, как княжеская семья, и имели собственный двор. Отношения дворов Федора и царицы Марии оставались корректными, по меньшей мере внешне. Бельского назначили наместником Нижнего Новгорода и таким образом временно удалили из Москвы.

Другим обстоятельством, тревожившим некоторых советников царя Федора, включая Бориса Годунова, было то, что дочь князя Владимира Старицкого, Мария – троюродная сестра Федора и Дмитрия – жила за границей под покровительством правительства Речи Посполи-

⁴²⁹ 429. Там же, р. 101.

⁴³⁰ 430. Там же, р. 92.

⁴³¹ 431. Платонов, Очерки смуты (2-е изд., 1901), с. с. 147-149; Там же, Борис Годунов.

той. Существовала опасность, что в случае войны между Москвой и Речью Посполитой король Баторий использует имя Марии в противостоянии с правительством царя Федора.

Мария была вдовой датского герцога Магнуса, вассала царя Ивана IV в качестве короля Ливонии. Царь выдал Марию замуж за Магнуса в 1573 г. Пять лет спустя Магнус предал царя и перешел на сторону Батория. В 1583 г. он умер в бедности. Мария, все еще сохраняющая титул королевы Ливонии, оставалась в Польше.⁴³²

Советники царя Федора решили пригласить Марию с ее девятилетней дочерью в Москву. Приглашение необходимо было хранить в секрете от польско-литовского правительства, поскольку никому из москвитов не позволили бы с ней встретиться. Поэтому в августе 1585 г. Борис Годунов поручил представителю британско-русской компании Джерому Горсею, который собирался отбыть в Англию, посетить Марию, передать ей приглашение царя Федора и убедить ее согласиться приехать в Москву, для чего будут сделаны все необходимые приготовления. Из Данцига Горсей послал к царю Федору и Борису Годунову гонца с необходимой информацией, и некоторое время спустя побег Марии из Риги был организован. Вскоре после ее приезда в Москву Марию поместили в монастырь недалеко от Троицкой Лавры и вынудили постричься в монахини, приняв имя Марфа. Ее дочь умерла в 1588 г.⁴³³ Таким образом Борис не позволил ей играть какую-либо политическую роль при дворе царя Федора или среди бояр.

Еще одной тревожащей проблемой для правительства Федора являлся вопрос о политическом статусе великого князя тверского, Симеона Бекбулатовича. Великое княжество Тверское, восстановленное царем Иваном в 1577 г., было не только исторической аномалией, но и потенциальной угрозой единству Московского царства.

При жизни царя Ивана IV Симеон, хотя официально и был суверенным правителем, фактически являлся зависимым князем (служилым князем) Ивана IV. Эта зависимость, однако, держалась на личной верности Симеона Ивану. В будущем ситуация могла измениться. Симеон имел сыновей, следовательно, существовала возможность учреждения новой тверской княжеской династии, которую нельзя было сбрасывать со счетов.

Для устранения подобной возможности правительство Федора потребовало, чтобы Симеон официально объявил себя подданным царя Федора – в политических терминах Московии его холопом. Не имея никаких политических амбиций, Симеон согласился и начал называть себя так в своих посланиях Федору.⁴³⁴

Во внутренней политике лидеры правительства Федора должны были решать те же неотложные вопросы, что стояли перед ними, как советниками Ивана IV, и в предыдущие годы. Государственную казну необходимо было пополнять. Военнослужащих дворянской армии нужно было снабжать поместьями и работниками. Напомним, что еще с начала царствования Ивана IV московское правительство пыталось, получить дополнительные деньги и земли от церквей и монастырей. Церковный Собор 1580 г. согласился сделать некоторые уступки государству.

В июле 1584 г. (был созван другой церковный Собор с целью ограничить расширение церковных и монастырских землевладений и передать некоторые из них в распоряжение царя. Собор подтвердил решения, принятые в 1580 г., и вдобавок аннулировал так называемые тарханы, налоговые льготы духовенства.⁴³⁵

Идя навстречу требованиям военнотружущих дворян, правительство Федора вынуждено было продолжать принимать меры к обеспечению дворянских поместий работниками, и поэтому продолжало политику временного ограничения свободы крестьян. Известно, что

⁴³² 432. Цветаев, «Мария Владимировна и Магнус Датский», ЖМНР, 196 (1878), 57-85.

⁴³³ 433. Fletcher, pp. 22-23; Horsey, pp. 210-213.

⁴³⁴ 434. См.: Акты Московского государства, 7, No50, с. 52-53; Вернадский, «Иван Грозный и Симеон Бекбулатович».

⁴³⁵ 435. Текст решения Церковного Собора 1584 года см. в СГГД, 1, No 202, 392-598.

1581-1586, 1590-1592, 1594 и 1596 гг. были заповедными, то есть в течение этих лет крестьяне-арендаторы не имели права покидать поместья, в которых они работали. Возможно, что все годы до 1600-го являлись заповедными, хотя документальных свидетельств этого до сих пор не обнаружено.

Крестьяне-арендаторы, покинувшие хозяйские поместья в заповедные годы, считались беглыми и в случае поимки силой возвращались на прежнее место жительства. Таким образом начал обретать форму административный механизм поддержания нарождающегося крепостного права. К 1592 г. работа над новыми земельными кадастровыми книгами, которая началась в 1581 г., была закончена, и эти списки помогали устанавливать личности крестьян, живущих в поместьях землевладельцев.

Очень скоро московские власти начали получать жалобы от землевладельцев, чьи арендаторы сбежали в заповедные годы. Помещики требовали, чтобы администрация приняла шаги к возвращению беглых. 24 ноября 1597 г. царь Федор по совету Бориса Годунова издал указ, в котором правительство предписывало судьям не рассматривать жалобы помещиков по поводу побегов, случившихся до 1592 г., но принимать меры по сыску бежавших после 1592 г.⁴³⁶ Однако за семь месяцев до подписания этого законодательного акта вышел указ о кабале, по которому работник терял право освободиться от зависимости, выплатив взятое в долг, и обязывался служить своему хозяину (за проценты займа) до его смерти. После смерти господина кабальный человек автоматически получал свободу. Людей, служивших на тот момент добровольно без кабалы и отказывавшихся связать себя кабальным обязательством, следовало сместить, если они поступили на службу менее чем за полгода до нового указа. Если же они уже служили более полугодом, то считались кабальными холопами.⁴³⁷

Правительство царя Федора недолго сохраняло единство. В августе 1584 г. «ключевой человек» регентского совета, Н.Р. Юрьев, тяжело заболел (очевидно, был парализован). Он скончался весной 1585 г. Старший боярин, князь И. Ф. Мстиславский, попытался захватить власть и вывести друга Юрьева, Бориса Годунова, из совета. Интрига Мстиславского не удалась, он был сослан в Кириллов монастырь и вынужден принять постриг. Его сын, князь Федор Иванович Мстиславский, заменил его на посту старшего члена (первосоветника) Боярской Думы.⁴³⁸

Борис Годунов, со своей стороны, использовал падение И.Ф. Мстиславского как повод, чтобы лишить его зятя, Симеона Бекбулатовича, титула великого князя тверского и вместе с тем упразднить это великое княжество. Симеону было оставлено только его основное земельное владение, Кушалино, куда его и выслали. Упразднение Великого княжества Тверского диктовалось интересами государства, но сам Симеон, его друзья и родственники считали это результатом происков Бориса Годунова.

И действительно, после этих событий влияние Бориса Годунова на ход государственных дел значительно возросло. Его друзья и сторонники сравнивали положение Бориса в правительстве Федора с положением Алексея Адашева в первое десятилетие правления царя Ивана IV. Даже польским и литовским владыкам, пристально следившим за развитием политики Московии, скоро стало известно об этом.

В разговоре с московским послом к императору Рудольфу, во время его путешествия в Прагу через Польшу, архиепископ Станислав Карнковский, примас Гнезно, с большим ува-

⁴³⁶ 436. Очерки, 3,466; Греков, Крестьяне, 2,263; Чаев, «К вопросу о сыске...крестьян», с. 162; Ельяшевич, 2,71-72; Blum, Lord and Peasant. P.256.

⁴³⁷ 437. Владимирский-Буданов, Христоматия, 3,75-81; АИ, 1, No 221-II; Греков, Крестьяне, 2, 323-328; Смирнов, Восстание Болотникова, с. 53-54.

⁴³⁸ 438. Максимович, «Первосоветник», с. 150-151.

жением отозвался о Борисе Годунове, «втором Алексее Адашеве». Посол, Лука Новосильцев, ответил: «Алексей был мудрым человеком, а Борис еще мудрее».⁴³⁹

Однако возвышению Бориса Годунова бросил вызов род князей Шуйских, самым популярным в котором был тогда князь Иван Петрович, защитник Пскова. В борьбе с Борисом Шуйские нашли значительную поддержку у московских купцов, которые возражали против привилегий, пожалованных Борисом иностранным купцам. Митрополит Дионисий тоже оказался готов поддержать оппозицию Борису: Дионисий не любил Бориса за его политику ограничения роста церковных и монастырских землевладений и дружбу с иностранцами.

Шуйские и их последователи направили свои действия не непосредственно против Бориса, а против его сестры, царицы Ирины. Они полагали, что сила Бориса при дворе Федора строится на том, что он брат царицы. К тому моменту Ирина не имела от Федора детей. Шуйские потребовали, чтобы для продолжения династии Федор разделся с Ириной и взял другую супругу. Слабым пунктом этого плана являлось то, что Ирина не была бесплодной. Она перенесла несколько выкидышей (позже, в 1592 г., родила дочь).

Несмотря на это, митрополит Дионисий и Шуйские подали челобитную, в которой просили царя развестись с Ириной, и организовали уличную демонстрацию в поддержку своего прошения. Они жестоко просчитались. Хотя Федор и был слабовольным, он очень любил Ирину, а его нравственная интуиция угадывала за заботой Шуйских о государстве личный интерес. Действия митрополита Дионисия и Шуйских глубоко оскорбили его, и он поручил Борису и другим своим помощникам расправиться с оппозицией.

Митрополит Дионисий вынужден был оставить свой пост. Князя Андрея Ивановича Шуйского сослали в Каргополь, а Ивана Петровича – в Белоозеро. Несколько зачинщиков уличной демонстрации казнили. Однако в опалу попал не весь род Шуйских. Просто теперь наиболее влиятельным среди них стал изворотливый князь Василий Иванович (брат Андрея Ивановича).⁴⁴⁰

Крушение замысла Шуйских укрепило власть Бориса Годунова. Теперь он фактически стал правителем Руси. Это выражалось в сложном титуле, присвоенном ему царем Федором в 1591 г. Он звучал:

«Зять великого государя, управитель, слуга и конюший, боярин и дворцовый воевода, содержатель царств Казанского и Астраханского».

По решению Боярской Думы, принятому в присутствии царя Федора, Борис получил право вести официальную переписку с иностранными правительствами. Зарубежные послы после аудиенции у царя Федора должны были впредь отдавать дань уважения Борису в его дворце, где официальные обеды устраивались не менее щедро, чем у царя.⁴⁴¹

III

После отставки митрополита Дионисия совет епископов избрал в качестве его преемника архиепископа ростовского Иова. Нет никакого сомнения, что он был кандидатом Бориса Годунова. Иов родился в семье старицких посадских (крещен Иоанном), принял монашество в Старицком монастыре. В 1571 г. его назначили настоятелем Симонова монастыря в Москве.

Иов был человеком истинной веры и высоких моральных качеств. Мягкий, человечный и милосердный, он часто жертвовал деньги церквям и бедным. Когда он умер, в его кошельке обнаружили только пятнадцать рублей. Имея в высшей степени артистическую натуру и прекрасный голос, он прославился вдохновенным исполнением церковных служб. В религиозной

---

⁴³⁹ 439. ПДС, 1, кол 1034.

⁴⁴⁰ 440. Соловьев, 7, 195-197; Платонов, Борис Годунов, с. 27-29; Очерки, 3, 474-475.

⁴⁴¹ 441. Платонов, Борис Годунов, с. 29-34.

политике Иов был последователем митрополита Макария и его учеников. Он продолжил программу Макария по канонизации русских святых и верил в «гармонию» церкви с государством.

Было бы логично, если бы после того, как великий князь московский короновался царем, глава Русской церкви получил сан патриарха по византийской модели. Однако во второй половине царствования царя Ивана IV подобный план осуществить было невозможно. Но обстоятельства изменились, и московское духовенство, а также миряне, которых вдохновляла идея гармонии церкви и государства как основы православного царства, начали обдумывать возможность учреждения на Руси патриаршества. Во главе этого движения встали митрополит Иов и фактический правитель царства Борис Годунов.

Задача была деликатной. С 1448 г. Русская церковь являлась автокефальной, но ее возвышение до патриархии требовало согласия четырех православных патриархов: константинопольского (в чьем ведении находилась Русская церковь до 1488 г.), александрийского, иерусалимского и антиохийского.

Несколько греческих духовных лиц посещали Москву в правление Василия III и царя Ивана IV. Они искали денежной поддержки для обнищавшей и угнетаемой Православной церкви в Османской империи и пытались убедить московское правительство ходатайствовать перед турецкими властями за православные церкви в Турции.

В 1586 г. Москву впервые посетил православный патриарх, Иоаким Антиохийский. Митрополит Дионисий принял гостя с высокомерием, однако Борис Годунов имел с ним беседу и, по-видимому, упомянул о желании царя Федора учредить в Москве патриаршество. Перед отъездом Иоаким получил подобающее вспоможение.

Два года спустя патриарх Иеремия II Константинопольский прибыл в Польшу и Литву для инспекции дел в Западнорусской православной церкви (канонически, в то время, епархии константинопольской патриархии).⁴⁴² В июне 1588 г. Иеремия неожиданно решил отправиться в Москву, чтобы получить пожертвования и обсудить с московскими властями положение Православной церкви в Западной Руси. Он не известил Москву о своем предстоящем визите. Иеремия появился в Смоленске 24 июля и въехал в Москву 13 июля. 21 июля царь Федор дал ему торжественную аудиенцию.

В Москве ожидали, что Иеремия будет говорить об учреждении русского патриархата. Был ли он посвящен в этот план патриархом антиохийским или нет – неясно. Борис Годунов не хотел обсуждать эту тему с Иеремией, но все-таки предложил ему остаться в Москве в качестве патриарха. Поскольку Иеремия уже имел патриарший сан, никаких возражений со стороны других патриархов быть не могло. Но, согласно религиозному канону, его назначение еще не делало саму Русь патриархией.

Русских не удовлетворило такое случайное и временное соглашение, но они в дальнейшем весьма искусно использовали согласие Иеремии остаться на Руси. Борис Годунов, который проводил переговоры от имени царя Федора, посоветовал Иеремии поселиться не в Москве, а в старой столице, Владимире, в то время небольшом провинциальном городе. Предложение оскорбило Иеремию, он отказался и добился разрешения вернуться домой. Он согласился, однако, перед отъездом возвести в сан русского патриарха. В январе 1589 г. Собор русских епископов избрал трех кандидатов на патриарший престол (одним из них был митрополит Иов). Царь, как можно было ожидать, выбрал Иова. 26 января в Покровском соборе Иеремия торжественно возвел Иова в сан патриарха. А в мае патриарх Иеремия отправился с богатыми дарами обратно в Смоленск и Литву.⁴⁴³

⁴⁴² 442. См. Russia at Dawn, p. 285.

⁴⁴³ 443. Шпаков, Учреждение патриаршества в России, с. 278-348; Платонов, Борис Годунов, с. 60-65; Карташев, 2, 12-38 (основные библиографические ссылки с. 10-12).

Иеремия возвратился в Константинополь весной 1590 г. и созвал церковный совет, который согласился признать институт патриарха московского. В списке православных патриархов патриарх Руси получил пятый (низший) ранг (первый ранг принадлежал патриарху константинопольскому, вселенскому патриарху).

Такое положение не удовлетворило Москву, правительство потребовало пересмотра этого вопроса и присвоения Иову третьего ранга патриарха. Вопрос был опять поставлен на втором церковном Соборе в Константинополе в 1593 г. Претензию Москвы отвергли и подтвердили пятый ранг патриарха Руси. Однако Русская церковь тем не менее утвердила свой вселенский статус в православном мире.

IV

Возведение главы Русской церкви в ранг патриарха повысило статус церкви и на международной арене, и внутри страны. Это заметно подняло авторитет царя Федора, а также Бориса Годунова, который вел переговоры с патриархом Иеремией.

К этому моменту противодействие некоторых влиятельных бояр Борису ослабло, по меньшей мере внешне. Князья Ф.И. Мстиславский и В.И. Шуйский, казалось, были удовлетворены своим положением. Как и Богдан Бельский, которого призвали из Нижнего Новгорода в Москву. Тем не менее, в случае каких-либо новых осложнений или свидетельств боярской оппозиции, Борису хотелось бы рассчитывать на поддержку нового патриарха.

Пока царь Федор был жив, власть Бориса казалась твердо обеспеченной. Однако, если Федор умрет бездетным, потенциальным претендентом на московский трон становился мальчик Дмитрий, князь угличский. Если бы Дмитрий стал царем, реальную власть захватили бы его родственники, Нагие, ожесточенные удалением их от двора царя Федора и изгнанием в Углич. Они, очевидно, с ненавистью говорили о московском правительстве в присутствии Дмитрия, и по мере того, как он подрастал, ему становился понятен смысл их слов.

Согласно Авраамии Палицыну, родственники Дмитрия «сбивали его с толку» (от ближних си смущаему), с сожалением нашептывая ему, что он выслан из Москвы. Мальчик в результате проникся неприязнью к советникам царя Федора, более всех к Борису, и начал проявлять свои чувства в «в высшей степени неподобающей манере» (глаголет и действует нелепая)⁴⁴⁴.

Немец Конрад Буссов, проживший в Москве одиннадцать лет (с 1601 по 1611 г.), рассказывает, что с детства у Дмитрия проявлялись черты жестокого характера его отца. Однажды зимой он приказал своим товарищам по играм слепить снеговиков и, представляя эти фигуры ведущими московскими князьями и боярами, принялся рубить им головы, руки или ноги, приговаривая: «Вот, что я им сделаю, когда стану царем».⁴⁴⁵ Подобные истории, вне всякого сомнения, передавались правительственными шпионами в Москву.

В то время как Нагие ругали московское правительство, их преследовал страх, что агенты Москвы попытаются убить царевича Дмитрия.⁴⁴⁶

Подозрения Нагих в конце концов сосредоточились на дьяке Михаиле Битяговском, назначенном в 1590 г. инспектором финансового управления Угличского княжества и контролером дворцовых владений. По условиям назначения Битяговский контролировал выплату Нагим денежного содержания, что приводило к постоянным стычкам между ними и чиновником. Михаил Федорович Нагой, в частности, был неудовлетворен размером своего содержания и требовал у Битяговского дополнительных денег, а тот отказывался их выплачивать без специального распоряжения царя, в связи с чем отношения между ними сильно накалились.

⁴⁴⁴ 444. Авраамий Палицын, Сказание, с. 102-103.

⁴⁴⁵ 445. Бусов. Московская хроника, с. 80.

⁴⁴⁶ 446. В 1588 году Fletcher, pp. 21-22 слышал о подобных предполагаемых намерениях. Возможно он получил эту информацию от Джерома Горсея, который лично знал Михаила Нагого.

Строго говоря, Нагим не нравилось вмешательство московского правительства в управление Угличем. Время независимости удельных княжеств (Углич оставался последним из них) закончилось. Углич должен был нести свою долю государственных тягот, таких, как набор рекрутов (посоха), рабочих рук и доставка провианта для армии. За это отвечал городской приказчик. Война со Швецией, начавшаяся в 1590 г., потребовала привлечения в армию новых солдат. Владения Нагих не освобождались от посохи, однако они, особенно Михаил Нагой, не желали поставлять своих людей. Битяговский выговорил ему за пренебрежение к своему долгу, что добавило масла в огонь ненависти Михаила Нагого.

Раздраженные вмешательством Москвы в их дела и уверенные в дурных намерениях правительства Федора в отношении Дмитрия, Нагие начали организовывать заговор. От своих соглядатаев Битяговский знал, что Нагие покровительствуют разным ворожеям, от которых пытаются получить предсказания о том, как долго будут жить царь Федор и царица Ирина. Битяговский постоянно упрекал Михаила Нагого в подобном неумеренном любопытстве.

Битяговский, очевидно, подозревал, что за встречами с гадалками кроется нечто более серьезное, но не знал, что именно. Из последующих событий ясно, что к концу 1590 г. план действий Нагих был готов, и с помощью гадалок (некоторые из них могли участвовать в заговоре) они, по всей вероятности, хотели определить подходящий момент для выступления.

Нагие, судя по всему, считали, что напряженная международная обстановка скоро предоставит им удобный случай начать бунт внутри Руси. В феврале 1590 г. Москва заключила со Швецией перемирие сроком на один год. В мае 1591 г. стало ясно, что война со Швецией неизбежна (она началась в июне). Шведы скоординировали свои планы с планами крымского хана, который с весны 1591 г. готовился к мощной кампании против Москвы.

В этих обстоятельствах в Угличе произошло трагическое событие, лишившее Нагих их козырной карты.⁴⁴⁷

Царевич Дмитрий страдал эпилепсией, с ним случались исключительно жестокие припадки. В субботу, 15 мая 1591 г., примерно в полдень, Дмитрий забавлялся у дворца с четырьмя другими мальчиками, его обычными партнерами, игрой в ножики (тычкой)⁴⁴⁸. Как потом показывала нянька следственной комиссии, присланной из Москвы, с Дмитрием неожиданно случился сильный эпилептический припадок. «И он закололся ножом, и она взяла его на руки, и он отошел у нее на руках». Мальчики подтвердили ее слова.

Ни царицы Марии, ни ее братьев, когда произошел несчастный случай, рядом с Дмитрием не было; они выбежали из своих покоев, услышав со двора крики. Нагие так долго жили в страхе перед возможным убийством царевича московскими людьми, что ни на минуту не усомнились, что это дело рук Битяговского. Михаилу Нагому представился случай свести с дьяком счеты. Михаил даже высказал подозрения относительно трех юношей (в том числе сына Битяговского), хотя ни одного из них не видели во дворе в момент смерти Дмитрия.

Но не только о наказании Битяговского подумал тогда Михаил Нагой в этот момент. В отчаянии он решил, что час выступления пробил, и распространил слух об убийстве царевича. Последовало всеобщее смятение. В церкви Спасителя ударили в набат, не успев дожидаться приказания Михаила.

Мятеж начался. Разъяренные люди растерзали Битяговского и его сына. Большинство жителей Углича не любили Битяговского за твердость, которую он проявлял при сборе налогов. Посошники, свезенные в Углич, были обозлены и тоже присоединились к бунту. Приказ Битяговского и его дом, а также дома некоторых других правительственных чиновников толпа

⁴⁴⁷ 447. О последующем см. Vernadsky, «Death of three Tsarevich Dmitri»; Id., «Die Tragudie von Uglii»; Полосин, Социально-политическая история России XVI-XVII вв., с. 216-245 («Угличское следственное дело 1591 г.»); Barbour, Dmitry, pp. 3-7.

⁴⁴⁸ 448. В этой игре игрок держит нож за лезвие и бросает его таким образом, чтобы он перевернулся в полете один или несколько раз до того, как воткнется в цель.

разграбила дочиста. Многие зажиточные горожане были запуганы и бежали из города. Некоторых из них мятежники взяли под стражу.⁴⁴⁹

Нагие, разумеется, понимали, что не смогут удержать Углич, если Москва пошлет против бунтовщиков войска. Поэтому они решили отвлечь внимание правительства от Углича решительными действиями в самой Москве. Позаботиться об этом должен был Афанасий Александрович Нагой, двоюродный брат Михаила Федоровича Нагого.

Известия о смерти Дмитрия и мятеже в Угличе достигли Москвы вечером следующего дня. Сразу же было решено отправить в Углич следственную комиссию и отряд стрельцов для подавления мятежа. Комиссию возглавил князь Василий Иванович Шуйский. Патриарх направил в качестве своего представителя митрополита Геласия. С прибытием стрельцов, а затем комиссии беспорядки в Угличе прекратились.

В задачу комиссии не входило делать какие-либо собственные заключения, она должна была только допросить свидетелей и участников событий и представить в правительство отчет о своем расследовании. Свидетели дали разные показания по поводу смерти царевича. Сведения тех, кто утверждал, что Дмитрия убили, не скрывались. Кроме расследования обстоятельств смерти Дмитрия, комиссия также собирала информацию о роли Нагих в мятеже и при роде бунта горожан.⁴⁵⁰ Следователи работали в Угличе до 30 мая и вернулись в Москву 1 июня.

24 мая Москву потрясли ужасные пожары, начавшиеся одновременно в разных частях города. Летопись, написанная после канонизации царевича Дмитрия, объясняла пожары Божьей карой за убийство царевича.⁴⁵¹ Но в действительности пожары были результатом работы поджигателей. Их главарей схватили, и они показали перед боярами, что им за это заплатили люди Афанасия Александровича Нагого, и что Афанасий разослал своих людей организовать поджоги и во многих других городах, в том числе, в Чусовой на Урале.

28 мая царь Федор отправил Максиму Строганову в Чусовую грамоту с извещением об опасности и приказанием принять все меры предосторожности для предотвращения поджогов.⁴⁵² Подобные грамоты, по всей вероятности, были разосланы и в несколько других городов.

Правительство, таким образом, столкнулось с двумя проявлениями изменнической деятельности Нагих: открытым мятежом в Угличе и поджогами, или попыткой поджогов, в Москве и других городах.

2 июня комиссия представила царю свой отчет, царь передал его патриарху и собору епископов. Епископы решили, что смерть царевича – деяние Божие, а Михаил Нагой и посадские Углича виновны в пролитии невинной крови и заслуживают наказания. Выбор наказания оставили за светскими властями.

Мать Дмитрия, царица Мария, приняла постриг под именем Марфы и была отправлена в монастырь близ Белоозера.

Никого из Нагих не казнили. Троиц (Михаила Федоровича, его отца Федора Федоровича и двоюродного брата Михаила, Андрея Александровича) сослали в отдаленные города и заключили в темницу. Их собственность конфисковали. Такому же наказанию, по всей видимости, подвергся и Афанасий Александрович.

Углицких посадских, принимавших активное участие в мятеже, выслали в Сибирь на поселение в недавно основанном городе Пелыме. Наказание в этом случае содействовало проекту колонизации Сибири.

⁴⁴⁹ 449. Полосин, «Угличское следственное дело», с. 239-242.

⁴⁵⁰ 450. Единственное вызывающее доверие издание отчета комиссии (не сохранившееся полностью) – И. И. Клейн, «Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия», Записки археологического Института, 25 (1913).

⁴⁵¹ 451. «Новый летописец», ПСРЛ, 14, ч. II, 42.

⁴⁵² 452. Текст грамоты царя Федора от 27 мая 1591 года см. Голубцов, «Измена Нагих», с. 70.

V

Подавив выступление Нагих, московское правительство должно было принять необходимые меры для защиты от надвигающегося нашествия крымского хана Казы-Гирея. Татар поддерживали Малые ногайцы (жившие тогда на Северном Кавказе между Кубанью и Нижним Доном).

Одновременно на северо-западе ожидали нападения шведов, и значительное количество русских войск необходимо было держать там. Поскольку вооруженные силы русских были, таким образом, разделены между двумя фронтами, армия, выставленная против Казы-Гирея, была недостаточно многочисленной, чтобы справиться на открытой местности с татарами.

Поэтому весьма реальной была опасность того, что Казы-Гирей дойдет до Москвы, как в 1571 г. Девлет-Гирей. Катастрофа того года – сожжение татарами Москвы – еще не стерлась из памяти. Была проведена серьезная подготовка, чтобы предотвратить повторение несчастья двадцатилетней давности. Напомним, что 24 мая часть города пострадала от пожаров и, возможно, была еще не полностью восстановлена.

Правительство решило разместить передовые отряды войска в Серпухове и укрепить подходы к самой Москве. На недавно законченной стене (Белом Каменном городе), окружавшей основную часть города (большой посад), установили пушки. Для защиты внешних посадов, вокруг них возвели деревянные стены. Чтобы предотвратить проникновение татар с юга через Замоскворечье (в излучине реки Москвы) к Кремлю⁴⁵³, построили деревянную башню на колесах и оснастили ее легкими полевыми пушками.⁴⁵⁴

Царь Федор назначил первым воеводой Большого полка князя Федора Мстиславского, а вторым – Бориса Годунова. Кроме того, под их командованием создали военный совет из пяти военачальников, включая Богдана Вольского.⁴⁵⁵ Фактическим главой совета являлся Борис Годунов, главным военным экспертом – Богдан Вольский.

Чтобы поднять дух и религиозные чувства москвитов, царь Федор и патриарх Иов напомнили им о благословении, данном св. Сергием в 1380 г. великому князю Дмитрию на борьбу против хана Мамай, и о его последующей победе на Куликовом поле на Дону (после чего князя Дмитрия стали называть Донским).⁴⁵⁶ Для увековечения этого события была тогда написана икона Божьей Матери, которую Дмитрий Донской по традиции передал в Благовещенский собор в Москве.⁴⁵⁷ Она стала известна, как икона Донской Божьей Матери.

Во время напряженного ожидания татарского нашествия царь Федор и патриарх Иов призывали народ молиться перед этой почитаемой иконой, а также перед ликом св. Сергия.

4 июля хан и его татары подошли к Москве. Их встретили пушечные залпы с городских стен и башен. В излучине Москвы-реки русские, под защитой передвижной башни, отбили все атаки татар.

Татары не предполагали, что Москва так хорошо укреплена, и не ожидали встретиться со столь мощным сопротивлением. Не сумев взять Москву штурмом с одного удара и понеся огромные потери, они упали духом. Кроме того, через своих шпионов они узнали, что к Москве движутся дополнительные войска русских. Ночью хан дал приказ отступать. Русская конница преследовала его до самой Оки. Москва была спасена.

⁴⁵³ 453. См. карту «Moscow 1», p. 269 in K. Baedeker, Russia (Leipzig, 1914), 6-7 C-D.

⁴⁵⁴ 454. ПСРЛ, 14, ч1, 11-12.

⁴⁵⁵ 455. Сибирский Сборник, с. 115.

⁴⁵⁶ 456. См. Монголы и Русь.

⁴⁵⁷ 457. Kondakov, The Russian Icon, pp. 89-90; Plate XIX, 2.

Это оказалось последним крупным набегом крымских татар во время царствования Федора.

В следующем году царь Федор повелел построить монастырь на том месте, где во время сражения выдержала атаку передвижная башня. Была выполнена копия иконы Донской Божьей Матери, которую поместили в монастырской церкви. Этот монастырь стал известен под названием Донской.⁴⁵⁸

Победа над татарами позволила московскому правительству сконцентрировать внимание на угрозе со стороны шведов. Целью Москвы в войне со Швецией было вернуть не только древнюю русскую территорию Ингрию (с городами Ивангород и Копорье), отданную шведам в 1583 г., но и Нарву, находившуюся во владении русских с 1558 по 1583 г. и ставшую за то время оживленным торговым портом.

В январе 1590 г. русские вновь захватили Ингрию, но не смогли взять штурмом Нарву. Война возобновилась в 1591 г. и продолжалась два года без решающих результатов. В 1593 г. было заключено перемирие, по которому Нарва осталась за Швецией. Московскому правительству стало ясно, что понадобятся большие усилия, чтобы вернуть этот порт. Продолжение войны означало бы вовлечение этот конфликт Литвы и Польши. Борис Годунов считал, что нужно пойти на компромисс.

16 мая 1595 г. Москва и Швеция подписали договор о «вечном мире». Шведы согласились уступить Руси Ингрию, но оставили за собой Нарву⁴⁵⁹ и поэтому праздновали этот договор, как свой большой успех. Москва тоже была удовлетворена договором, поскольку возвращение Ивангорода и Копорья закрепляло ее позиции в устье реки Невы.

Шведы не смогли в полной мере использовать Нарву в качестве торгового порта, и поток товаров через этот город быстро сократился. Для Руси большее значение, чем прежде, приобрел северный торговый путь через Белое море.

До 1584 г. монополию на торговлю с Московией по северному пути держали английские купцы, но в тот год их позиции сильно поколебал провал миссии Джерома Боуса.

После того, как Борис Годунов подготовил почву для восстановления дружественных отношений с Англией через нового представителя Русской Компании Джерома Горсея, царь Федор вновь пожаловал Московской компании в 1586 г. привилегию, освобождавшую английских купцов от уплаты таможенных пошлин. Но требование англичан получить торговую монополию на северном пути было отклонено. Им также отказали в праве торговать в Казани и Астрахани (и свободном проезде в Персию).⁴⁶⁰ Привилегия 1586 г. была подтверждена в 1596 и вновь в 1598 г. после того, как царем избрали Бориса Годунова.

Отношения с Польшей представляли собой самую сложную из стоявших перед дипломатией Московии в начале царствования царя Федора проблем.⁴⁶¹ Короля Батория не остановило русско-польское перемирие 1582 г., и он готовился к новой войне с Московией. В его грандиозном плане покорение Москвы являлось только прелюдией к войне против Османской империи и завоеванию Константинополя. Планы Батория обсуждались Поссевино с папой Сикстом V, который отнесся к ним доброжелательно.

Канцлер Ян Замойский одобрил планы Батория, но большая часть польских и литовских магнатов и дворян (шляхты) устала от дорогостоящих войн и была против новых рискованных предприятий. Московские дипломаты, зная об этих внутренних проблемах Польши, пытались избежать, или, по меньшей мере, отодвинуть войну, продолжая переговоры. В феврале 1585 г.

⁴⁵⁸ 458. ПСРЛ, 14, ч.1,15.

⁴⁵⁹ 459. Соловьев, 7,232-233,237-239; Платонов, Борис Годунов, с. 46-47.

⁴⁶⁰ 460. Русский текст привилегии 1586 года см.: Сборник, 38,176-179. Ср.: Lubimenko, Relations commerciales...entre la Russie et laAngleterre, pp.56-57.

⁴⁶¹ 461. О последующем см.: Соловьев, 7,201-213; Платонов, Борис Годунов, с. 40-43; Histiria Polski, 1, part II, 502; Winter, I, 245-247.

Баторий потребовал передать Польше Смоленск, Северскую Землю, Новгород и Псков. Москва рискнула отклонить это требование. Баторий согласился продлить перемирие еще на два года.

В 1586 г. он направил в Москву нового посла, Михаила Гарабурду, с предложением династического союза между Москвой и Речью Посполитой. Способ реализации объединения зависел от того, кто из двух правителей умрет первым. В случае, если Баторий умрет раньше Федора, последний станет королем Польши и великим князем литовским (оставаясь царем Московии). В противном случае Баторий примет корону Московского царства, оставаясь королем Польши и великим князем литовским.

По сути дела, некоторые польские и литовские магнаты полагали, что даже если судьба сделает Федора главой тройственного союза, это пойдет на пользу Польше и Литве, поскольку Московские бояре оценят и примут конституционные привилегии польской и литовской аристократии, будут готовы ввести такие же конституционные формы на Руси и, таким образом, подпадут под влияние своих литовских собратьев.

Московские бояре заявили, что непристойно вести торг о том, как распределятся роли после смерти одного из владык при своем живом царе и отказались обсуждать предложенную схему. Гарабурда тогда предложил организовать на границе встречу польско-литовских и русских полномочных представителей для переговоров об условиях вечного мира. Бояре согласились только на то, чтобы направить к Баторию посольство для продления перемирия. Переговоры закончились продлением перемирия еще на два месяца, но до истечения его срока действия, 2 декабря (12 декабря по новому стилю) 1586г., после непродолжительной болезни Баторий скончался.

В междуцарствие, последовавшее за смертью Батория, как и в период с 1572 до 1576 г., образовалось несколько групп польских магнатов, каждая из которых поддерживала собственного кандидата на выборах нового короля. Одним из кандидатов был царь Федор, другим – эрцгерцог Максимилиан (брат императора Рудольфа). Избрали (1587 г.) шведского принца Сигизмунда, сына короля Иоанна III и прямого наследника шведского престола. Его мать, Екатерина Ягеллонка, приходилась сестрой покойному королю Польши Сигизмунду Августу и сестрой вдове Батория, Анне. Сигизмунд был истовым католиком.

Хотя канцлер Ян Замойский и поддержал кандидатуру Сигизмунда, последний после своего избрания отказался прислушиваться к Замойскому, и отношения между ними накалились. Самыми доверенными советниками Сигизмунда стали иезуиты. Сигизмунд, как до него Баторий, пытался укрепить королевскую власть, но, не обладая талантами Батория, имел еще меньше шансов на успех. Король и сейм постоянно конфликтовали. Однако в 1589 г. Сигизмунд вопреки совету Замойского утвердил указ сейма, по которому все решения стали приниматься единогласно. Это означало признание принципа так называемого *liberum veto* и послужило во многих последующих случаях серьезным препятствием для нормальной работы сейма.

В августе 1587 г., еще до избрания Сигизмунда, московскому правительству удалось заключить с Речью Посполитой пятнадцатилетнее перемирие.⁴⁶²

В Москве хорошо знали о разногласиях в польско-литовском государстве после выборов Сигизмунда и о непопулярности нового короля. Московские дипломаты в связи с этим занимали на последующих переговорах с поляками и литовцами более твердую позицию, чем могли себе позволить в правление Батория.

В отношениях с Османской империей главной целью московского правительства в этот период было сохранить мир. Москва боялась нового турецкого нападения на Астрахань, а также пособничества султана крымским татарам в набегах на Русь. Турки, в свою очередь,

⁴⁶² **462.** О политике во время междуцарствия в Польше см.: Соловьев, 7,213-228; Платонов, Борис Годунов, с. 43-45; Historia Polski, pp. 504-505.

жаловались на нападения донских казаков на владения Турции в районе Азова и грабежи торговых караванов.⁴⁶³

Чтобы подготовиться к возможной войне с Турцией, московское правительство с целью альянса против этой страны вступило в переговоры с шахом Персии. Шах Аббас Великий выразил готовность передать царю Баку и Дербент, хотя ни то, ни другое ему самому в то время не принадлежало.⁴⁶⁴

Между Персией и Турцией, двумя воюющими между собой в Закавказье могущественными мусульманскими державами, находилась небольшая христианская Грузия. Она делилась на три маленьких царства – Кахетию (Кохети), Картли и Имеретию (Имерети), которую прочно удерживали турки. В 1586 г. Александр, царь Кахетии (восточного греческого царства), направил в Москву посольство просить царя Федора о защите.

Защиту обещали, и обмен посольствами продолжился. Эта акция спровоцировала столкновение Москвы с протурецким мусульманским государством Тарки, располагавшимся вдоль западного побережья Каспийского моря, к югу от реки Сулак (в направлении Дербента). Это столкновение потребовало много сил и окончилось сокрушительным поражением русских экспедиционных войск в 1605 г. Смерть царя Бориса и последующие смуты в Московии вызвали длительный перерыв в русском вмешательстве в закавказские дела.⁴⁶⁵

После завоевания Казани и Астрахани Московия смогла успешнее контролировать передвижения орды Больших ногайцев. Между ветвями правящего дома ногайцев не было согласия. Некоторые мурзы были готовы признать суверенитет московского царя. Другие были настроены враждебно и поддерживали восстания казанских татар и мари (черемисов), а также набеги крымских татар.

В 1587 г. ведущий мурза Больших ногайцев Урус согласился сотрудничать с русскими, а в 1600 г. (во время царствования Бориса) мурза Иштерек официально объявил себя вассалом русского царя.⁴⁶⁶

Обобщая вышеизложенный очерк военной и внешней политики Московии в царствование царя Федора, мы должны сказать, что в основном она была успешной и значительно улучшила международное положение царства. Нет сомнений, что политикой в целом руководил Борис Годунов. Однако Боярская Дума тоже играла активную роль в ведении иностранных дел. Глава Посольского приказа дьяк Андрей Шелкалов умело содействовал Борису. В 1594 г. Андрея заменил его брат Василий.

Тонкий польский наблюдатель неслучайно назвал Бориса «вторым Адашевым». Действительно, главные направления деятельности Бориса были те же, что у Адашева – приоритетное внимание татарской проблеме, а не балтийской, и стремление избежать войны с Польшей.

Напомним, что Адашев в конце сороковых и пятидесятих годов XVI столетия являлся одним из главных воплощений евразийских планов правительства царя Ивана IV: покорение Казани и Астрахани привело к продвижению русских в татарский мир, открытию путей на Кавказ, побережье Каспия, в Сибирь и улучшению положения русских в борьбе против Крымского ханства.

Борис продолжил дело, начатое Адашевым. Роль Бориса Годунова в создании русской евразийской империи весьма значительна. Это было официально признано в титуле, пожалованном ему царем Федором: «содержатель царств Казанского и Астраханского». Помимо мно-

⁴⁶³ 463. Смирнов, Россия и Турция, I, 128-158.

⁴⁶⁴ 464. Карамзин, 10, 64-65; Соловьев, 7, 279; Очерки, 3, 871-872; Кушева, Народы северного Кавказа, с. 273-275, 283-286.

⁴⁶⁵ 465. О московско-грузинских отношениях и кавказской политике Бориса в конце шестнадцатого века см.: Карамзин, 10, 59-64, 183-185; 11, 57-61; Соловьев, 7, 278-279; 8, 373-384; Белоруков, Сношения России с Кавказом; Кушева, Народы Северного Кавказа, с. 268-269, 287-288.

⁴⁶⁶ 466. Очерки, 3, 481; Новосельский, ес. 34-40.

гих других обязанностей на Бориса возложили управление Казанским приказом, которое включало и ведение сибирскими делами.

Чтобы обеспечить русскую колонизацию на восток, юго-восток и юг, защитить русские поселения от нападений крымских татар и ногайцев, а также для контроля над казанскими татарами и мари постепенно была построена сеть укрепленных городов. Эта система следовала плану, разработанному князем Михаилом Воротынским в 1571 г.

Важнейшими из новых городов на Средней Волге и в районе Нижней Камы стали Санчурск (построен в 1585 г.), Самара (1586 г.). Уфа в Башкирии (1586 г.), Царицын (1588 г.) и Саратов (1590 г.). На юге – Ливны и построенный в 1586 г. Воронеж, Елец (1592 г.), Кромы (1595 г.) и Курск (старый город, восстановлен и укреплен в 1597 г.).⁴⁶⁷ Возведение новых городов в Сибири, как отмечалось раньше, было частью той же программы, равно как и строительство (или обновление) Терского города (1588 г.) и Сунженского острога (1590 г.) в восточной части Северного Кавказа.⁴⁶⁸

При формировании гарнизонов этих городов правительство использовало два пути: перевод части гарнизона из старых городов – стрельцов, пушкарей (артиллеристов), служилых казаков (казаков, состоящих на государственной службе) и набор добровольцев среди независимых казаков и свободных неприкрепленных людей (гулящие люди) разного рода. Это увеличивало ряды служилых казаков. Военнослужащие получали жалованье и земельные наделы. Постепенно в эти города пришли купцы и ремесленники, в непосредственной близости от них поселились крестьяне. Кроме возделывания земли для себя, люди должны были обрабатывать определенную часть земли для государственных зерновых запасов (государственная десятинная пашня).⁴⁶⁹

Только некоторые донские казаки поступили на русскую службу и стали служилыми казаками, основная же их часть в районе Нижнего Дона и Нижнего Донца оставалась независимой. Они по-своему защищали интересы русского народа и русского государства в борьбе против крымских татар, ногайцев и турок, однако отказывались подчиняться приказам царя и часто подвергали опасности отношения Москвы с Турцией, совершая набеги на турецкие владения именно тогда, когда Москва нуждалась в мире. Эта проблема вела к конфликту между Москвой и Доном.⁴⁷⁰

VI

В середине июня 1592 г. царица Ирина родила дочь, окрещенную Феодосией, это породило надежды, что царь Федор не умрет без наследника. Событие укрепило положение Бориса Годунова. В случае преждевременной смерти царя Федора, Борис мог бы править от имени его дочери (кроме того, нельзя было исключать возможность рождения Ириной сына). Но 25 января 1594 г. малолетняя царевна умерла. Других детей не последовало. Четыре года спустя, 7 января 1598 г., царь Федор скончался.

Перед смертью он «передал скипетр царства» царице Ирине. Боярская Дума в присутствии патриарха Иова и епископов присягнула на верность Ирине.⁴⁷¹ Народ в Москве и повсеместно признал ее власть. Однако Ирина отказалась от трона. Она постриглась в монахини

⁴⁶⁷ 467. Очерки, 3,480-481.

⁴⁶⁸ 468. См. Кушева, Народы Северного Кавказа, Указатель, с. 365-366.

⁴⁶⁹ 469. Платонов, Очерки истории Смуты (изд. 1901 г.), с. 74-78; Тихомиров, Россия в XVI столетии, ч. XX-XXI.

⁴⁷⁰ 470. О появлении донских казаков и их отношениях с Москвой в течение царствования царя Федора см.: Платонов, Очерки истории Смуты (изд. 1901 г.), с. 87-91; Сватиков, Россия и Дон, с. 6-16,41-50, Тихомиров, Россия в XVI столетии, с. 426-429.

⁴⁷¹ 471. ПСРЛ, 14,4.1,19-20; Платонов, Борис Годунов, с. 116.

и удалилась в Новодевичий монастырь. Патриарх Иов временно принял на себя верховную власть.

Некоторые бояре желали объявить временным правительством Московии Боярскую Думу. Патриарх же, епископы и другие бояре просили Александру (монашеское имя Ирины) сохранить за собой титул царицы и передать фактическую власть своему брату Борису. Ни Александра, ни Борис не пошли на это.

Борис прекрасно понимал, что для того, чтобы быть признанным нацией в качестве правителя, ему необходимы более серьезные основания, чем просто благословение сестры. Нового царя нужно было избрать. Некоторые влиятельные бояре считали Боярскую Думу достаточно компетентным институтом для выборов царя. Но чтобы быть избранным Боярской Думой, Борису пришлось бы пожаловать этому органу часть конституционных полномочий, ограничивающих царскую власть. Кроме того, избрание Боярской Думой вряд ли было бы достаточно авторитетно. Единственным способом выбрать нового царя, которого признал бы весь народ, было созвать национальное собрание (земский Собор).

Как регент, патриарх Иов немедленно начал подготовку. На корону было три претендента: Борис Годунов, фактический правитель царства в последнее десятилетие царствования царя Федора; князь Федор Мстиславский, старший член Боярской Думы; и боярин Федор Никитич Романов. Существуют свидетельства, что в числе кандидатов был и Богдан Бельский.

Кроме Бельского, все кандидаты могли заявлять об определенной степени родства с покойным царем Федором. Бабушка Ф.И. Мстиславского приходилась двоюродной сестрой царю Ивану IV. Ф.Н. Романов был двоюродным братом царя Федора. Борис Годунов являлся шурином Федора. На этих выборах, устанавливающих новую династию, любая связь с династией пресекшейся могла психологически помочь кандидату. Поэтому Бельский вряд ли имел какие-либо шансы на избрание. Мстиславский же уступал в популярности Федору Романову (родился примерно в 1554 г.), общительному, умному и честолюбивому человеку сильной воли, в юности считавшемуся самым блестящим «денди» Москвы.

Выбор, таким образом, свелся к двум кандидатурам – Бориса Годунова и Федора Романова. Положение Бориса было много прочнее, поскольку он уже несколько лет находился на вершине власти и был известен как опытный и одаренный правитель. Многим казалось надежнее не менять установившегося порядка. Кроме того, Борис имел больше, чем Федор Романов, сторонников среди дворян и располагал, благодаря представителям верной ему администрации, большим количеством сборщиков голосов.

Официально Борис вообще не принимал участия в предвыборной кампании. На него работали его родственники и друзья. Он удалился в келью на территории Новодевичьего монастыря и дал знать патриарху, что не примет трон. Он шел на риск, но ему хотелось поставить себя выше политической борьбы, в положение незаменимого лидера, которого нация должна признать без какой-либо агитации с его стороны.

Атмосфера в Москве накалилась. Андрей Сапега, литовский староста Орши, города у московской границы в направлении Смоленска, получил информацию от своих соглядатаев, что большая часть бояр поддерживает кандидатуру Федора Романова, но большинство дворян, стрельцов и посадских за Бориса Годунова.⁴⁷²

Выборный Собор собрался 17 февраля 1598 года. Он был созван по тем же правилам, что и Собор 1566 г., и состоял из представителей тех же четырех групп: духовенства, бояр и чиновников высшей администрации, армейских военачальников, купцов и посадских. Единственным нововведением стал допуск к участию в голосовании не только дворянских военачальни-

⁴⁷² 472. Платонов, Очерки истории Смуты (изд. 1901 г.), с. 178; Он же, Борис Годунов, с. 126.

ков, но и стрелецких сотников. По Ключевскому, общее количество представителей составляло 512 человек.⁴⁷³

Ни за кого из кандидатов официально не голосовали. Когда патриарх Иов с удовлетворением обнаружил, что подавляющее большинство выступает за Бориса Годунова, он убедил остальных принять Бориса в качестве царя, чтобы добиться единогласного голосования. Так и было зафиксировано.⁴⁷⁴

Когда Бориса известили об избрании, он отказался принять трон. Как он, по-видимому, конфиденциально объяснил патриарху, ему хотелось получить особые гарантии того, что его не только избрали Царем, но и признали как основателя новой династии. Напомним, что в Речи Посполитой королевский трон не наследовался. Московские бояре прекрасно знали об этом, и некоторые могли желать введения подобного принципа в Московии. Борис хотел, чтобы избрание Собором подтвердил народ в целом.

18 февраля патриарх Иов созвал в Успенском соборе новое заседание выборного Собора. На этом Соборе было решено считать изменником каждого москвитя, который признает своим государем любого другого человека, кроме Бориса, его сына Федора и их потомков. Каждый москвит, знающий о таком изменнике, должен был разоблачить его перед патриархом и Собором. Патриарх должен был отлучить его от церкви и передать на суд светским властям.

Кроме того, Собор одобрил предложение патриарха членам Собора и всем людям московским пойти в понедельник, 20 февраля (это был первый день Великого поста) процессией в Новодевичий монастырь, чтобы просить царицу Александру убедить брата принять трон и стать царем. Это было сделано, но и Александра, и Борис отказались. На следующий день процессия явилась к Новодевичьему монастырю в еще большем количестве. На этот раз Александра дала согласие просить брата взойти на престол, и он удовлетворил ее просьбу.

Такова суть истории, изложенной цветистым стилем (вероятно патриархом Иовом) в грамоте об избрании и восшествии на трон царя Бориса, датированной 1 августа 1598 г.⁴⁷⁵

Политическое значение событий 20-21 февраля (с точки зрения патриарха Иова, Бориса и его сторонников) заключалось в том, что власть Бориса как царя основывалась не только на решении Собора, но и на воле народа Москвы.⁴⁷⁶

26 февраля патриарх, духовенство и народ ввели царя Бориса в Успенский собор для благодарственного молебна. После чего Борис возвратился в свою келью в Новодевичьем монастыре и провел там Великий пост и Пасху. Только 30 апреля он поселился в царском дворце. Но коронацию, согласно его желанию, отложили на 1 сентября. Собор продолжал свою работу до этой даты.

1 апреля, когда Борис еще находился в Новодевичьем монастыре, от донских казаков пришло известие, что крымский хан Казы-Гирей закончил подготовку к широкомасштабному походу на Московию.

Борис немедленно отдал приказ о сборе войска на берегу Оки. 20 апреля донские казаки доложили, что передовые части татар атаковали русские пограничные отряды. Борис решил лично возглавить армию и 2 мая выехал из Москвы в Серпухов, где разместил свою ставку.⁴⁷⁷

⁴⁷³ 473. О выборном Соборе 1598 года см.: Ключевский, «Состав представительства на земских соборах Древней Руси» в его Сочинения, 8 (1959), 51-70; Платонов, Борис Годунов, с. 117-119.

⁴⁷⁴ 474. Текст резолюции собора от 17 февраля 1598 года см.: ААЭ, 2, No 6,13-16; Готье, Акты земских соборов, с. 12-15.

⁴⁷⁵ 475. Текст грамоты от 1 августа 1598 года см. у ААЭ, 2, No 7,16-54. См. особенно с. 27-35.

⁴⁷⁶ 476. Ср. Ключевский, «Состав представительства на земских соборах», Сочинения, 8,68; Платонов, Борис Годунов, с. 119.

⁴⁷⁷ 477. Об этом и последующем см.: Карамзин, 11,14-20; Карамзин, Примечания, 11, примечания 10-20, с. 5-7; Соловьев, 8,353-354; Сибирский Сборник, с. 134-138.

Царицы, монахиня Александра и супруга Бориса Мария, а также царевич Федор остались в Москве. Ответственными за безопасность столицы были назначены несколько бояр и высших сановников.

Полевая армия, сосредоточенная на берегах Оки, была больше всех, когда-либо собранных русскими ранее. Ее точная величина неизвестна. Число 500 тысяч, приводимое в некоторых источниках, безусловно является эпическим преувеличением. Основную часть армии составляли дворянские подразделения. Кроме них были стрельцы, артиллерия и служилые казаки. Чтобы избежать дезорганизующего эффекта тяжб армейских офицеров по поводу старшинства (местничества), патриарх Иов и Собор челом били Борису, чтобы он объявил службу в этой кампании свободной от правил местничества.⁴⁷⁸ По всей вероятности, в этом случае патриарх действовал по предварительному соглашению с Борисом, который опять следовал традициям Адашева.

В качестве средства психологического воздействия на татар Борис отдал командные посты в своей армии нескольким татарским царевичам, состоящим на русской службе. Астраханский царевич Арслан Кайбулич возглавил главную армейскую группировку (большой полк); казахский царевич Ураз-Магомет – правую (правая рука); сибирский царевич Махмет-Кул – авангард (передовой полк).⁴⁷⁹

10 мая два беженца из Крыма сообщили, что хан выступил в Москву. После этого новости поступать перестали. Борис использовал временное затишье для проверки системы обороны, изучения планов новых укрепленных городов, организации флотилии на Оке и инспектирования войск. 18 июня из Ельца прибыл гонец с сообщением, что ханские послы выехали предложить мир.

Послы достигли ставки царя Бориса у Серпухова 29 июня. При приеме было сделано все, чтобы поразить их воображение силой русской армии. Мирные предложения приняли, и русские послы выехали к хану. Борис затем устроил войскам роскошный пир, «И все воины радовались и надеялись на новые милости в будущем».⁴⁸⁰

После этого Борис с триумфом возвратился в Москву.

Совершенно очевидно, что своевременная концентрация русской армии на берегу Оки, о чем хан Казы-Гирей, безусловно, узнал от своих разведчиков, послужила сдерживающим средством, сделавшим татарскую кампанию против Московии слишком рискованной. Куда более заманчивыми для татар в то время являлись набеги на Молдавию, Польшу и Венгрию.⁴⁸¹

Превентивная кампания царя Бориса в 1598 г. дала исключительно важные результаты для всей системы русской обороны от нападений татар. Линия обороны по берегу Оки утратила свое значение. Бастионом новой оборонительной линии для ежегодного развертывания войск, охраняющих границу, стал треугольник Мценск, Новосиль и Орел.⁴⁸²

Южнее этого треугольника построили Белгород на реке Донец и Валуйки на Осколе (1598 г.). В 1600 г. был предпринят смелый шаг вперед – возведение Царева-Борисова на Нижнем Осколе, вблизи места его впадения в Донец. Этот город находился недалеко от Крыма и мог служить не только защитой от татарских набегов, но и базой для потенциального русского похода на Крым.

О значении, придаваемом Борисом новой крепости, говорит тот факт, что он поручил его строительство такому выдающемуся военному авторитету, как Богдан Бельский. Под его командование поступили отряды служилых казаков и стрельцов; в качестве поселенцев

⁴⁷⁸ 478. Карамзин, Примечания, 11, No15, с. 6.

⁴⁷⁹ 479. Сибирский Сборник, с. 135.

⁴⁸⁰ 480. Степенная книга («Книга степеней», поколений), как она цитируется у Карамзина, Примечания, 11, No20, с. 7. Об этой летописи см. Иконников, Опыт русской историографии, 2, ч. II, с. 1338-1349.

⁴⁸¹ 481. Новосельский, с. 42.

⁴⁸² 482. Там же.

послали посадских из старых городов. Бельский взял с собой собственный двор, поскольку он должен был остаться в Цареве-Борисове первым воеводой. Построенная им крепость была очень мощной.⁴⁸³

До наступления Смутного времени Татары больше не предпринимали набегов на Московию.

Власть царя Бориса казалась, наконец, твердо установленной. Но тем не менее появились опасные признаки недовольства среди бояр.

В начале июня, когда Борис еще находился в полевой армии, Андрей Сапега получил от своих шпионов информацию, что некоторые московские князья и бояре, включая Вольского и двух братьев Романовых (Федора и Александра), воспользовались отсрочкой коронации Бориса и планируют избрать вместо него царя Симеона Бекбулатовича, бывшего великого князя всея Руси (1575-1576 гг.) и великого князя тверского (1576-1585).⁴⁸⁴

Выбор нового кандидата можно объяснить тем, что никто из боярских конкурентов Бориса (Бельский, Федор Романов или князь Мстиславский) не получил достаточной поддержки во время предвыборной кампании. И поскольку ни один из них не желал встать в новой попытке на сторону любого другого, им необходимо было согласиться на нейтральную кандидатуру. Царь Симеон, кроме того, что по прихоти царя Ивана IV официально правил Русью в течение целого года в 1575-1576 гг., приходился шурином князю Мстиславскому. В 1595г. Симеон ослеп. Принимая это во внимание, поддерживающие его бояре рассчитывали править от его имени.

О заговоре стало известно патриарху и Борису, но они предпочли обойтись без огласки. К 1 августа вышел официальный указ об избрании Бориса, по которому всем, ищущим кроме Бориса и его потомков другого царя, грозило отлучение от церкви. Указ подписали все присутствовавшие на этой сессии члены Собора, включая князя Мстиславского, Федора и Александра Романовых, а также Бориса Вельского.⁴⁸⁵

Бориса короновали в Успенском соборе 1 сентября. По случаю вступления на престол новый царь щедро осыпал своих подданных милостями.⁴⁸⁶ Царевича Ураз-Магомета назначили царем Касимова.⁴⁸⁷ Александра Романова произвели в бояре; Богдана Бельского – в окольничии. Оптовых купцов (гостей), а также некоторые другие категории купцов на два года освободили от таможенных пошлин; государственных крестьян – от налогов, а сибирские народы на один год от ясака. Чтобы предотвратить злоупотребления владельцев вотчин и поместий по отношению к крестьянам-арендаторам, издали свод обязательств нанимателей перед хозяевами.⁴⁸⁸ Вряд ли владельцы остались довольны этим новым законодательным актом. Патриарха Иова наградили охранной грамотой для патриаршей епархии – первоначально подобная грамота была пожалована митрополиту Афанасию царем Иваном IV.⁴⁸⁹

Несмотря на все эти блага, коронация не смогла положить конец тайному сопротивлению противников Бориса среди бояр. Поэтому 15 сентября была издана новая форма присяги.⁴⁹⁰ Подписывающие должны были отказаться от смуты (подробнейший список всех возможных ее форм прилагался) и обещать верность царю Борису и царевичу Федору. Присяга включала также особую статью, касающуюся Симеона Бекбулатовича, признание которого царем,

⁴⁸³ 483. «Новый Летописец», ПСРЛ, 14, ч. 1, 55.

⁴⁸⁴ 484. Платонов, Борис Годунов, с. 130-131.

⁴⁸⁵ 485. ААЭ, 2, 48-49.

⁴⁸⁶ 486. Карамзин, 11, 22-24; Карамзин, Примечания, 11, 25 и 27; Соловьев, 356-359.

⁴⁸⁷ 487. Об Ураз-Магомете см.: Вельяминов-Зернов, 2, 97-498. Описание официального возведения Ураз-Магомета в должность по древним монгольским ритуалам см. с. 400-410.

⁴⁸⁸ 488. Греков, Крестьяне, 2, 335-356.

⁴⁸⁹ 489. СГГД, 2, No 73, с. 153-156; Карамзин, 11, 83; Карамзин, Примечания, 11, No 117, с. 41-42; Соловьев, 8, 376-377.

⁴⁹⁰ 490. ААЭ, 2, No 10, с. 57-61.

даже дружба или переписка с которым объявлялись изменой. Этот пространный документ был составлен, по всей видимости, Семеном Никитичем Годуновым, которого Борис назначил главой тайной полиции и Сысского приказа.

Новая клятва, безусловно, нанесла престижу царя Бориса больше вреда, чем пользы. Она не могла отвлечь предводителей тайной оппозиции от продолжения своей деятельности, но смутила многих верных подданных царя известием о существовании измены.

VII

В отношениях Москвы с Речью Посполитой и Швецией Борис старался извлечь пользу из конфликта между этими двумя державами.

Шведский король Иоанн III скончался в 1592 г. Его сын, польский король Сигизмунд III, получил корону Швеции, оставаясь королем Польши. Сигизмунд был истовым католиком, но в качестве короля Швеции он был должен дать клятву признать Аугсбургское исповедание как шведское государственное, не допускать в Швецию иезуитов и не нарушать шведскую конституцию.

С благословения своего иезуитского духовника Сигизмунд дал все эти обещания, но в мыслях остался при своем мнении. Поскольку он желал продолжать жить в Польше, ему пришлось назначить своего дядю Карла управляющим Швецией. Очень скоро между Карлом и Сигизмундом начались разногласия, и в 1598 г. Сигизмунд с войсками высадился в Швеции, чтобы силой сместить Карла. Тот, однако, разбил армию Сигизмунда. В 1599 г. шведский парламент сверг Сигизмунда с престола. Карл носил титул «правлящего кронпринца Швеции» до его коронации в 1604 г. (впоследствии он стал известен как Карл IX). Сигизмунд отказался признать его и продолжал претендовать на шведскую корону. В 1600 г. между двумя государствами началась война, причиной которой послужили взаимные претензии по отношению к Ливонии.⁴⁹¹

Борис непосредственного участия в этой войне не принимал, но искал случая вернуть Нарву и повторить эксперимент царя Ивана IV по возведению на ливонский престол вассального короля.

Именно с этим намерением Борис вспомнил об изгнанном шведском принце Густаве (сыне короля Эрика XIV), которого в 1585 г. он и царь Федор безуспешно сманивали в Москву.⁴⁹² Густав родился в 1568 г., за семь месяцев до того, как Эрика сверг с престола и заключил под стражу его младший брат Иоанн III. Некоторое время спустя Иоанн приказал одному из придворных утопить маленького Густава, однако этот план провалился, и мальчика тайно перевезли в Польшу, где его обратили в католичество. Он получил воспитание у иезуитов и, несмотря на то, что жил в нужде, проявил большие способности к наукам. Он прекрасно овладел несколькими языками, включая русский, и успешно занимался химией, из-за чего его прозвали «вторым Парацельсом».⁴⁹³

---

⁴⁹¹ 491. *Histiria Polski*, part II, 508-513.

⁴⁹² 492. ПДС, I, кол. 1368-1371 и 1381-1384.

⁴⁹³ 493. Г. Форстен, «Густав, принц», ЭС, полутом 18, с. 928.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.